

МАДЛЕН Л'ЭНГЛ

ИЗЛОМ ВРЕМЕНИ

КВИНТЕТ ВРЕМЕНИ

КНИГА 1

Книга удостоена медали Ньюбери,
премии «Книжная полка Льюиса Кэрролла»
и номинирована на международную премию
имени Х. К. Андерсена

ЧИТАЙТЕ КНИГУ И СМОТРИТЕ НОВЫЙ ФИЛЬМ Disney!

Annotation

Мег Мёрри не девочка, а сплошное недоразумение. На носу – очки, волосы торчат как попало. Учится она плохо (а ведь родители у нее – знаменитые ученые!), да еще с мальчишками дерется. Ее младший брат Чарльз Уоллес – похоже, что юный гений (ну, правда, немного странноватый). А отец Мег и Чарльза Уоллеса – тот и вовсе давно исчез в неизвестном направлении (якобы у него какая-то секретная работа). В общем, странная семейка эти Мёрри, с какой стороны ни посмотри. И вот однажды на пороге их дома появляется чудаковатая старушка по имени миссис Кто. И от нее Мег, Чарльз Уоллес и их новый друг Кальвин узнают про какой-то загадочный излом времени, с помощью которого можно разыскать папу... Книга «Излом времени» увидела свет в 1962 году и сразу стала классикой детской литературы, а ее автор, Мадлен Л'Энгл, была удостоена престижной медали Ньюбери. Это и сказка, и притча, и фантастика, и фэнтези; ее часто упоминают рядом с произведениями Клайва Стейплза Льюиса, автора прославленных «Хроник Нарнии». Эта книга – лишь первая в цикле о приключениях Мег, Чарльза Уоллеса и Кальвина, и впервые цикл целиком переводится на русский язык. А весной 2018 года на экраны всего мира выходит фильм «Излом времени», снятый студией «Дисней».

- [Мадлен Л'Энгл](#)
  -
  -
  - [Глава первая. Миссис Кто](#)
  - [Глава вторая. Миссис Кто](#)
  - [Глава третья. Миссис Ведь](#)
  - [Глава четвертая. Черная Тень](#)
  - [Глава пятая. Тессеракт](#)
  - [Глава шестая. Золотая Середина](#)
  - [Глава седьмая. Красноглазый](#)
  - [Глава восьмая. Прозрачная колонна](#)
  - [Глава девятая. ОНО](#)
  - [Глава десятая. Абсолютный ноль](#)
  - [Глава одиннадцатая. Тетушка Тварь](#)
  - [Глава двенадцатая. Глупость и слабость](#)

- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)

Мадлен Л`Энгл Излом времени

Madeleine L'Engle
A WRINKLE IN TIME

© А. Хромова, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Чарльзу Уодсворту Кэмпу и Уоллесу Коллину
Франклину*

Глава первая. Миссис Что

Ночь была темная и ненастная.

Маргарет Мёрри сидела у себя в мансарде, завернувшись в старое лоскутное одеяло и притулившись в ногах кровати, и смотрела, как за окном яростные порывы ветра раскачивают макушки деревьев. Выше деревьев мчались по небу рваные тучи. Из-за туч то и дело выглядывала луна, и тогда на землю падали призрачные тени.

Дом дрожал.

Дрожала и Мег, кутаясь в одеяло.

Обычно Мег не боялась грозы. «Дело-то не в грозе, – подумала она. – Просто все вот это, а тут еще и гроза. Только грозы мне и не хватало!» Как будто мало того, что Мег Мёрри все делает не так.

Школа. В школе все было не так. Мег очутилась среди последних учеников в своем классе. Утром одна учительница сердито сказала: «Нет, Мег, я решительно не понимаю, как дочь таких блестящих родителей может так плохо заниматься! Если не подтянешься, придется оставить тебя на второй год».

На обеде она немного поваляла дурака, чтобы хоть как-то прийти в себя, и одна из девочек презрительно бросила: «Послушай, Мег, мы же не первоклашки какие-нибудь! Почему ты все время ведешь себя как маленькая?»

А по дороге домой, когда она шла по улице с охапкой учебников, один из мальчишек что-то сказал насчет ее «безмозглого братца». Ну, Мег швырнула книжки на обочину и врезала ему от всей души. В результате домой она вернулась в порванной кофточке и со здоровенным фингалом под глазом.

Сэнди и Деннис, ее десятилетние братья-близнецы, возвратившиеся домой часом раньше, были возмущены. «Если уж надо драться, предоставь это нам!» – заявили они.

«Я просто хулиганка, вот и все, – с горечью думала Мег. – Так все и будут говорить. Мама нет, а они да. Все остальные. Эх, вот бы папа...»

Но думать о папе было невозможно: того и гляди разреветься. Это только мама могла говорить о нем как ни в чем не бывало: «Вот вернется папа...»

Откуда вернется-то? И когда? Как будто мама не знает, что говорят люди. Уж конечно, до нее доходили все эти мерзкие лицемерные сплетни.

И уж конечно, ее они ранили так же больно, как и Мег. Но мама и виду не подавала. Она оставалась безмятежной и невозмутимой.

«Ну вот почему я не могу это скрывать, как она? – думала Мег. – Зачем у меня всегда все наружу?»

Оконное стекло бешено задребезжало на ветру. Девочка поплотнее закуталась в одеяло. Свернувшийся на подушке серый пушистый котенок широко зевнул, высунув розовый язычок, снова накрыл нос лапкой и уснул.

Все спят. Только Мег не спится. Даже Чарльз Уоллес, ее «безмозглый братец», который каким-то сверхъестественным образом чуял, когда Мег не спится и не по себе, и который не раз пробирался по ночам на цыпочках к ней в мансарду, – даже Чарльз Уоллес и тот спит.

Вот как они могут спать? По радио весь день передавали штормовое предупреждение. Как они могли бросить ее одну в мансарде, на скрипучей латунной кровати, когда с дома того и гляди сдует крышу и Мег унесет ночным ураганом невесть куда?

Она уже не просто дрожала – ее трясло.

«Ты же сама захотела жить в мансарде! – сердито напомнила себе Мег. – И мама тебе разрешила, потому что ты старшая! Это привилегия, а не наказание!»

– Во время урагана это никакая не привилегия! – ответила она вслух.

Девочка сбросила с себя одеяло в ноги кровати и встала. Котенок сладко потянулся и уставился на нее круглыми невинными глазами.

– Спи, спи, – сказала ему Мег. – Радуйся, что ты котенок, а не чудовище какое-нибудь вроде меня.

Она посмотрелась в зеркало на дверце шкафа и скорчила жуткую рожу, оскалив зубы со скобками. Машинально поправила очки, запустила пятерню в невнятно-русые волосы, так что они встали торчком, и шумно вздохнула, почти заглушив вой ветра.

Широкие деревянные половицы холодили босые ноги. В щели окон, несмотря на двойные рамы, задувал ветер. Тот же ветер выл в дымоходах. Даже отсюда, из мансарды, Мег слышала, как залаял их большой черный пес Фортинбрас. Ему, наверно, тоже страшно. На кого он лает? Фортинбрас попусту не гавкает...

Мег вдруг вспомнила, что, когда она ходила на почту за письмами, люди говорили о каком-то бродяге, который, по слухам, украл двенадцать простыней у миссис Банкомб, жены констебля. Бродягу так и не поймали. А вдруг он прямо сейчас подбирается к дому Мёрри? Живут они на отшибе, в тупике... А вдруг на этот раз ему нужны не только простыни? Тогда, на почте, Мег не обратила особого внимания на всю эту болтовню

насчет бродяги, потому что почтальонша с медовой улыбочкой спросила, не слышно ли чего от папы.

Мег вышла из своей комнатухи и принялась на ощупь пробираться по чердаку, наткнувшись по пути на стол для пинг-понга. «Ну вот, теперь ко всему прочему еще и на ноге синяк будет!» – подумала она.

Вслед за этим Мег наткнулась на свой старый кукольный домик, лошадку-качалку Чарльза Уоллеса и железную дорогу близнецов.

– Ну почему все это случается именно со мной? – осведомилась Мег у большого плюшевого мишки.

Спустившись с чердака, она застыла и прислушалась. Из комнаты Чарльза Уоллеса, справа, не доносилось ни звука. Слева, из комнаты родителей, где мама спала одна в просторной двуспальной кровати, тоже ни шороха. Мег на цыпочках прокралась по коридору и очутилась в комнате близнецов. Поправила очки, как будто от этого в темноте будет лучше видно. Деннис храпел. Сэнди пробормотал что-то насчет бейсбола и затих. Хорошо близнецам, у них-то проблем не бывает! Отличниками они не были, но и двоечниками тоже. Их вполне устраивали сплошные четверки с немногими затесавшимися пятерками или тройками. Крепкие и быстроногие, они были хорошими спортсменами, и если кто-то позволял себе отпускать язвительные замечания насчет семьи Мёрри, то не в присутствии Сэнди с Деннисом.

Мег миновала комнату близнецов и спустилась вниз, перешагнув скрипучую седьмую ступеньку. Фортинбрас замолчал. Значит, это не бродяга. Если бы поблизости кто-то был, Форт гавкал бы не умолкая...

Ну а вдруг бродяга все же там? А вдруг у него нож? Поблизости никто не живет, случись что – не докричишься, хоть тресни. И вообще, всем будет все равно...

«Сварю-ка я себе какао, – решила Мег. – Это меня подбодрит, а если у дома сорвет крышу, то, по крайней мере, я с нею не улечу».

На кухне уже горел свет, Чарльз Уоллес сидел за столом, пил молоко и ел бутерброд с джемом. Здесь, на просторной старомодной кухне, он выглядел совсем маленьким и беззащитным: белокурый малыш в бледно-голубой пижамке, с ногами, дюймов на шесть ^[1] не достающими до пола.

– Привет! – жизнерадостно сказал он. – А я тебя ждал.

Фортинбрас, который лежал под столом, под ногами у Чарльза Уоллеса, в надежде на корочку-другую, поднял узкую черную голову и замолотил хвостом по полу, приветствуя Мег. Фортинбрас приболудился к их дому однажды зимой, щенком-подростком, тощим и заброшенным. По словам папы, он был наполовину сеттер, наполовину грейхаунд и обладал

неповторимой, мрачноватой изящной красотой.

– А что же ты в мансарду не пришел? – упрекнула Мег, как будто брат был ей как минимум ровесником. – Мне знаешь как страшно было?

– У тебя там, в мансарде, слишком уж ветрено, – ответил мальш. – А я знал, что ты спустишься. Я вон тебе молоко греться поставил. Наверно, оно уже горячее.

Ну откуда Чарльз Уоллес все про нее знает наперед? Как ему это удастся? Вот про Денниса с Сэнди он никогда не знает, что они думают, – или ему это неинтересно. А мамины мысли и мысли Мег он угадывает с пугающей точностью.

Может быть, люди его просто побаиваются? Может, они поэтому шепчутся про младшего ребенка Мёрри и поговаривают, будто у него не все дома? «Говорят, у шибко умных часто детишки рождаются ненормальные, – как-то раз мельком услышала Мег. – Парнишки-то у них хорошие, дети как дети, а вот девчонка эта страшненькая и малец точно не от мира сего».

Ну да, правда: при посторонних Чарльз Уоллес почти все время молчал – многие и думали, что он говорить не умеет. Он и в самом деле заговорил, только когда ему было почти четыре. Но Мег аж бледнела от ярости, когда люди смотрели на него и этак цокали языком, грустно качая головой.

– Да не переживай ты из-за Чарльза Уоллеса, Мег, – сказал ей как-то раз папа. Мег это очень хорошо запомнила, потому что это случилось незадолго до того, как папа пропал. – С головой у него полный порядок. Просто он все делает по-своему и в свое время.

– Но я не хочу, чтобы он вырос тупицей, как я! – сказала Мег.

– Но ведь ты же не тупица, радость моя, – ответил папа. – Ты как Чарльз Уоллес. Твое развитие идет своим чередом. Просто не так, как у большинства.

– А ты-то откуда знаешь? – осведомилась Мег. – Откуда ты знаешь, что я не тупая? Ты меня просто любишь, вот и все.

– Да, я тебя люблю, но знаю я не поэтому. Мы же с мамой устраивали тебе тесты, понимаешь?

Да, это правда. Мег сознавала, что многие «игры», в которые играли с нею родители, на самом деле были чем-то вроде тестов и что с нею и Чарльзом Уоллесом в такие игры играли чаще, чем с близнецами.

– В смысле на ай-кью?

– И на него тоже.

– И что, ай-кью у меня в порядке?

– Более чем в порядке.

– А сколько?

– Этого я тебе не скажу. Но я абсолютно уверен, что вы с Чарльзом Уоллесом, когда вырастаете, будете способны практически на все, что угодно. Вот погоди, Чарльз Уоллес начнет говорить – увидишь.

И папа оказался совершенно прав. Хотя сам он исчез до того, как Чарльз Уоллес заговорил – заговорил внезапно, без всякого младенческого лепета, сразу целыми фразами. Как гордился бы им папа!

– Ты бы проверила, как там молоко, – сказал Чарльз Уоллес. Слова он выговаривал куда чище и четче, чем большинство пятилетних детей. – Ты же сама терпеть не можешь, когда на молоке пенка.

– Что-то многовато ты молока налил, – заметила Мег, заглянув в кастрюльку.

Чарльз Уоллес невозмутимо кивнул:

– Я подумал, что мама тоже захочет.

– Чего я захочу? – послышалось от дверей. Там стояла мама.

– Какао, – ответил Чарльз Уоллес. – А бутерброд с ливерной колбасой и сливочным сыром хочешь? Я тебе с удовольствием сделаю.

– Было бы здорово, – сказала миссис Мёрри, – но я и сама могу сделать, если ты занят.

– Да что ты, мне несложно!

Чарльз Уоллес сполз со стула и засеменил к холодильнику. Его ноги в пижамных штанишках ступали беззвучно, как у котенка.

– А ты, Мег? – спросил он. – Как насчет бутерброда?

– С удовольствием, – сказала она. – Только без колбасы. Помидорчиков нету?

Чарльз Уоллес заглянул в ящик для овощей:

– Есть один. Мама, можно, я его изведу в пользу Мег?

– Это будет большая польза! – улыбнулась миссис Мёрри. – Только говори потише, ладно, Чарльз? Если, конечно, не хочешь, чтобы сюда спустились близнецы.

– Нет уж, у нас тут приватное общество, – ответил Чарльз Уоллес. – Это я новое слово выучил – «приватный». Впечатляюще, правда?

– Феноменально! – сказала миссис Мёрри. – Мег, поди-ка сюда, дай взглянуть на твой синяк.

Мег опустилась на колени у ног матери. На кухне было тепло и светло, и все ее чердачные страхи рассеялись. В кастрюльке булькало ароматное какао; на подоконниках цвели герани; в центре стола красовался букет мелких желтых хризантем. Занавески, красные, с сине-зеленым

геометрическим узором, были задернуты и отбрасывали жизнерадостные отсветы на всю кухню. Печка урчала, как большой спящий зверь, лампы горели ровным светом; снаружи, за стенами, все так же ярился одинокий ветер, но его злобная сила, что так пугала Мег, пока девочка сидела одна в мансарде, в привычной уютной кухне казалась уже не такой страшной. Фортинбрас завалился под стул миссис Мёрри и блаженно вздохнул.

Миссис Мёрри бережно коснулась разбитой скулы Мег. Та подняла глаза на мать, отчасти с любовью и обожанием, отчасти – с угрюмой завистью. Нелегко жить, когда твоя мама мало того что ученый, так еще и красавица вдобавок. Огненно-рыжие волосы миссис Мёрри, сливочно-белая кожа и фиалковые глаза с длинными черными ресницами смотрелись еще выразительнее по сравнению с вопиющей заурядностью Мег. Пока она ходила с аккуратно заплетенными косичками, волосы ее смотрелись еще ничего. Но когда перешла в старшую школу, то подстриглась. Теперь они с мамой все пытались как-то их приструнить. Но с одной стороны головы они вились, а с другой оставались прямыми, так что теперь Мег выглядела еще зауряднее, чем раньше.

– Ты не знаешь, что такое сдержанность, да, радость моя? – сказала миссис Мёрри. – Интересно, познакомишься ли ты когда-нибудь с золотой серединой? Какой жуткий синяк поставил тебе этот Хендерсон! Кстати, вскоре после того, как ты ушла спать, звонила его мать и жаловалась, что ты, мол, его избила. Я ей сказала, что поскольку он на год старше и минимум на двадцать пять фунтов^[2] тяжелее, то это мне следует жаловаться, а не ей. Но она, похоже, считает, что это ты во всем виновата.

– По-моему, зависит от того, с какой стороны посмотреть, – ответила Мег. – Обычно люди во всем винят меня, что бы ни случилось, даже если я вообще ни при чем. Но тут я действительно полезла в драку первой, прости. Понимаешь, неделя выдалась ужасная. И меня терзают дурные предчувствия.

Миссис Мёрри погладила лохматую голову Мег:

– А почему, не знаешь?

– Меня так злит, что я чудачка! – сказала Мег. – И Сэнди с Деннисом от этого тоже тяжело. Я даже не знаю, правда ли они такие, как все, или просто ловко прикидываются. Я тоже стараюсь прикидываться, но ничего не выходит.

– Ты слишком прямолинейна, чтобы прикидываться не тем, кто ты есть, – сказала миссис Мёрри. – Мне очень жаль, Мегги. Может быть, если бы папа был дома, он сумел бы тебе помочь, но я, боюсь, ничего сделать пока не смогу. Придется тебе еще немного потерпеть. Со временем станет

полегче. Но пока что это не особо утешает, да?

– Может быть, если бы я была не такая страшная... если бы я была хорошенькая, вот как ты...

– Мама не «хорошенькая», мама у нас красавица! – заявил Чарльз Уоллес, нарезаая колбасу. – Поэтому могу поручиться, что в твоём возрасте она выглядела ужасно.

– Ты прав, как никогда, – сказала миссис Мёрри. – Просто дай себе время, Мег.

– Мама, тебе салат в сэндвич класть? – спросил Чарльз Уоллес.

– Нет, спасибо.

Он нарезал сэндвич на кусочки, положил на тарелку и поставил тарелку перед матерью:

– Твой сейчас будет готов, Мег. Наверно, надо будет поговорить насчет тебя с миссис Что.

– Кто такая миссис Что? – спросила Мег.

– Пожалуй, это пока что приватная информация, – сказал Чарльз Уоллес. – Луковой солью посыпать?

– Давай.

– А как миссис Что зовут на самом деле? – спросила миссис Мёрри.

– Так и зовут, – ответил Чарльз Уоллес. – Знаешь такой старый дом под рубероидной крышей в чаще леса, куда еще дети не ходят, потому что говорят, будто там водятся привидения? Вот там-то они и живут.

– Кто – «они»?

– Миссис Что и две ее подруги. Я пару дней назад пошел гулять с Фортинбрасом – вы с близнецами были в школе, Мег. Мы с ним любим гулять по лесу. А тут вдруг он погнался за белкой, а я за ним, и мы очутились у дома с привидениями. Так что я с ними случайно познакомился, если можно так выразиться.

– Но там же никто не живет, – сказала Мег.

– Там живет миссис Что с подругами. Очень приятные дамы.

– Почему же ты мне раньше не рассказал? – спросила миссис Мёрри. – И, Чарльз, ты же знаешь, что тебе нельзя без спросу уходить с нашего участка.

– Знаю, – сказал Чарльз. – Это одна из причин, почему я тебе ничего не сказал. Я просто взял и побежал за Фортинбрасом, не раздумывая. А потом решил: поберегу-ка я их на крайний случай, так сказать.

Новый порыв ветра налетел на дом с такой силой, что стены содрогнулись, и внезапно в окна забарабанил дождь.

– Не нравится мне этот ветер, – нервно заметила Мег.

– Ну да, рубероид с крыши может посрывать, – сказала миссис Мёрри. – Но этот дом две сотни лет простоял, Мег. Думаю, и еще постоит. Тут, на горé, постоянно сильные ветра.

– Но это же ураган! – заныла Мег. – По радио все время говорили, что это ураган!

– Октябрь на дворе, – сказала ей миссис Мёрри. – Первый раз, что ли, в октябре буря?

Когда Чарльз Уоллес протянул Мег ее сэндвич, Фортинбрас выбрался из-под стола. Пес тихо зарычал, черная шерсть у него на хребте медленно встала дыбом. Мег почувствовала, как у нее и у самой по спине поползли мурашки.

– Что такое? – с тревогой спросила она.

Фортинбрас уставился на дверь в лабораторию миссис Мёрри. Лаборатория находилась в старой каменной маслобойне, которая примыкала к кухне. За лабораторией была кладовая, а в кладовой имелась дверь на улицу, хотя миссис Мёрри сделала все, чтобы приучить семейство ходить через гараж или через парадный вход, а ни в коем случае не через лабораторию. Однако Фортинбрас рычал именно на дверь лаборатории, а не на дверь гаража.

– Мама, ты никаких вонючих химикалий на бунзеновской горелке не оставляла? – спросил Чарльз Уоллес.

Миссис Мёрри встала:

– Нет. Но я, пожалуй, схожу посмотрю, что так встревожило Форта.

– Это тот бродяга. Я знаю, это тот бродяга! – нервно сказала Мег.

– Какой еще бродяга? – спросил Чарльз Уоллес.

– На почте сегодня говорили, какой-то бродяга у миссис Банкомб все простыни стащил.

– Ой, ну тогда нам надо срочно пойти и сесть на ящики для белья! – беспечно сказала миссис Мёрри. – Нет, Мег, думаю, в такую ночь даже бродяга по улице шататься не станет.

– Но он же небось за этим и пришел, – уперлась Мег. – Чтобы по улице не шататься!

– Ну что ж, значит, предложу ему переночевать в сарае. – И миссис Мёрри решительно направилась к двери.

– Я с тобой! – вскрикнула Мег.

– Нет, Мег, ты побудь с Чарльзом и доешь свой сэндвич.

– Доешь свой сэндвич! – воскликнула Мег, когда миссис Мёрри скрылась в лаборатории. – Вот как я могу сейчас есть?

– Ничего, мама может о себе позаботиться, – сказал Чарльз. – В

смысле постоять за себя.

Однако и сам Чарльз Уоллес, сидя в папином кресле у стола, пинал ногами перекладыны – а он, в отличие от большинства малышей, умел сидеть тихо.

Не прошло и минуты – Мег это время показалось вечностью, – как миссис Мёрри вернулась и придержала дверь перед... неужели это и есть бродяга? Мег казалось, что бродяга должен быть намного выше... Определить возраст и пол этого человека было невозможно, потому что он был от макушки до пяток закутан в тряпье. На голове у него было намотано несколько платков всех цветов радуги, а на них нахлобучена мужская шляпа. Поверх грубого пальто был накинут и завязан узлом ядовито-розовый палантин, а на ногах были черные резиновые сапоги.

– Миссис Что, – с подозрением осведомился Чарльз, – что вы тут делаете? И к тому же так поздно?

– Ничего, золотко, не тревожься.

Голос исходил откуда-то из глубин поднятого воротника пальто, палантина, платков и шляпы. Голос звучал как несмазанные ворота, но при этом почему-то не раздражал.

– Миссис... э-э... миссис Что говорит, что заблудилась, – сообщила миссис Мёрри. – Не желаете ли горячего шоколада, миссис Что?

– Это было бы чудесно! – отвечала миссис Что, снимая шляпу и палантин. – Я не то чтобы заблудилась – меня просто ветром сдуло. Ну а когда я поняла, что меня занесло к дому крошки Чарльза Уоллеса, я решила, что стоит зайти и немного передохнуть, прежде чем отправляться дальше своим путем.

– А откуда вы узнали, что это дом Чарльза Уоллеса? – спросила Мег.

– По запаху!

Миссис Что размотала сине-зеленый платок в «турецких огурцах», красно-желтый шарфик с цветочным узором, золотой набивной шарфик, красно-черную косынку в горошек. Под всем этим обнаружили жидкие седые волосы, завязанные аккуратным узелком на макушке. Глаза у нее были блестящие, нос – круглой мягкой пуговкой, губы морщинистые, как осеннее яблоко.

– Ой, ну надо же, как тут у вас тепло и славно! – сказала она.

– Присаживайтесь, присаживайтесь! – Миссис Мёрри указала на стул. – Не желаете ли сэндвича, миссис Что? У меня с ливерной колбасой и сливочным сыром, у Чарльза – с джемом, у Мег – с салатом и помидором...

– Так-так... – задумалась миссис Что. – Знаете, я обожаю черную икру...

– Да вы же подглядывали! – возмутился Чарльз. – Икра – это маме на день рождения, мы вам ее не дадим!

Миссис Что тяжело, страдальчески вздохнула.

– Нет и нет! – твердо сказал Чарльз. – Не давай ей, мам, а не то я рассержусь! Салат с тунцом будете?

– Ну ладно, давай, – смиренно ответила миссис Что.

– Я все сделаю, – вызвалась Мег и пошла в кладовку за банкой тунца.

«Умереть не встать! – думала она. – Эта бабка вламывается к нам посреди ночи, а мама ведет себя как ни в чем не бывало! На что поспорим, она тоже бродяга? На что поспорим, это она украла простыни? И она уж точно не из тех, с кем стоит водиться Чарльзу Уоллесу – он ведь и с обычными-то людьми не разговаривает!»

– Я не так давно в ваших краях, – говорила миссис Что, когда Мег выключила свет в кладовке и вернулась на кухню с банкой консервов. – Я и не думала, что подружусь с соседями, но тут ко мне завернул малютка Чарльз со своей собачкой.

– Миссис Что, – строго осведомился Чарльз Уоллес, – вы зачем у миссис Банкомб простыни украли?

– Ну, Чарльзушка, мне было очень надо!

– Верните немедленно.

– Не могу, Чарльзушка. Я их уже извела.

– Как же вам не стыдно! – упрекнул Чарльз Уоллес. – Если вам так уж нужны были простыни, могли бы у меня попросить.

Миссис Что покачала головой и хихикнула:

– У вас простыней-то лишних нету. А у миссис Банкомб есть.

Мег накрошила сельдерея и смешала его с тунцом. Поколебавшись, она открыла холодильник и достала банку сладких маринованных корнишонов. «Понятия не имею, почему я так стараюсь ради нее, – думала она, нарезаая корнишоны. – Я же ей ни капельки не доверяю!»

– Ты сестре-то скажи, что я хорошая, – обратилась миссис Что к Чарльзу. – Что намерения у меня самые благие.

– «Благими намерениями вымощена дорога в ад», – процитировал Чарльз.

– Ну и ну, какой умница! – умилилась миссис Что. – Как хорошо, что его понимают дома!

– Боюсь, не очень-то его понимают, – сказала миссис Мёрри. – До Чарльза все мы немного недотягиваем.

– Однако же вы и до своего уровня его опустить не пытаетесь! – Миссис Что энергично закивала. – Вы позволяете ему быть самим собой.

– Вот ваш сэндвич! – сказала Мег, протягивая его миссис Что.

– Ничего, если я сапоги сниму, прежде чем его есть? – спросила миссис Что, но сэндвич тем не менее взяла. – Вот, слышите? – Она поболтала ногами в сапогах – внутри явственно хлюпало. – Ноги промочила насквозь! Беда в том, что они мне малость тесноваты, сама я их стащить никак не могу.

– Давайте я помогу! – вызвался Чарльз.

– Нет, ты не сумеешь. Силенок не хватит.

– Давайте я.

Миссис Мёрри присела на корточки у ног миссис Что и потянула за скользкий сапог. Когда сапог наконец снялся, это произошло совершенно неожиданно. Миссис Мёрри с размаху плюхнулась на пол. Миссис Что кувырнулась назад вместе со стулом, высоко вскинув старческую лапку с зажатым в ней сэндвичем. Из сапога хлынула вода и побежала по полу, под большой плетеный половик.

– Охохонюшки! – воскликнула миссис Что, лежа на спине на опрокинутом стуле и болтая ногами в воздухе. На одной был красно-белый полосатый носок, вторая по-прежнему была в сапоге.

Миссис Мёрри поднялась с пола:

– С вами все хорошо, миссис Что?

– Ну, если у вас есть какая-нибудь мазь, чтобы залечить достоинство... – отвечала миссис Что, по-прежнему распростертая на полу. – А то оно слегка пострадало. Немного гвоздичного масла с чесноком пошло бы ему на пользу. – И она откусила изрядный кусок сэндвича.

– Встаньте, пожалуйста, – строго сказал Чарльз. – Нехорошо так валяться. Мне кажется, это уже немного чересчур.

– Попробовал бы ты сам подняться на ноги с уязвленным достоинством!

Однако же миссис Что вскочила, подняла стул, а потом уселась обратно на пол, выставив перед собой ногу в сапоге, и откусила еще сэндвича. Двигалась она весьма проворно для старухи. По крайней мере, Мег была почти уверена, что миссис Что стара, очень стара.

– Ну, снимайте второй, раз уж мне все равно падать некуда! – с набитым ртом сказала миссис Что миссис Мёрри.

Миссис Мёрри абсолютно спокойно, как будто в старухе с ее сапогами не было ничего из ряда вон выходящего, принялась тащить и тянуть, пока второй сапог тоже не снялся. На этой ноге обнаружился носок в серо-голубой ромбик. Миссис Что посидела на полу, шевеля пальцами ног, с удовольствием доела сэндвич, потом встала.

– Уфф, – сказала она, – вот так-то оно лучше!

Взяла оба сапога и вылила их в раковину.

– Червячка заморила, снаружи согрелась, изнутри тоже, пора и восвояси!

– Может, все же переночуете? – спросила миссис Мёрри.

– Ой, милочка, спасибо, но у меня столько дел, столько дел! Некогда расслаживаться.

– Ночь уж больно ветреная.

– Ветреные ночи – моя стихия! – ответила миссис Что. – Меня просто подхватило нисходящим потоком и сдуло с курса.

– Ну хотя бы пока носки не просохнут...

– Ой, мокрые носки мне нипочем! Просто не люблю, когда в сапогах хлюпает. Ты не тревожься обо мне, зайнька. – (К миссис Мёрри очень мало кто обращался на «ты». Да и зайнкой ее обычно не называли...) – Вот сейчас посижу еще чуток, обуюсь, да и двинусь потихоньку своей дорогой. Кстати, голубушка, насчет дорог – тессеракт действительно существует.

Миссис Мёрри сделалась белее мела, потянулась назад и ухватила за спинку стула, чтобы не упасть.

– Что вы сказали? – дрожащим голосом переспросила она.

Миссис Что взялась за второй сапог.

– Я говорю, – пропыхтела она, засовывая в него ногу, – что действительно, – дерг! – существует, – дерг! – такая штука, – дерг! – как тессеракт.

Она наконец-то пропихнула ногу в сапог, сгребла свои шали, платки, шляпу и направилась к двери. Миссис Мёрри застыла столбом, даже не пытаясь проводить гостью. Когда дверь распахнулась, в нее прошмыгнул Фортинбрас, пыхтящий, мокрый и скользкий, как тюлень. Он посмотрел на миссис Мёрри и заскулил.

Дверь захлопнулась.

– Мама, в чем дело?! – воскликнула Мег. – Что она сказала? О чем речь?

– Тессеракт... – прошептала миссис Мёрри. – Что она имела в виду? Откуда она знает?

Глава вторая. Миссис Кто

Когда Мег проснулась от звона будильника, за окном по-прежнему дул ветер, но светило солнце. Буря пронеслась мимо. Девочка села в кровати и потрясла головой, чтобы привести мысли в порядок.

Наверно, это все ей приснилось. Она боялась бури, переживала из-за бродяги – вот ей и приснилось, что она спустилась на кухню и познакомилась с миссис Кто и что мама так испугалась и расстроилась из-за этого слова... как же оно? «Тесс»... «тесс» и еще что-то.

Мег торопливо оделась, взяла котенка, который так и спал клубком на кровати, и бесцеремонно скинула его на пол. Котенок зевнул, потянулся, жалобно мяукнул, вышел из комнаты и стал спускаться вниз. Мег убрала постель и побежала следом. На кухне мама жарила французские тосты – это когда хлеб обмакивают в яйцо с молоком. Близнецы уже сидели за столом. Котенок лакал молоко из блюдечка.

– А где Чарльз? – спросила Мег.

– Спит еще. А то ведь мы сегодня ночью засиделись допоздна, если помнишь.

– Я надеялась, что мне приснилось, – сказала Мег.

Мама аккуратно перевернула четыре ломтика тостов и сказала ровным тоном:

– Нет, Мег. Не надейся. Я, как и ты, ничего не понимаю, но я знаю одно: если чего-то не понимаешь, это еще не значит, что этого не существует. Ты извини, что я себе позволила показать при вас, как я взволнована. Мы с папой часто шутили про тессеракт...

– Но что же это такое? – спросила Мег.

– Это такая идея. – Миссис Мёрри протянула близнецам кленовый сироп. – При случае попробую объяснить. Сейчас, перед школой, просто некогда.

– Не понимаю, почему вы нас не разбудили, – сказал Деннис. – Мы все самое интересное проспали, так нечестно!

– Зато на уроках спать не будете, не то что я.

Мег взяла тост и села за стол.

– Да какая разница! – сказал Сэнди. – Мам, если уж пускаешь в дом всяких старых бродяг посреди ночи, позвала бы хотя бы нас с Дэном, чтобы было кому тебя защищать!

– В конце концов, папа бы на нас рассчитывал, – добавил Деннис.

– Нет, мам, мы знаем, что ты очень умная, и все такое, – сказал Сэнди, – но ты не очень-то разумная. А уж Мег с Чарльзом – тем более.

– Ну да, конечно! Мы тупицы, – с горечью заметила Мег.

– Ну вот чего ты такая чокнутая, Мег? Сироп дай, пожалуйста. – Сэнди потянулся через стол. – И вовсе не обязательно все принимать так близко к сердцу. Ради всего святого, придерживайся золотой середины! А то в школе ты только и делаешь, что ушами хлопаешь и пялишься в окно. Совершенно ничего не слушаешь.

– Себе же хуже делаешь, – добавил Деннис. – А уж когда Чарльз Уоллес на будущий год пойдет в школу, ему вообще плохо придется. Нет, мы-то знаем, что он умный-разумный, но он так странно себя ведет и все так привыкли считать его за дурачка, что я не представляю, каково ему будет. Нет, конечно, мы с Сэнди вздуем любого, кто станет к нему цепляться, но больше мы ничего поделать не сможем.

– Давайте не будем переживать насчет будущего года, пока этот еще не кончился, – сказала миссис Мёрри. – Еще тостов, мальчики?

В школе Мег все время чувствовала себя усталой, глаза у нее слипались, мысли путались. На географии у нее спросили основные предметы импорта и экспорта Никарагуа, и хотя накануне вечером она все это добросовестно читала, теперь она ничегошеньки не вспомнила. Учительница что-то съязвила, класс заржал, Мег в ярости плюхнулась на место.

– Да кому они вообще нужны, этот импорт и экспорт, эта Никарагуа! – буркнула она себе под нос.

– Не хами, Маргарет, а то пойдешь за дверь! – пригрозила учительница.

– Ну и пойду! – И Мег выскочила из класса.

Во время самостоятельных занятий ее вызвали к директору.

– Ну, Мег, что на этот раз? – довольно дружелюбно спросил он.

Мег угрюмо смотрела в пол:

– Ничего, мистер Дженкинс.

– Мисс Портер говорит, ты себя вела недопустимо грубо.

Мег пожала плечами.

– Разве ты не понимаешь, что своим поведением только себе же хуже делаешь? – спросил директор. – Послушай, Мег, я не сомневаюсь, что ты вполне можешь справляться с учебой и не отставать от класса, если постарайся, но некоторые из твоих учителей в это не верят. Тебе придется что-то с собой сделать. И за тебя этого не сделает никто.

Мег молчала.

– Ну так что? Что будем делать, Мег?

– Я не знаю, что надо делать, – сказала Мег.

– Ну, для начала – домашнюю работу. Мама тебе помочь не сможет?

– Ну, если я попрошу...

– Мег, у тебя что, какие-то неприятности? Дома что-нибудь не так? – спросил мистер Дженкинс.

Мег наконец посмотрела ему в глаза, поправив очки характерным жестом:

– У меня дома все в порядке!

– Рад слышать. Но я понимаю, тебе, наверно, тяжело без папы.

Мег с опаской смотрела на директора, водя языком по зазубренному краю брекетов.

– О нем ничего не слышно в последнее время?

Мег была уверена, что ей не кажется. Нет, за напускным сочувствием мистера Дженкинса в самом деле скрывалось алчное любопытство! «Ах, ему тоже интересно! – подумала она. – Да если бы я что-то и знала, он был бы последним, кому бы я рассказала! Ну ладно – одним из последних».

Почтальонша-то точно знает, что последнее письмо пришло почти год назад. И неизвестно, скольким она про это разболтала и чего навывдумывала по поводу этого длительного молчания...

Мистер Дженкинс ждал ответа, но Мег только пожала плечами.

– А он чем, вообще, занимался? – спросил мистер Дженкинс. – Наукой какой-то, да?

– Не «занимался», а «занимается», – поправила Мег и оскалилась, продемонстрировав два ряда жутких скобок. – Папа физик.

– Мег, тебе не кажется, что тебе жилось бы намного проще, если бы ты научилась смотреть фактам в лицо?

– А я и смотрю фактам в лицо, – возразила Мег. – И надо вам сказать, иметь дело с фактами куда проще, чем с людьми.

– Тогда почему ты не хочешь смириться с правдой о твоём папе?

– Не трогайте моего папу! – рявкнула Мег.

– Не ори! – резко сказал мистер Дженкинс. – Ты что, хочешь, чтобы тебя вся школа слышала?

– Ну и что? – отпарировала Мег. – Мне не стыдно за то, что я говорю. А вам?

Мистер Дженкинс вздохнул:

– Тебе, видно, нравится быть самой упрямой, самой задиристой из учеников?

Мег пропустила это мимо ушей. Она наклонилась через стол, подавшись ближе к директору:

– Мистер Дженкинс, вы же говорили с моей мамой, да? Ее-то вы не можете обвинить в том, что она не смотрит в лицо фактам? Она ученый. У нее докторская степень по биологии и бактериологии. Она всю жизнь имеет дело с фактами. И вот когда она мне скажет, что папа не вернется, – тогда я поверю. А пока мама говорит, что папа вернется, – я ей верю.

Мистер Дженкинс снова вздохнул:

– Ну да, конечно, Мег, твоей маме хочется верить, что твой отец вернется... Ну что ж, я вижу, с тобой ничего не поделаешь. Возвращайся в комнату для занятий. И постарайся быть не такой строптивой. Может быть, если ты станешь более покладистой, у тебя и учеба лучше пойдет.

Когда Мег пришла из школы, мама была у себя в лаборатории, близнецы ушли на состязания Малой бейсбольной лиги^[3], а Чарльз Уоллес, котенок и Фортинбрас ждали ее. Фортинбрас вскочил, поставил лапы ей на плечи и расцеловал, а котенок кинулся к пустому блюдцу и громко замяукал.

– Давай пошли! – сказал Чарльз Уоллес.

– Куда? – спросила Мег. – Чарльз, я есть хочу. Я не хочу никуда идти, пока что-нибудь не съем.

Она еще не до конца пришла в себя после разговора с мистером Дженкинсом, и голос у нее звучал сердито. Чарльз Уоллес задумчиво смотрел на нее. Мег слезила в холодильник и налила котенку молока, а потом сама выпила целую кружку.

Чарльз Уоллес протянул ей бумажный пакет:

– Вот, тут сэндвич, печенье и яблоко. Я думаю, нам стоит повидаться с миссис Что.

– Елки зеленые! – сказала Мег. – Это еще зачем, Чарльз?

– А она тебя все еще пугает, да? – спросил он.

– Ну... да.

– Не бойся. Она хорошая. Честно. Она на нашей стороне.

– А ты-то откуда знаешь?

– Ну, Мег! – раздраженно воскликнул Чарльз Уоллес. – Знаю, и все.

– Ну а зачем нам к ней прямо сейчас-то идти?

– Я хочу побольше разузнать о том, что это за «тессеракт» такой. Ты разве не видела, как мама из-за него разволновалась? Если мама не может держать себя в руках, если не может скрыть от нас, как она взволнована, – значит это что-то очень важное!

Мег немного поразмыслила:

– Ладно, пошли. Только давай Фортинбраса возьмем.

– Возьмем, конечно! Ему надо пробежаться.

Они вышли из дома. Фортинбрас умчался вперед, потом вернулся к ребятам, потом снова ускакал. Мёрри жили милях в четырех от деревни. За домом был сосновый лес. Туда-то Чарльз Уоллес и повел Мег.

– Знаешь, Чарльз, если станет известно, что она – в смысле миссис Что – самовольно поселилась в доме с привидениями, у нее будут большие неприятности! А она к тому же еще и простыни взяла у миссис Банкомб, и вообще... Ее даже в тюрьму посадить могут!

– Это как раз одна из причин, почему я решил к ним сходить. Надо их предупредить.

– «Их»?

– Я же тебе говорил, она там живет с двумя подругами. Я даже не уверен, что это именно миссис Что взяла простыни. Хотя с нее станется.

– Но зачем ей вообще понадобились все эти простыни?

– Я как раз собираюсь у нее спросить, – ответил Чарльз Уоллес, – и еще сказать им, чтобы они были поосторожней. По правде говоря, не думаю, что они кому-то позволяют себя найти, но, наверное, стоит упомянуть о такой возможности. Во время каникул некоторые мальчишки туда бегают в поисках острых ощущений, хотя сейчас-то вряд ли туда кто-то пойдет, покуда есть баскетбол и все такое прочее.

Некоторое время они молча шли через душистый сосновый лес, ступая по мягкому ковру порыжелых иголок. Над головой пел в ветвях ветер. Чарльз Уоллес доверчиво сунул ручонку в руку Мег, и этот милый детский жест согрел девочку. Тугой ком в груди начал рассасываться. «Как бы то ни было, а Чарльз меня любит!» – подумала она.

– Опять сегодня плохо было в школе? – спросил он, помолчав.

– Угу. К мистеру Дженкинсу вызывали. Он говорил гадости про папу.

Чарльз Уоллес кивнул с серьезным видом:

– Да, я знаю.

– А ты откуда знаешь?

Чарльз Уоллес покачал головой:

– Не могу объяснить. От тебя знаю.

– Но я же тебе даже ничего не говорю! Ты просто знаешь, и все.

– Все в тебе говорит мне об этом, – сказал Чарльз.

– Ну а близнецы? – спросила Мег. – Про них ты тоже все знаешь?

– Наверно, мог бы, если бы захотел. Если бы им это было нужно. Но это довольно-таки утомительно, так что я концентрируюсь на тебе и маме.

– Ты хочешь сказать, ты читаешь наши мысли?

У Чарльза Уоллеса сделался озабоченный вид.

– Да нет, не думаю, что дело в этом. Это больше похоже на понимание чужого языка – вот как иногда, если очень сильно сосредоточиться, я начинаю понимать, о чем ветер говорит с деревьями. Понимаешь, ты мне об этом говоришь вроде как не... непреднамеренно. «Непреднамеренно» – хорошее слово, да? Я утром попросил маму найти его в словаре... Нет, надо мне все-таки выучиться читать. Только боюсь, что мне будет очень трудно на будущий год в школе, если я буду слишком много знать. Пожалуй, лучше пусть люди и дальше считают меня не слишком умным. Тогда они будут меньше меня ненавидеть.

Убежавший вперед Фортинбрас громко залаял – тем предупреждающим лаем, которым он обычно сообщал, что по дороге едет машина или что кто-то стоит на крыльце.

– Там кто-то есть! – резко сказал Чарльз Уоллес. – Кто-то ошивается возле дома! Пошли! – И он припустил бегом, отчаянно работая своими коротенькими ножками.

Фортинбрас стоял на краю поляны напротив какого-то мальчишки и яростно лаял.

Когда ребята, задыхаясь, выбежали на поляну, мальчишка сказал:

– Ради всего святого, уберите собаку!

– Это кто? – спросил у Мег Чарльз Уоллес.

– Кальвин О’Киф, – ответила она. – Он тоже в нашей школе учится, но он старше меня. Важная шишка...

– Ну хватит, хватит, приятель. Я тебя не обижу, – сказал мальчик Фортинбрасу.

– Форт, сидеть! – скомандовал Чарльз Уоллес, и Фортинбрас плюхнулся на задние лапы напротив мальчишки. В черной глотке по-прежнему клочкотал рык. – Вот так.

Чарльз Уоллес подбоченился:

– Теперь давай рассказывай, что ты тут делаешь!

– Я мог бы спросить о том же самом у вас! – не без возмущения ответил мальчишка. – Вы ведь из семьи Мёрри? Значит, это не ваша собственность?

Он было повернулся, чтобы уйти, но Фортинбрас зарычал громче, и мальчишка застыл.

– Мег, расскажи мне про него, – потребовал Чарльз Уоллес.

– Да я про него почти ничего и не знаю, – сказала Мег. – Он на пару классов старше, играет в баскетбольной команде...

– Это просто потому, что я высокий, – несколько смущенно пояснил Кальвин.

Он действительно был высокий – высокий и тощий. Костлявые запястья торчали из рукавов синего свитера; потертые вельветовые штаны были ему коротки дюйма на три. Его морковно-рыжие волосы давно нуждались в стрижке, и к волосам, разумеется, прилагались веснушки. Глаза у него были синие, такие яркие, что даже удивительно.

– Выкладывай, что ты тут делаешь, – снова сказал Чарльз Уоллес.

– Это что такое? Мы что, в третьем классе, что ли? И вообще, кто из нас тупица, ты или я?

Мег вспыхнула от гнева, но Чарльз Уоллес ответил как ни в чем не бывало:

– Наверно, я. Но если хочешь, чтобы я отозвал собаку, – лучше отвечай.

– Никогда еще не встречал такого удивительного тупицу, – сказал Кальвин. – Ну, я отправился сюда, просто чтобы убратсья подальше от своих домашних.

Чарльз Уоллес кивнул:

– А что с ними?

– У них у всех носы сопливые. Я третий в семье из одиннадцати детей.

И я уникам.

На это Чарльз Уоллес широко улыбнулся:

– И я тоже.

– Я в плохом смысле, – сказал Кальвин.

– Я тоже.

– Я имею в виду – как в биологии, – недоверчиво произнес Кальвин.

– «Генетические изменения, – процитировал Чарльз Уоллес, – влекут за собой появление потомства с особенностями, не свойственными родителям, которые потенциально могут быть переданы потомству».

– Да что ж такое? – удивился Кальвин. – А я слышал, что ты и говорить-то не умеешь...

– Когда люди думают, что я тупица, это дает им лишний повод чувствовать себя умными, – сказал Чарльз Уоллес. – И кто я такой, чтобы их разочаровывать? Тебе сколько лет, Кэл?

– Четырнадцать.

– А в каком ты классе?

– В одиннадцатом, выпускном. Я очень умный... Слушайте, вас кто-то попросил сегодня сюда прийти?

Чарльз Уоллес взял Форта за ошейник и с подозрением взглянул на

Кальвина:

– Что значит «попросил»?

Кальвин пожал плечами:

– Вы мне по-прежнему не доверяете, да?

– Не то чтобы я тебе не доверяю... – сказал Чарльз Уоллес.

– Вы можете мне объяснить, почему вы сюда пришли?

– Мы с Мег просто пошли погулять с Фортом. Мы так часто делаем после обеда.

Кальвин сунул руки в карманы:

– Вы что-то скрываете.

– Ты тоже, – бросил Чарльз Уоллес.

– Ну ладно, уникам, – сказал Кальвин. – Так и быть, рассказываю. Иногда у меня возникает странное чувство. Можно сказать, импульс. Знаешь, что такое «импульс»?

– «Внушение, побуждение, толчок к чему-либо». Не лучшее определение, но так в словаре написано.

– Ладно, ладно! – вздохнул Кальвин. – Постараюсь не забывать, что мое представление о твоём интеллекте основано на предубеждении.

Мег села на колючую траву на опушке. Форт мягко вывернулся из рук Чарльза Уоллеса, подошел к Мег, улегся рядом и положил голову ей на колени.

Кальвин продолжал, из вежливости стараясь обращаться не только к Чарльзу Уоллесу, но и к Мег тоже:

– И когда у меня возникает такое чувство, такой импульс, я всегда делаю то, что оно мне велит. Я не могу объяснить, откуда оно берется и каким образом оно ко мне приходит. Такое случается не слишком часто. Но я его слушаюсь. Так вот, сегодня у меня возникло ощущение, что мне непременно надо пойти в дом с привидениями. Больше я ничего не знаю, мальчик. Я ничего не скрываю. Может быть, дело в том, что мне надо было встретить вас. Представления не имею.

Чарльз Уоллес испытующе посмотрел на Кальвина. Потом глаза у него затуманились, и он как будто бы впал в задумчивость. Кальвин стоял неподвижно и ждал.

Наконец Чарльз Уоллес сказал:

– Хорошо. Я тебе верю. Но я тебе ничего сказать не могу. Пожалуй, я бы предпочел тебе довериться. Возможно, тебе лучше пойти к нам домой и поужинать с нами.

– Ну ладно, хорошо, но только... а что ваша мама скажет? – спросил Кальвин.

– Мама обрадуется. Она у нас хорошая. Не такая, как мы, но хорошая.
– А Мег?
– У Мег все сложно, – сказал Чарльз Уоллес. – Она не то и не другое.
– Что значит «не такая, как мы»? – осведомилась Мег. – Что значит «ни то ни другое»?

– Не сейчас, Мег, – сказал Чарльз Уоллес. – Погоди немного. Я потом все объясню. – Он посмотрел на Кальвина и, похоже, наконец решился. – Ладно, возьмем его с собой к миссис Что. Если с ним что-то не так, она это увидит. – И засеменил на своих коротких ножках к обветшалому дому.

Дом с привидениями стоял в тени купы вязов. Вязы почти совсем облетели, и земля вокруг дома была желтой от влажной листвы. Вечернее солнце в слепых окнах жутковато отсвечивало зеленым. Громыкнула слетевшая с петли ставня. Еще что-то скрипнуло. Неудивительно, что все думают, будто тут водятся призраки!

Парадная дверь была заколочена доской, и Чарльз Уоллес повел их на зады дома. Черный ход с виду тоже был заколочен, но Чарльз Уоллес постучался, и дверь медленно распахнулась наружу, скрипя ржавыми петлями. С одного из вязов хрипло каркнула старая черная ворона, дятел разразился бешеной дробью. За угол дома шмыгнула большая серая крыса, и Мег сдавленно взвизгнула.

– Они обожают всю эту традиционную бутафорию, – успокаивающе произнес Чарльз Уоллес. – Идемте!

Сильная рука Кальвина подхватила Мег под локоть, Форт прижался к ее ноге. Мег так обрадовалась их поддержке, что позабыла все страхи и вслед за Чарльзом Уоллесом смело вошла в темное нутро дома.

Место, где они очутились, смахивало на кухню. В огромном очаге весело плясало пламя, над огнем висел большой котел. Почему же тогда из трубы не шел дым? В котле что-то булькало, и пахло оно скорее как химикалии миссис Мёрри, чем как еда. В обшарпанном деревянном кресле-качалке восседала низенькая толстушка. Это была не миссис Что – наверное, кто-то из двух ее подруг, решила Мег. На толстушке были огромные очки – вдвое больше и вдвое толще, чем у Мег, – и она деловито шила короткими стежками, проворно втыкая иголку в простыню. Еще несколько простыней валялось на пыльном полу.

Чарльз Уоллес подошел к ней.

– Я все же считаю, что вам не следовало брать простыни миссис Банкомб, не посоветовавшись со мной, – сказал он настолько сердито и властно, насколько так может сказать очень маленький мальчик. – И вообще, зачем они вам?

Толстушка заулыбалась:

– Ой, Чарльзушка, золотце мое! «Le coeur a ses raisons que la raison ne connait point». Это по-французски. Паскаль сказал. «У сердца свой рассудок, который рассудку недоступен».

– Вы поступили неправильно, – сердито сказал Чарльз.

– Твоя матушка именно так бы и подумала.

Сквозь круглые очки как будто сверкнула улыбка.

– Я говорю не о чувствах моей матери по поводу моего отца! – резко возразил Чарльз Уоллес. – Я говорю о простынях миссис Банкомб!

Толстушка вздохнула. Огромные очки снова вспыхнули и засверкали, как совиные глаза.

– Ну разумеется, на случай, если нам потребуются призраки! – сказала она. – Мог бы и сам догадаться. Наша Что решила, что если нам вдруг придется распугивать незваных гостей, надо это делать как следует. Вот чем хорошо жить в доме с привидениями. Но мы, вообще-то, не хотели, чтобы ты знал про простыни. «Auf frischer Tat ertappt». Это по-немецки. «In flagrante delicto». Это латынь. «На месте преступления» по-английски. Как я уже говорила...

Но тут Чарльз Уоллес решительно вскинул руку:

– Миссис Кто, вы знаете этого мальчика?

Кальвин поклонился:

– Добрый вечер, мэм... не расслышал вашего имени.

– Можешь звать меня «миссис Кто», – ответила толстушка. – Чарльзушка, это не я придумала его позвать, но, по-моему, он годится.

– А где миссис Что? – спросил Чарльз.

– Она занята. Время близко, Чарльзушка, время близко. «Ab honesto virum bonum nihil deterret». Это Сенека. «Хорошему человеку ничто не мешает творить благородные дела». А он ведь очень хороший человек, Чарльзушка, светик мой, но вот сейчас ему требуется наша помощь.

– Кому? – осведомилась Мег.

– О, и малютка Мег тоже здесь! Рада встрече, голубка моя. Ну как кому – вашему папе, разумеется. А теперь ступайте домой, мои хорошие. Время еще не пришло. И не тревожьтесь – без вас мы никуда не отправимся. Покушайте как следует, отдохните. Кальвина накормите хорошенько. Ну все, ступайте, ступайте! «Justitiae soror fides». Это, разумеется, снова латынь. «Вера – сестра справедливости». Доверьтесь нам! Ну, кыш, кыш! – И она вспорхнула с качалки и неожиданно энергично вытолкала их за дверь.

– Чарльз, – сказала Мег, – я ничего не понимаю!

Чарльз схватил ее за руку и потащил прочь от дома. Фортинбрас бежал впереди, Кальвин шел за ними по пятам.

– Ну да, – сказал Чарльз. – Я пока тоже не понимаю. Не совсем понимаю. Я тебе расскажу все, что знаю, как только смогу. Но ведь ты же видела Форта, да? Он на нее ни разу не заворчал. Ухом не повел. Как будто ничего особенного не происходило. Так что сама видишь, все в порядке. Слушайте, будьте так добры, вы оба: давайте не будем это обсуждать, пока не поедим, ладно? Мне позарез нужно заправиться, чтобы во всем разобраться и разложить по полочкам.

– Ну, показывай дорогу, тупица! – весело воскликнул Кальвин. – Я еще никогда не видел вашего дома, и у меня ужасно странное ощущение – как будто я впервые в жизни возвращаюсь домой!

Глава третья. Миссис Ведь

В лесу уже начинало смеркаться. Ребята шли молча. Чарльз с Фортинбрасом убежали вперед. Кальвин шел рядом с Мег, его пальцы слегка касались ее руки, как будто он ее оберегал.

«Это самый немыслимый, самый головокружительный день в моей жизни, – думала она, – однако я больше не чувствую себя ни растерянной, ни расстроенной. Я просто счастлива, и все. Но почему?»

– Может быть, нам было не суждено встретиться раньше, – сказал Кальвин. – Ну то есть я видел тебя в школе, я знаю, кто ты, и все такое, но я тебя совершенно не знал. Но я рад, что мы наконец познакомились, Мег. Мы будем друзьями, знаешь...

– Я тоже рада... – шепотом ответила Мег, и они снова замолчали.

Когда они вернулись домой, миссис Мёрри по-прежнему была в лаборатории. Она смотрела, как бледно-голубая жидкость медленно течет по трубочке из мензурки в реторту. На бунзеновской горелке клокотал большой глиняный горшок с рагу.

– Только Сэнди с Деннисом не говорите, что я здесь готовлю, – попросила мама. – Они и так все время боятся, как бы химикаты не попали в еду. А у меня тут эксперимент, не хотелось надолго отлучаться.

– Мам, это Кальвин О'Киф, – сказала Мег. – На него еды хватит? Пахнет здоровско.

– Здравствуй, Кальвин. – Миссис Мёрри пожала ему руку. – Рада познакомиться. У нас сегодня на ужин только рагу, зато рагу хорошее, наваристое.

– По-моему, отлично, – сказал Кальвин. – Можно, я от вас позвоню, скажу маме, где я?

– Ну конечно! Покажи ему, где телефон, ладно, Мег? Здесь тоже есть телефон, но отсюда я тебе звонить не предлагаю – мне надо эксперимент закончить.

Мег повела Кальвина в дом. Чарльз Уоллес с Фортинбрасом куда-то делись. С улицы доносился стук молотков: Сэнди с Деннисом достраивали деревянную крепость на одном из кленов.

– Сюда!

Мег прошла через кухню в гостиную.

– Не знаю, зачем я ей звоню, когда не прихожу домой, – с горечью заметил Кальвин. – Она ведь даже и не заметит...

Он вздохнул и набрал номер:

– Мам? А, это Хинки... Слушай, передай маме, я вернусь поздно. Только не забудь, ладно? Неохота опять прийти и увидеть, что все заперто...

Он повесил трубку и посмотрел на Мег:

– Ты хоть представляешь, как тебе везет?

Она кривовато улыбнулась:

– Не особо.

– У тебя такая мама! У вас такой дом! А какая у вас мама красивая! Ты бы видела мою. У нее все передние зубы выпали, папа ей протез сделал, а она его носить не хочет. Она даже причесывается не каждый день. А если и причесывается, толку от этого мало. – Он стиснул кулаки. – Но я ее люблю! И это самое странное. Я их всех люблю, а им на меня просто наплевать. Может быть, потому я и звоню, когда не прихожу домой. Потому что мне не все равно. А им всем все равно. Ты просто не представляешь, как тебе везет, что тебя любят!

– Наверно, я об этом никогда не задумывалась... – растерянно сказала Мег. – Просто принимала это как должное...

Кальвин нахмурился – а потом снова просиял:

– Что-то будет, Мег! Что-то хорошее! Я чувствую!

И он принялся бродить, довольно медленно, по уютной, хотя и неприбранной гостиной. Вот он остановился у фортепьяно, на котором стояла фотография – небольшая компания мужчин на пляже:

– А это кто?

– Ученые.

– А где?

Мег подошла поближе:

– На мысе Канаверал. Вот это мой папа.

– Который?

– Вот.

– Тот, что в очках?

– Ну да. Тот, которому не помешало бы постричься. – Мег хихикнула, забыв обо всех печалях, – так приятно было показывать Кальвину эту фотографию! – У папы волосы почти такого же цвета, как и у меня, и он все время забывает пойти постричься. И в конце концов мама обычно стрижет его сама – она нарочно купила ножницы и все прочее, – потому что он никак не может выбрать время сходить в парикмахерскую.

Кальвин разглядывал фотографию.

– Он мне нравится, – поразмыслив, сообщил он. – Они с Чарльзом

Уоллесом очень похожи, да?

Мег снова рассмеялась:

– Когда Чарльз был младенцем, он был вылитый папа! Это выглядело ужасно смешно.

Кальвин все смотрел на фотографию:

– Не то чтобы он красивый или что-нибудь... Но он мне нравится.

– Очень даже красивый! – негодующе возразила Мег.

Кальвин покачал головой:

– Не-а. Он высокий и тощий – совсем как я.

– А по-моему, ты красивый! – сказала Мег. – И глаза у тебя похожи на папины. Ну, знаешь, такие, ярко-синие. Только у него это не так заметно, из-за очков.

– А где он сейчас?

Мег напряглась. Но отвечать ей не пришлось, потому что тут хлопнула дверь лаборатории и в кухню вошла миссис Мёрри с горшком рагу.

– Ну вот, – сказала она, – доведу его как полагается, на плите. Мег, ты уроки сделала?

– Не совсем, – ответила Мег, вернувшись на кухню.

– Ну тогда, думаю, Кальвин будет не против, если ты сделаешь их перед ужином?

– Ну конечно!

Кальвин выудил из кармана сложенную стопку бумаги:

– На самом деле, мне тоже кое-какую ерундистику доделать надо. Математику. Вот математику я просто не тяну. Пока имею дело со словами – все нормально, а с цифрами у меня плохо.

Миссис Мёрри улыбнулась:

– Так, может, попросишь Мег тебя подтянуть?

– Слушайте, я же на несколько классов старше!

– А ты все-таки попробуй ее попросить помочь тебе с математикой, – посоветовала миссис Мёрри.

– Ну хорошо, – сказал Кальвин. – Вот. Но там довольно сложно...

Мег разгладила листы и посмотрела на примеры.

– А тут все равно как решать или нет? – спросила она. – Ну, то есть надо решать каким-то определенным способом или можно решать как хочешь?

– Можно как хочешь. Главное, чтобы я понял, что ты делаешь, и чтобы ответы сошлись.

– А нас вот заставляют все делать так, как велено... Смотри сам, Кальвин: разве не видишь, насколько проще все становится, если сделать

это вот так?

Ее карандаш забегал по бумаге.

– Ого! – воскликнул Кальвин. – Вот это да! Кажется, я понял...
Покажи еще раз, на другом примере.

Карандаш Мег снова пришел в движение.

– Тут главное – запомнить, что любая обыкновенная дробь может быть преобразована в бесконечную периодическую десятичную дробь. Видишь? Так что $3/7$ – это $0,428571$ в периоде.

– Вот же безумная семейка! – усмехнулся Кальвин. – Наверно, мне пора бы уже перестать удивляться, но ведь в школе считается, что ты тупица, тебя то и дело вызывают к директору.

– Так я и есть тупица.

– У Мег с математикой проблема в том, – вмешалась миссис Мёрри, – что Мег с папой постоянно играли в числа и Мег знает слишком много способов срезать путь. Так что, когда в школе от нее требуют решить задачу непременно длинным способом, она дуется, упирается и сама себя загоняет в угол.

– А много еще у вас таких тупиц, как Мег с Чарльзом? – спросил Кальвин. – Я бы с ними охотно познакомился...

– Если бы у Мег хотя бы почерк был поразборчивей! – вздохнула миссис Мёрри. – Я-то обычно могу расшифровать, что она там пишет, хотя и не без труда, а вот ее учителя вряд ли могут – или дают себе труд это делать. Пожалуй, на Рождество подарю ей пишущую машинку. Может, хоть это поможет.

– Если я хоть что-то сделаю как следует, никто не поверит, что это я, – сказала Мег.

– А что такое «мегапарсек»? – спросил Кальвин.

– Это меня папа так называл, – сказала Мег. – А еще это три и двадцать шесть сотых миллиона световых лет.

– А что такое $E=mc^2$?

– Формула Эйнштейна.

– А что здесь означает E ?

– Энергия.

– А m ?

– Масса.

– А c^2 ?

– Квадрат скорости света в сантиметрах в секунду.

– С какими странами граничит Перу?

– Понятия не имею. Перу – это где-то в Южной Америке?

– Как называется столица Нью-Йорка?

– Ну как же, Нью-Йорк-Сити!

– А кто написал «Жизнь Сэмюэля Джонсона» Босуэлла?

– Ой, Кальвин, ну вот в литературе я совсем не сильна!

Кальвин застонал и обернулся к миссис Мёрри:

– Да, я понимаю, что вы имеете в виду. Не хотел бы я ее учить!

– Ну да, согласна, она у нас немного однобокая, – сказала миссис Мёрри. – Но я в этом виню ее отца и себя. И она до сих пор играет в свой кукольный домик.

– Ну, мама! – возопила Мег.

– Ой, радость моя, прости! – поспешно сказала миссис Мёрри. – Но я уверена, что Кальвин понимает, о чем речь.

Кальвин внезапно раскинул руки, как будто желая обнять и Мег, и ее маму, и весь дом сразу:

– Как же так получилось? Разве это не чудо? Я как будто заново родился! Я больше не одинок! Вы понимаете, что это для меня значит?

– Но ты же хорошо играешь в баскетбол, и все такое, – возразила Мег. – И учишься хорошо. И все тебя любят.

– Из-за всяких пустяков, – возразил Кальвин. – У меня раньше не было никого, никого на свете, с кем бы я мог поговорить! Нет, конечно, я могу существовать на общем уровне, как все, я могу опуститься до их уровня, но ведь это же не я!

Мег достала из ящика пучок вилок и вертела их в руках, не сводя с них глаз:

– Что-то я снова совсем запуталась...

– И я тоже! – весело ответил Кальвин. – Но теперь я, по крайней мере, знаю, что нам есть куда идти.

Узнав, что у них ужинает Кальвин, близнецы пришли в восторг. Мег это обрадовало и немного удивило. Они больше ее знали о его спортивных достижениях, и достижения эти восхищали их куда больше, чем ее. Кальвин умял пять тарелок рагу, три блюда желе и десять печений, а потом Чарльз Уоллес потребовал, чтобы Кальвин отвел его спать и почитал на ночь. Близнецы справились с домашней работой, и им разрешили полчаса посмотреть телевизор. Мег помогла маме помыть посуду, а потом села за стол и принялась воевать с домашним заданием. Но никак не могла сосредоточиться.

– Мам, ты расстроена? – внезапно спросила она.

Миссис Мёрри подняла голову от английского научного журнала, который листала. Она помолчала, а потом ответила:

– Да.

– Почему?

Миссис Мёрри снова ответила не сразу. Она подняла руки и посмотрела на них. Кисти у нее были длинные, сильные и красивые. Миссис Мёрри коснулась правой рукой широкого золотого кольца на безымянном пальце левой.

– Понимаешь, – сказала она наконец, – я ведь еще довольно молодая. Хотя я догадываюсь, что вам, детям, это осознать непросто. И я до сих пор очень люблю вашего папу. Я по нему ужасно скучаю.

– А ты думаешь, что все это имеет какое-то отношение к папе?

– Думаю, да.

– Но какое?

– Этого я не знаю. Но это, похоже, единственное объяснение.

– А ты думаешь, что у всего должно быть объяснение?

– Да. Я верю в то, что все объяснимо. Но я думаю, что мы, люди, существа ограниченные и не всегда способны понять объяснения. Однако видишь ли, Мег, если мы чего-то не понимаем, это еще не значит, что объяснения не существует.

– Мне бы хотелось все понимать, – сказала Мег.

– Всем бы хотелось. Но не всегда это возможно.

– Чарльз Уоллес понимает больше нас, всех остальных, да?

– Да.

– А почему?

– Наверное, потому, что он... Ну, просто потому, что он иной, Мег.

– А в чем именно он иной?

– Я точно не знаю. Но ты ведь и сама знаешь, что он не такой, как все.

– Ну да. Я бы и не хотела, чтобы он был как все! – добавила Мег, словно оправдываясь.

– Тут речь не о том, чего мы хотим. Чарльз Уоллес такой, какой есть. Иной. Новый.

– Новый?

– Да. Так это воспринимаем мы с папой.

Мег так сильно стиснула в руках карандаш, что он сломался. Она рассмеялась:

– Извини! Вообще-то, я не нарочно все ломаю. Я просто пытаюсь разобраться...

– Да, я знаю.

– Но ведь Чарльз Уоллес выглядит обычным ребенком...

– Это правда, Мег. Вот только внешний вид – это еще не все. Чарльз Уоллес отличается от других людей не телом, а духом.

Мег тяжело вздохнула, сняла очки, покрутила их в руках, снова надела:

– Ну да, я знаю, что Чарльз Уоллес не такой, как все, и я понимаю, что он – нечто большее. Видимо, придется просто принять этот факт, не понимая его.

Миссис Мёрри улыбнулась:

– Пожалуй, это именно то, что я хотела до тебя донести.

– Угу... – неуверенно сказала Мег.

Мама снова улыбнулась:

– Может быть, именно поэтому наша вчерашняя гостья меня не удивила. Может быть, именно поэтому я способна... заставить себя поверить в невероятное. Благодаря Чарльзу Уоллесу.

– А ты что, тоже такая, как Чарльз? – спросила Мег.

– Я? Господи, нет, конечно! Мне досталось больше мозгов и способностей, чем многим другим людям, но ничего экстраординарного во мне нет.

– А внешность? – спросила Мег.

Миссис Мёрри рассмеялась:

– Мег, тебе пока просто не с кем сравнивать. На самом деле я довольно обыкновенная.

Тут вошел Кальвин О'Киф, услышал это и рассмеялся.

– Чарльз уgomонился? – спросила миссис Мёрри.

– Да.

– Что ты ему читал?

– Книгу Бытие. Он сам попросил. Кстати, миссис Мёрри, а что за эксперимент вы ставили сегодня?

– Ну, кое-что из того, что мы задумали вместе с мужем. Не хотелось бы сильно отстать от него к тому времени, как он вернется.

– Мам, – опять заговорила Мег, – а Чарльз говорит, будто я ни то ни се: ни богу свечка, ни черту кочерга.

– С ума сойти! – сказал Кальвин. – Ты – Мег, и все тут! Пошли лучше погуляем!

Но Мег еще получила не все ответы, которые ей были нужны.

– Ну а о Кальвине ты что думаешь? – спросила она у матери.

Миссис Мёрри рассмеялась:

– Да ничего такого я о нем не думаю! Кальвин очень славный, и я рада, что он нашел дорогу в наш дом.

– Ты хотела мне рассказать про тессеракт.

– Ну да... – Взгляд у миссис Мёрри сделался тревожный. – Но только не сейчас, Мег. Не сейчас. Сходи лучше погуляй с Кальвином. А я пойду поцелую Чарльза и уложу спать близнецов.

На улице трава была мокрой от росы. Луна на полпути к зениту затмила звезды на полнеба. Кальвин взял Мег за руку. Этот жест был таким же непринужденным и дружеским, как у Чарльза Уоллеса.

– Это из-за тебя твоя мама расстроилась? – мягко спросил он.

– По-моему, нет. Но она расстроилась.

– Из-за чего?

– Из-за папы.

Кальвин повел Мег через лужайку перед домом. Деревья отбрасывали длинные, извилистые тени, воздух был напоен густым и сладким запахом осени. Дорога внезапно пошла под уклон, Мег споткнулась, но сильная рука Кальвина поддержала ее. Они осторожно прошли через огородик, устроенный близнецами, аккуратно переступая через грядки с капустой, свеклой, брокколи и тыквами. Слева вздымались высоченные стебли кукурузы. Впереди был небольшой яблоневый садик, обнесенный невысокой каменной стенкой, а дальше начинался лес, через который они шли днем. Кальвин привел Мег к стенке и уселся на нее. Его рыжие волосы сверкали серебром в лунном свете, сплетение ветвей отбрасывало замысловатые тени на него. Он поднял руку, сорвал яблоко с корявой ветки, протянул его Мег, сорвал еще одно яблоко, для себя.

– Расскажи мне про твоего папу.

– Папа физик.

– Ну да, это-то все знают. А еще говорят, будто он бросил твою маму и сбежал с какой-то дамочкой.

Мег вскочила с камня, на который было присела, но Кальвин поймал ее за руку и усадил обратно:

– Эй, постой! Я ведь не сказал ничего такого, чего ты раньше не слышала, верно?

– Не сказал, – ответила Мег, продолжая вырываться. – Пусти!

– Спокойно, спокойно! Ты же знаешь, что это неправда, и я знаю, что это неправда. И то, что хоть кто-то, увидев твою маму, способен поверить, будто мужчина может бросить ее ради другой женщины, говорит только о том, до чего людей зависть доводит. Правильно?

– Ну да, наверно... – сказала Мег. Но все хорошее настроение развеялось, и она снова ухнула в болото гнева и обиды.

– Послушай, глупенькая, – Кальвин мягко ее встряхнул, – я просто

хочу разобраться. Отделить факты от домыслов. Твой папа физик. Это факт, да?

– Да.

– У него ученая степень, даже несколько.

– Да.

– Как правило, он работает один, но какое-то время проработал в Институте высшего образования в Принстоне. Верно?

– Да.

– Потом он работал на правительство, так?

– Да.

– Дальше рассказывай ты. Больше я ничего не знаю.

– Так и я больше почти ничего не знаю, – сказала Мег. – Может, мама знает что-то еще, а я нет. То, чем он занимался... в общем, это то, что называется «засекречено».

– Ты имеешь в виду «совершенно секретно»?

– Да-да.

– И ты представления не имеешь, о чем шла речь?

Мег покачала головой:

– Нет. На самом деле нет. Только догадываюсь – из-за того, где он бывал.

– Ну и где же?

– Некоторое время он работал в Нью-Мексико, мы с ним там жили. А потом во Флориде, на мысе Канаверал, мы с ним тоже там жили. А потом ему предстояло много ездить, поэтому мы поселились тут.

– А этот дом всегда был ваш?

– Да. Но раньше мы сюда только на лето приезжали.

– И ты не знаешь, куда послали твоего папу?

– Нет. Поначалу он нам много писал. Мама с папой всегда ежедневно обменивались письмами. Я думаю, мама и теперь каждую ночь пишет ему письма. Почтальонша время от времени отпускает шуточки по этому поводу.

– Они, наверно, думают, будто она его преследует и все такое, – с горечью заметил Кальвин. – Им и в голову не приходит, что это и есть нормальная настоящая любовь... Ладно, поехали дальше. А потом что случилось?

– Ничего не случилось, – сказала Мег. – В этом-то и проблема.

– А как насчет писем от папы?

– Они просто перестали приходить.

– И вы о нем вообще ничего не слышали?

– Ничего, – сказала Мег глухим, убитым голосом.

Между ними воцарилось молчание, осязаемое, как черные тени деревьев, что падали им на колени. Сейчас эти тени давили на них, будто обрели собственный вес.

Наконец Кальвин спросил сухим, ровным тоном, не глядя на Мег:

– Ты не думаешь, что он погиб?

Мег снова вскочила, и снова Кальвин усадил ее на место.

– Нет! Если бы папа погиб, нам бы сообщили! Телеграмма приходит или что-нибудь. Всегда сообщают!

– А вам что-нибудь сообщили?

Мег сглотнула, сдерживая слезы, и выдавила:

– Ну, Кальвин, мама же пыталась выяснить! Она и в Вашингтон ездила, и все такое. И ей сказали только, что папе поручена секретная и опасная миссия и что мама может им гордиться, но он... пока не имеет возможности с нами связаться. И что как только что-нибудь станет известно, нам сразу сообщат.

– Мег, ты только не злись. А ты не думаешь, что они и сами ничего не знают?

По щеке у Мег поползла слеза.

– Ну да, этого я и боюсь...

– Почему же ты не плачешь? – мягко спросил Кальвин. – Ты же с ума сходишь из-за папы, верно? Так поплачь. Тебе станет легче.

Мег ответила голосом, дрожащим от слез:

– Я и так слишком много реву. Надо быть как мама. Надо держать себя в руках.

– Твоя мама – совершенно другой человек. И она намного старше.

– Я бы тоже хотела быть другим человеком! – срывающимся голосом сказала Мег. – Я себя ненавижу!

Кальвин снял с нее очки, достал из кармана носовой платок и вытер ей слезы. От этого заботливого жеста Мег совсем расклеилась. Она уткнулась головой в коленки и разрыдалась. Кальвин молча сидел рядом и только время от времени гладил ее по голове.

– Извини, – всхлипнула она наконец. – Извини, пожалуйста. Ну вот, теперь и ты меня ненавидишь!

– Ой, Мег, ну ты и правда тупая! – сказал Кальвин. – Да встреча с тобой – самое лучшее, что со мной случилось за много-много времени.

Мег подняла голову, и лунный свет озарил ее мокрое от слез лицо. Без очков ее глаза сделались на удивление красивыми.

– Если Чарльз Уоллес – уникум, то я, наверно, вообще ошибка

природы.

Когда она заговорила, в свете луны сверкнули скобки у нее на зубах.

Она ждала, что Кальвин ей возразит, но он вместо этого сказал:

– Ты знаешь, а ведь я впервые вижу тебя без очков.

– Без очков я слепа, как крот. У меня близорукость, как и у папы.

– Так вот, знаешь, у тебя не глаза, а мечта, – сказал Кальвин. – Слушай, ты только не вздумай перестать носить очки. Мне, пожалуй, не хочется, чтобы еще кто-то знал, какие у тебя глаза удивительные.

Мег расплылась в улыбке и почувствовала, что краснеет. Интересно, при лунном свете видно, что она покраснела, или нет?

– Так, вы двое, стоять! – раздался голос из темноты. И из тени на свет луны выступил Чарльз Уоллес.

– Я не подслушивал, – поспешно сказал он, – и мне неохота вам мешать, но пора, ребята, пора!

Голос у него дрожал от возбуждения.

– Куда пора? – спросил Кальвин.

– Мы отправляемся!

– Отправляемся? Куда? – Мег машинально нащупала и сжала руку Кальвина.

– Я точно не знаю, – сказал Чарльз Уоллес. – Но думаю, что искать папу.

И внезапно из темноты на них уставились два огромных глаза. Это сверкнули в лунном свете очки миссис Кто. Она стояла рядом с Чарльзом Уоллесом. Как она ухитрилась объявиться там, где секунду назад никого не было, только неверные лунные тени, – Мег понятия не имела. Она услышала за спиной какой-то шум и обернулась. Это карабкалась через стенку миссис Кто.

– Господи, хоть бы ветер улегся! – жалобно сказала миссис Кто. – Так тяжело во всех этих одеждах!

Она была одета точно так же, как накануне: в резиновые сапоги и все остальное, да еще и в одну из простыней миссис Банкомб закуталась. Когда миссис Кто сползла со стенки, простыня зацепилась за нижнюю ветку и съехала. Шляпа немедленно соскользнула ей на глаза, а другая ветка поймала розовый палантин.

– Боже ж ты мой! – охнула старушка. – Нет, я к этому никогда не приспособлюсь!

Миссис Кто засеменила в ее сторону, едва касаясь земли крохотными ножками и сверкая линзами очков:

– «Come t'è picciol fallo amaro morso!» Это Данте: «Тебе и малый

грех – укол жестокий!»

Рукой, похожей на птичью лапку, она поправила шляпу на миссис Что, отцепила от дерева палантин, ловко подхватила простыню и сложила ее.

– Ой, спасибо! – воскликнула миссис Что. – Экая ты сноровистая!

– «Un asno viejo sabe más que un potro». Это Антонио Перес: «Старый осел знает больше жеребенка».

– Если ты на каких-то несколько миллиардов лет... – негодуя начала миссис Что, но тут ее перебил резкий незнакомый голос:

– Все, девочки, все! Нне время ссориться!

– А вот и миссис Ведь, – заявил Чарльз Уоллес.

Налетел слабый порыв ветра, затрепетали листья, шевельнулись лунные тени, и в круге серебристого света что-то задрожало, замерцало, и все тот же голос сказал:

– Ннет, пожалуй, нне стану я пполноссттью мматерриализзовываться. Этто оччень утоммительно, а у нас сстолько делл!

Глава четвертая. Черная Тень

Деревья бешено замахали ветвями. Мег завопила и вцепилась в Кальвина. Властный голос миссис Ведь произнес: «Тишше, диття!»

Правда ли луну закрыла какая-то тень, или просто луна потухла, так резко и внезапно, будто свечку задули? Вокруг по-прежнему шумели, шелестели листья, испуганно и пугающе. Сделалось темным-темно. Тьма была непроглядная. И вот вдруг ветер улегся и стало совсем тихо. Мег почувствовала, как Кальвина вырвали у нее из рук. Она потянулась за ним – но ничего не нащупала.

– Чарльз!!! – завопила она, сама не зная, то ли чтобы защитить его, то ли надеясь на его защиту. Слово забилося обратно в горло, и Мег поперхнулась им.

Она осталась абсолютно одна.

Она лишилась надежной руки Кальвина. Чарльза нигде не было – некого было спасать и не у кого искать защиты. Она была одна в обрывке небытия. Ни света, ни звука, никаких ощущений. А где же ее тело? Мег в панике попыталась пошевелиться – но и шевелить было нечем. Исчезли не только свет и звук, но и она сама. Живого тела Мег больше не существовало.

А потом она снова ощутила свои конечности. Ноги и руки слегка покалывало, словно она отлежала их во сне. Мег заморгала – но, хотя сама она была на месте, все остальное было не так. Вокруг была не просто тьма как отсутствие света. Во тьме все-таки остается осязание – сквозь нее можно двигаться на ощупь, можно ушибить лодыжку, весь мир вокруг по-прежнему существует. А Мег потерялась в ужасающей пустоте.

То же самое и с тишиной. Это была не просто тишина. Оглухший человек все-таки может осязать вибрации. А тут нечего было осязать.

Внезапно Мег обнаружила, что под ребрами бешено колотится сердце. А перед этим оно что, остановилось? И что заставило его забиться снова? Покалывание в руках и ногах усилилось, и Мег вдруг ощутила движение. Она почему-то подумала, что это вращение Земли – то, как она кружится вокруг своей оси и мчится по эллиптической орбите вокруг Солнца. И это ощущение движения вместе с Землей было сродни плаванию в океане – в открытом море, вдали от прибрежных волн, когда вокруг – одна только движущаяся вода, плавно пульсирующая течениями и повинующаяся мягкому, но неумолимому притяжению Луны.

«Я сплю, – подумала Мег. – Мне все это снится. У меня кошмар. Хочу проснуться. Надо проснуться!»

– Ух ты! – сказал голос Чарльза Уоллеса. – Вот это путешествие! Могли бы и предупредить, между прочим.

Вокруг замерцал неверный свет. Мег поморгала и трясущимися руками поправила очки. Перед ней, подбоченясь, стоял негодующий Чарльз Уоллес.

– Мег! – крикнул он. – Кальвин! Вы где?

Мег видела Чарльза, Мег слышала его, но не могла к нему подойти. Она была не в силах прорваться сквозь этот странный трепещущий свет.

Голос Кальвина донесся как будто сквозь облако:

– Слушай, погоди, а? Я все-таки постарше тебя...

Мег ахнула. Не то чтобы Кальвина не было, а потом он вдруг появился. Не то чтобы сперва появилась часть его, а потом за ней последовало все остальное, как, например, сперва кисть, потом вся рука, сперва глаз, потом нос. Это было просто некое мерцание: как будто она смотрела на Кальвина сквозь воду, сквозь дым, сквозь пламя – и вдруг он появился тут, плотный и надежный.

– Мег! – раздался голос Чарльза Уоллеса. – Мег! Кальвин, ну где же Мег?

«Тут я, тут!» – попыталась отозваться она, но слова заглохли, не успев слететь с губ.

– Мег!!! – завопил Кальвин и принялся лихорадочно озираться.

– Миссис Ведь, вы Мег, случайно, не забыли? – крикнул Чарльз Уоллес.

– Если вы, кто-то из вас, причинили зло Мег... – начал было Кальвин, но тут Мег ощутила сильный толчок, и вокруг что-то разлетелось вдребезги, как будто ее протолкнули сквозь стеклянную стену.

– Ах вот ты где! – воскликнул Чарльз Уоллес, кинулся к Мег и обнял ее.

– Да, но где я? – задыхаясь, спросила девочка и с облегчением обнаружила, что ее голос теперь звучит более или менее нормально.

Она принялась ошалело озираться по сторонам. Они стояли на залитом солнцем поле, и в воздухе веяло чудеснейшим ароматом, как бывает лишь в те редкие весенние деньки, когда солнце не печет и яблоневый цвет только начинает распускаться. Мег даже очки поправила, чтобы убедиться, что ей не мерещится.

Серебряный блеск холодного осеннего вечера остался позади, и все вокруг было золотым от солнца. В поле зеленела нежная молоденькая

травка, повсюду виднелись крохотные разноцветные цветочки. Мег медленно развернулась – и увидела перед собой гору. Гора вздымалась так высоко в небо, что вершина терялась в короне из пухлых белых облаков. Из рощи у подножия горы вдруг донеслось пение птиц. Все вокруг было исполнено такого непередаваемого покоя и радости, что бешено колотящееся сердце Мег поневоле утихомирилось.

Когда средь молний, в дождь и гром,
Мы вновь увидимся втроем?^[4] –

раздался голос миссис Кто.

И внезапно появились все три: и миссис Что в съехавшем набок розовом палантине, и миссис Кто в сверкающих очках, и миссис Ведь, по-прежнему в виде едва заметного мерцания. Вокруг них порхали нежные разноцветные бабочки, как будто приветствуя их.

Миссис Что и миссис Кто расхихикались и хихикали до тех пор, пока не стало казаться, что, в чем бы ни заключалась шутка, понятная лишь им двоим, они вот-вот лопнут от смеха. Мерцающая фигура, казалось, тоже смеялась. Она сделалась чуть более темной и осязаемой: стали видны черная мантия, черная остроконечная шляпа, глазки-бусинки, длинные седые волосы и костлявая старческая рука, сжимающая помело.

– Это ттолько чтоб васс, девочки, поррадоватть! – сказал странный голос – и миссис Что с миссис Кто рухнули друг другу в объятия, заливаясь хохотом.

– Ну что ж, леди, если вы уже достаточно повеселились, возможно, вам бы стоило объяснить Кальвину и Мег, что происходит, – холодно заметил Чарльз Уоллес. – Вы перепугали Мег до потери сознания, выдернув ее сюда без предупреждения.

– «Finxerunt animi, raro et perpauca loqu-entis», – продекламировала миссис Кто. – Это Гораций: «Редко и мало ведь я говорю».

– Миссис Кто, вы не могли бы перестать цитировать? – крайне раздраженно сказал Чарльз Уоллес.

Миссис Что поправила свой палантин:

– Пойми, Чарльзушка, ей так сложно формулировать свои мысли! Ей куда легче подобрать цитату, чем подыскать собственные слова.

– И нне сследдует терять чувства юморра! – добавила миссис Ведь. – Еддинственный спспособб спрравиться с чемм-то оччень серьезным – это оттноситься к немму неммногго легкоммысленно!

– Но Мег и впрямь придется нелегко, – сказала миссис Что. – Ей будет непросто осознать, что мы на самом деле вовсе не шутим.

– А мне? – спросил Кальвин.

– Ну, ведь о жизни твоего отца речи не идет, – сказала ему миссис Что.

– А как насчет Чарльза Уоллеса?

В голосе миссис Что, похожем на скрип несмазанной двери, слышались любовь и гордость:

– Ну, Чарльз Уоллес-то все понимает! Чарльз Уоллес понимает, что речь идет не только о жизни его отца, но и о намного более важных вещах. Чарльз Уоллес понимает, что поставлено на карту.

– Но помните, – добавила миссис Кто, – «Ἄελλτον οὐδέν, πάντα δ' ἐλπίζειν χρηῶν». Это Еврипид: «Ничто не безнадежно, надо надеяться на все».

– Где мы сейчас и как мы сюда попали? – спросил Кальвин.

– Это Уриэль, третья планета звезды Малак в спиральной туманности Мессье сто один.

– И вы хотите, чтобы я вам поверил?! – возмутился Кальвин.

– Хочешь – верь, не хочешь – не верь, – холодно ответила миссис Ведь.

Мег почему-то чувствовала, что миссис Ведь, невзирая на ее вид и призрачное помело, можно верить целиком и полностью.

– Это не намного более странно, чем все остальное, что с нами случилось, – сказала она.

– Ну так объясните же, как мы сюда попали! – Голос у Кальвина по-прежнему был сердитый, и веснушки на щеках проступили особенно отчетливо. – Даже если бы мы мчались со скоростью света, у нас все равно бы ушло много лет на такое далекое путешествие!

– Так мы никуда и не мчались, – с серьезным видом объяснила миссис Что. – Мы *тессерировали*. Можно сказать, прошли через излом, как бы складку такую.

– Ясненько! – ехидно заметил Кальвин.

«Тессерировали... – подумала Мег. – Не связано ли это с маминым „тессерактом“?»

Она уже собиралась об этом спросить, когда миссис Ведь заговорила – а когда миссис Ведь говорила, ее не перебивал никто.

– Миссис Что так юнна и ннаивнна...

– Она до сих пор думает, будто все можно объяснить на словах, – добавила миссис Кто. – «Qui plus sait, plus se tait». Это по-французски, знаете ли: «Кто больше знает, тот больше молчит».

– Но Мег и Кальвину все равно придется объяснять на словах, – напомнил миссис Кто Чарльз. – Раз уж вы их сюда притащили, они имеют право знать, что происходит.

Мег подошла к миссис Ведь. Вопрос был для нее так важен, что про тессеракт она и думать забыла.

– Папа здесь, да?

Миссис Ведь покачала головой:

– Ннет, нне зддессь, Мегг. Пуссть миссис Что оббъяснитт. Онна молодда, ей прощщце говвориттть ссловаамми, чемм ммнне и ммиссисс Кто.

– Мы просто сделали тут остановку, – начала миссис Что, – чтобы, так сказать, перевести дух. И дать вам возможность понять, с чем придется иметь дело.

– Но как же папа? – спросила Мег. – С ним все в порядке?

– Пока что да, моя милая. Ваш папа – одна из причин, почему мы здесь. Но, видишь ли, он – лишь одна из причин.

– Ну так где же он? Пожалуйста, отведите меня к нему!

– Прямо сейчас не получится, – сказал Чарльз. – Придется потерпеть, Мег.

– Я не могу терпеть! – с жаром воскликнула Мег. – Я никогда не была терпеливой!

Очки миссис Кто ласково сверкнули в ее сторону.

– Если хочешь помочь отцу, тебе придется научиться терпению. «Vitam impendere vero», «за правду рисковать жизнью» – вот что нам суждено, и другого пути нет.

– Это и делает твой папа, – кивнула миссис Что. Ее голос, как и у миссис Кто, сделался очень серьезным, даже торжественным. Но она тут же расплылась в своей ослепительной улыбке. – Ну что ж, ребятки! А теперь погуляйте-ка сами, а Чарльз вам кое-что объяснит. Тут, на Уриэле, совершенно безопасно. Потому мы и остановились здесь на отдых.

– А вы с нами что, не пойдете? – опасливо спросила Мег.

Ненадолго воцарилось молчание. Потом миссис Ведь властно вскинула руку.

– Поккажжи имм! – велела она миссис Что, и было в ее голосе нечто такое, отчего по спине у Мег поползли мурашки.

– Сейчас?! – переспросила миссис Что. Ее скрипучий голос взлетел до визга. Что бы это ни было, миссис Что от этого тоже было не по себе.

– Ссейчасс! – сказала миссис Ведь. – Пуссть зннаютт!

– Мне... мне оборотиться? – спросила миссис Что.

– Лучшше дда.

– Ну, надеюсь, детишки не сильно перепугаются... – пробормотала миссис Что себе под нос.

– И мне тоже оборотиться? – спросила миссис Кто. – Жаль, мне в этой одежде нравилось... Но надо сознаться, что миссис Что это удастся лучше всего. «Das Werk lobt den Meister». Это по-немецки: «Дело мастера боится». Так что, мне превращаться или нет?

Миссис Ведь покачала головой:

– Покка нне ннаддо. Нне зддессь. Поггодди.

– Вы только не пугайтесь, мои хорошие, – сказала миссис Что.

И ее пухленькая низенькая фигурка замерцала, затрепетала и принялась расплываться. Безумно-яркие цвета одежды потускнели и посветлели. Мешковатый силуэт рос, вытягивался, удлинялся... И внезапно перед детьми выросло существо, такое прекрасное, какого Мег и вообразить не могла. И красота его не сводилась к внешности. Разумеется, внешне миссис Что сделалась совсем не похожа на миссис Что. У нее было мраморно-белое тело с мощными боками, как у лошади, но в то же время совсем не как у лошади, потому что над безупречно вылепленной спиной вздымался точеный торс, руки и голова, похожая на человеческую, только человек этот был исполнен такого достоинства и благородства, такой высокой радости, какой Мег никогда прежде видеть не доводилось. «Нет, – подумала она, – это совсем не похоже на греческого кентавра. Ни капельки не похоже!»

На плечах медленно развернулись крылья – крылья из радуги, из бликов света на воде, из поэзии.

Кальвин рухнул на колени.

– Нет-нет, – сказала миссис Что, хотя голос у нее был теперь совсем не похож на голос миссис Что. – Не надо мне кланяться, Кальвин. Кланяться надо не мне. Встань.

– Отнеси ихх! – распорядилась миссис Ведь.

Миссис Что изящным и полным силы движением опустилась на колени перед детьми и распростерла крылья, так что они застыли почти неподвижно, только трепетали совсем легонько.

– Садитесь ко мне на спину! – сказала она своим новым голосом.

Ребята нерешительно приблизились к великолепному созданию.

– Но как же нам вас теперь называть? – спросил Кальвин.

– Ой, дорогие мои, – сказал новый голос, могучий и звонкий, теплый, как гобой, отчетливый, как фанфары, и таинственный, как английский рожок. – Не можете же вы называть меня по-новому каждый раз, как я

преображаюсь? А мне так понравилось быть миссис Что, – пожалуй, называйте меня так и дальше.

Она... он... оно улыбнулось им, и сияние этой улыбки было осязаемым, как легкий бриз, и согревало, будто солнечные лучи.

– Поехали! – Чарльз Уоллес вскарабкался ему на спину.

Мег с Кальвином последовали за ним. Мег уселась между двумя мальчиками. По громадным крыльям пробежала дрожь – и вот миссис Что взмыла вверх, и они полетели по воздуху.

Вскоре Мег обнаружила, что вовсе незачем цепляться за Чарльза Уоллеса или Кальвина. Полет огромного существа был безмятежно плавным. Мальчишки жадно разглядывали простиравшиеся внизу земли.

– Глядите! – показал Чарльз Уоллес. – Горы такие высокие, что даже не видно, где они заканчиваются!

Мег задрала голову – и в самом деле: горы как будто уходили в бесконечность.

Они миновали плодородные поля и понеслись над большим плато из громадных каменных монолитов, похожих на гранитные. Эти скалы имели определенные повторяющиеся формы, однако то были не статуи. Мег прежде вообще не видела ничего подобного и никак не могла понять, созданы ли они ветром и водой, геологическими процессами или же существами, подобными тому, на одном из которых она сейчас летела.

Миновав плато, они полетели над садом, таким прекрасным, что и во сне не приснится. В саду бродило множество существ, похожих на миссис Что в ее нынешнем обличье. Иные лежали среди цветов, иные купались в широкой, кристально чистой реке, что текла через сад, иные кружили в воздухе в некоем подобии танца, слетаясь вместе и разлетаясь прочь над деревьями. От существ доносилась музыка – они не только пели ее своими голосами, но и издавали мелодичные звуки, взмахивая огромными крыльями.

– О чем они поют? – возбужденно спросила Мег.

Миссис Что покачала своей великолепной головой:

– Вашими словами этого не передашь. Я не сумею переложить это на ваш язык. Чарльз, ты хоть что-нибудь понимаешь?

Чарльз Уоллес сидел на широкой спине совершенно неподвижно и сосредоточенно слушал с тем самым видом, с каким он вникал в мысли Мег или матери:

– Чуть-чуть. Совсем чуть-чуть. Но думаю, со временем я бы понял больше.

– Да. Ты мог бы этому научиться, Чарльз. Но сейчас нет времени. Мы

можем задержаться тут лишь ненадолго, чтобы отдохнуть и немного подготовиться.

Мег ее почти не слушала:

– Я хочу знать, о чем они поют! Хочу знать, что это значит.

– Попробуй, Чарльз, – предложила миссис Что. – Попытайся перевести. Можешь дать себе волю. Сейчас тебе незачем сдерживаться.

– Но я же не могу! – жалобно воскликнул Чарльз Уоллес. – Я еще слишком мало знаю! Еще не время!

– Ну, давай попробуем потрудиться вместе, посмотрим, вдруг у меня получится облечь в слова хотя бы часть.

У Чарльза Уоллеса снова сделался такой внимательный, сосредоточенный вид...

«Да мне же знаком этот вид! – вдруг подумала Мег. – Кажется, теперь я понимаю, что он означает! Ведь у меня у самой бывает такое лицо иногда, когда я занимаюсь математикой с папой и вижу, что задача близка к решению...»

Миссис Что как будто бы вслушивалась в Чарльзовы мысли:

– Ну да, общий смысл именно таков. Давай я попробую. Жаль, что ты, Чарльз, пока еще знаешь недостаточно, чтобы передавать это мне напрямую. Так намного больше работы.

– А вы не ленитесь, – сказал Чарльз.

Миссис Что не обиделась. Она объяснила:

– О, ведь это же моя любимая работа, Чарльз. Потому меня и избрали для того, чтобы отправиться с вами, хотя я намного младше. Это мой единственный настоящий талант. Но это требует огромного количества энергии, а ведь то, что ждет нас впереди, потребует всей энергии, какая у нас есть. Однако я все же попытаюсь. Ради Кальвина и Мег – я попытаюсь.

Она умолкла; огромные крылья почти замерли и лишь чуть заметными движениями поддерживали их на лету.

– Ну что ж, слушайте, – сказала миссис Что. Раздался звучный голос, и слова окружили их со всех сторон, так что Мег начало казаться, будто их можно взять и потрогать руками: – Пойте Господу новую песнь, хвалу Ему от концов земли, вы, плавающие по морю, и все наполняющее его острова и живущие на них. Да возвысит голос пустыня и города ее; да торжествуют живущие на скалах, да возглашают с вершин гор. Да воздадут Господу славу!^[5]

И Мег всем телом ощутила такое биение радости, какого не испытывала еще никогда прежде. Кальвин протянул руку. Он не сжал ее ладонь, а только чуть коснулся пальцами ее пальцев – но радость струилась

сквозь них, вперед и назад, вокруг, и над ними, и внутри их.

И когда миссис Что вздохнула, никак было невозможно постичь, каким образом сквозь все это блаженство способно пробиться хоть легчайшее дуновение сомнения.

– Нам пора, дети.

Голос миссис Что был исполнен глубокой печали, которой Мег не поняла. Миссис Что вскинула голову и издала клич, прозвучавший как приказ. Одно из существ, паривших над деревьями, вскинуло голову, прислушалось, слетело вниз, сорвало три цветка с дерева, что росло у реки, и принесло им.

– Возьмите себе каждый по цветку, – велела миссис Что. – Позднее я объясню, как ими воспользоваться.

Взяв в руки цветок, Мег осознала, что это не один бутон, но сотни крохотных цветиков, образующих нечто вроде пустотелого колокольчика.

– А куда мы летим? – спросил Кальвин.

– Вверх!

Крылья работали ровно и стремительно. Позади остались сад, гранитное плато, могучие фигуры, и миссис Что понеслась ввысь, все выше и выше. Деревья внизу, на склоне горы, уменьшились, поредели, сменились кустарниками, затем низкорослыми сухими травами, а потом растительность исчезла вовсе и остались одни скалы, каменные выступы и пики, острые и опасные.

– Держитесь крепче, – сказала миссис Что, – не соскользните!

Мег почувствовала, как рука Кальвина обвила ее талию надежным кольцом.

Они летели ввысь и ввысь.

И вот они очутились в облаках. Вокруг не было видно ничего, кроме клубящейся белизны, и влага налипала и собиралась ледяными каплями. Мег начала дрожать, и Кальвин крепче прижал ее к себе. Чарльз Уоллес впереди нее сидел очень тихо. Один раз он обернулся и бросил на нее короткий взгляд, ласковый и заботливый. Но Мег чувствовала, как с каждой секундой он уходит от нее все дальше и дальше, как он мало-помалу перестает быть ее обожаемым младшим братиком и все больше становится одним из этих существ, к которым на самом деле принадлежат миссис Что, миссис Кто и миссис Ведь.

И вдруг они вырвались из облаков в столп света. Под ними по-прежнему простирались скалы, и над ними были скалы, уходящие все дальше в небо, но теперь, хотя и казалось, будто гора вздымается еще на несколько миль, Мег наконец-то увидела, где она заканчивается.

Миссис Что летела все вверх и вверх, напрягая крылья. Мег почувствовала, как колотится сердце; лицо покрылось холодным потом, и губы как будто посинели. Она начала задыхаться.

– Ну вот, дети, пора воспользоваться вашими цветами, – сказала миссис Что. – Дальше атмосфера будет становиться все разреженной. Приложите цветы к лицу и дышите сквозь них – они дадут вам достаточно кислорода. Не так много, как вы привыкли, но этого хватит.

Мег почти забыла про цветы и обрадовалась, обнаружив, что не выронила их, а по-прежнему сжимает в пальцах. Она уткнулась лицом в соцветие и глубоко вдохнула.

Кальвин по-прежнему держал ее одной рукой, но второй он тоже прижал цветы к лицу.

Чарльз Уоллес поднял руку с цветами медленно, как будто во сне.

Миссис Что работала крыльями изо всех сил, летя сквозь разреженный воздух. И вот впереди показалась вершина горы, и они наконец-то прибыли на место. Миссис Что опустилась на небольшую площадку гладкого серебристого камня. Впереди висел огромный белый диск.

– Одна из лун Уриэля, – объяснила им миссис Что. Ее мощный голос слегка срывался – она запыхалась.

– Господи, какая красота! – воскликнула Мег. – Какая красота!

Серебряный свет громадной луницы омывал их, сливаясь с золотым сиянием солнца, струясь по лицам детей, по миссис Что, по горному пику.

– А теперь мы обернемся в другую сторону, – сказала миссис Что таким голосом, что Мег снова сделалось страшно.

Но когда они обернулись, Мег ничего не увидела. Перед ними была лишь прозрачная голубизна небес, внизу – скалы, выступающие из клубящегося моря белых облаков.

– Будем ждать, – сказала миссис Что, – когда сядут солнце и луна.

И не успела она это сказать, как свет начал густеть и темнеть.

– Я хочу посмотреть, как заходит луна, – сказал Чарльз Уоллес.

– Нет, дитя. Не оборачивайся, и вы не оборачивайтесь. Смотрите в сторону тьмы. Так будет виднее то, что мне надо вам показать. Смотрите вперед, прямо перед собой, насколько хватает глаз.

Мег вглядывалась в даль изо всех сил, до рези в глазах, но так ничего и не увидела. А потом, над облаками, что клубились вокруг горы, вроде бы проглянула какая-то тень – что-то едва различимое и темное, так далеко, что Мег даже не была уверена, правда ли она это видит.

– Что это? – спросил Чарльз Уоллес.

– Вот эта тень! – указал Кальвин. – Что это такое? Мне это не

нравится!

– Смотрите, смотрите! – приказала миссис Что.

Это была тень, просто тень. Не что-то осязаемое, хотя бы как облако. Тень от чего-то? Или она сама по себе была чем-то?

Небо потемнело. Золотой свет угас, и их окружила синева. Синева становилась все гуще и гуще, пока наконец там, где только что было просто вечернее небо, не вспыхнула первая звездочка, потом еще, еще и еще. Звезд высыпало столько, сколько Мег еще никогда в жизни не видела.

– Тут атмосфера очень разреженная, – сказала миссис Что как бы в ответ на ее незаданный вопрос, – она не затмевает вид, как у вас дома. А теперь смотрите! Смотрите прямо вперед.

Мег посмотрела в ту сторону. Черная тень была на месте. Она не рассеялась и не исчезла с наступлением ночи. И там, где была тень, звезд видно не было.

Что-то такое ужасное было в этой тени, что Мег сразу поняла: ничего подобного она никогда не видела и не увидит. Ее охватил такой ледяной страх, что она не могла ни дрожать, ни кричать, ни плакать, ни утешиться, ни успокоиться...

Рука Мег, державшая цветы, медленно опустилась, и в легкие как будто вонзился нож. Она хватала воздух ртом, но воздуха не было, и дышать было нечем. Глаза и разум затмились тьмой, но, теряя сознание, Мег невольно опустила голову и уткнулась лицом в цветы, которые по-прежнему сжимала в руке. Она вдохнула аромат их чистоты, ее разум и тело ожили, и она снова выпрямилась.

Тень была все там же, черная и жуткая.

Кальвин крепко держал Мег за руку, однако его прикосновение не придавало ни сил, ни уверенности. Она почувствовала, как Чарльза Уоллеса пробрала дрожь, но он остался сидеть очень тихо.

«Не надо бы ему на это смотреть, – подумала Мег. – Не по плечу это такому маленькому мальчику, будь он сколь угодно иным и уникальным».

Кальвин отвернулся, отвергая черную Тень, затмевающую звезды.

– Миссис Что, пусть оно исчезнет! – шепотом попросил он. – Пусть оно исчезнет! Оно плохое.

Огромное создание медленно развернулось, так что тень оказалась у них за спиной и им стали видны только ничем не затмеваемые звезды, мягкое мерцание звездного света на горе, опускающийся круг громадной луны, стремительно уходящей за горизонт. А потом миссис Что, не сказав ни слова, понеслась под гору, вниз, вниз, вниз. Когда они достигли венца облаков, миссис Что сказала:

– Ну вот, дети мои, теперь вы можете дышать без цветов.

И снова молчание. Ни слова. Как будто тень каким-то образом дотянулась до них своей темной силой, лишив дара речи. Когда они снова очутились на цветущем лугу, омываемом теперь звездным светом и светом луны – второй, более маленькой и желтой луны, которая как раз вставала, – напряжение, сковавшее их тела, немного отступило, и тут они почувствовали, что тело прекрасного существа, на котором они восседали, напряжено не меньше.

Оно грациозно ступило на луг и сложило свои огромные крылья. Чарльз Уоллес первым соскользнул наземь.

– Миссис Кто! Миссис Ведь! – позвал он, и воздух тотчас подернулся рябью.

Сверкнули знакомые очки миссис Кто. И миссис Ведь тоже явилась, но, как она уже говорила детям, полностью материализовываться ей было трудновато, так что, несмотря на мантию и остроконечную шляпу, Мег сквозь нее были видны и гора, и звезды. Девочка соскользнула со спины миссис Что и, спотыкаясь после долгой езды верхом, подошла к миссис Ведь.

– Та Тень, которую мы видели, – спросила она, – это и есть то, с чем борется мой папа?

Глава пятая. Тессеракт

– Да, – ответила миссис Ведь. – И он там, за этой тьмой, так что даже мы не сможем его увидеть.

Мег разрыдалась в голос. Сквозь слезы ей было видно, что Чарльз Уоллес стоит рядом, очень маленький, очень бледный. Кальвин обнял ее, но она передернула плечами и отстранилась, безудержно рыдая. Потом ее окутали громадные крылья миссис Что, и Мег ощутила, как в нее хлынули утешение и сила. Миссис Что ничего не сказала вслух, но через крылья до Мег дошли ее слова: «Не отчаивайся, дитя. Или ты думаешь, что мы принесли бы вас сюда, если бы надежды не было? Мы требуем от вас совершить трудное дело, но мы уверены, что вы справитесь. Вашему папе нужна помощь, ему требуется мужество, и ради своих детей он, быть может, сумеет сделать то, чего не способен сделать ради себя самого».

– Ну что ж, – произнесла миссис Ведь, – все готово?

– А куда мы теперь? – спросил Кальвин.

И снова Мег физически ощутила укол страха, когда миссис Ведь ответила:

– Нам нужно проникнуть за эту Тень.

– Но мы это сделаем не сразу, – успокоила их миссис Что. – А поэтапно.

Она посмотрела на Мег:

– Сейчас мы тессерируем. Снова пройдем сквозь излом. Понятно?

– Нет, – честно ответила Мег.

Миссис Что вздохнула:

– Нелегко объяснять то, для чего у вашей цивилизации слов пока не придумано. Вот Кальвин говорил о перемещении со скоростью света – это ты понимаешь, малышка Мег?

– Понимаю, – кивнула девочка.

– Но это, разумеется, непрактичный способ, слишком долгий. Мы научились при любой возможности срезать путь.

– Вроде как в математике, да? – спросила Мег.

– Да, как в математике.

Миссис Что взглянула на миссис Кто:

– Покажи им на своей юбке.

– «La experiencia es la madre de la ciencia». Это по-испански, дорогие мои. Это сказал Сервантес: «Опыт – мать любого знания».

Миссис Кто взяла в руки подол своего белого одеяния и растянула его.

– Вот смотрите, – сказала миссис Что, – если бы крохотный муравьишка пожелал пробраться из той части юбки, что миссис Кто держит в правой руке, в ту, которую она держит в левой, путь был бы для него довольно долгим, если идти напрямик.

Тут миссис Кто, не выпуская подола, свела руки вместе.

– Видите, – сказала миссис Что, – а вот теперь ему не пришлось бы далеко ходить, раз – и он на месте. Вот так мы и путешествуем.

Чарльз Уоллес принял это объяснение как должное. И даже Кальвин смотрел как ни в чем не бывало.

– Господи! – вздохнула Мег. – Наверно, я и правда тупая. Ничегошеньки не поняла!

– Это потому, что ты представляешь себе пространство трехмерным, – сказала ей миссис Что. – А мы путешествуем в пятом измерении. Ты способна это понять, Мег. Не бойся, попробуй. Твоя мама сумела тебе объяснить, что такое тессеракт?

– Да нет, она так и не объяснила, – ответила Мег. – Она сильно расстроилась из-за напоминания о нем. Но почему, миссис Что? Она сказала, это имеет какое-то отношение к ним с папой...

– Это была идея, с которой они забавлялись, – сказала миссис Что. – Выйти за пределы четвертого измерения, в пятое. Чарльз, тебе мама это не объясняла?

– Ну да, объясняла, – несколько смутился Чарльз. – Мег, ты только не обижайся, пожалуйста. Я просто прицепился к ней, пока ты была в школе, и не отставал, пока все из нее не вытянул.

Мег вздохнула:

– Просто объясни, ладно?

– Ладно, – сказал Чарльз. – Что такое первое измерение?

– Ну... прямая.

– Правильно. А второе измерение?

– Вторая прямая, перпендикулярная первой. Квадрат на плоскости – он уже в двух измерениях.

– А третье?

– Еще одна прямая, перпендикулярная плоскости. Тогда наш квадрат уже не будет плоским. У него появятся низ, стороны и верх.

– А четвертое?

– Ну, если с точки зрения математики, это квадрат, возведенный в квадрат. Но тут уже не получится просто взять карандаш и начертить, как

три первых. Я так понимаю, это имеет какое-то отношение к Эйнштейну и времени. Наверное, четвертое измерение можно назвать временем.

– Верно, – сказал Чарльз. – Молодец. Так вот, получается, пятое измерение должно быть перпендикулярно четвертому, верно?

– Наверно, да.

– Так вот, пятое измерение – это и есть тессеракт. Добавь его к остальным четырём – и сможешь перемещаться в пространстве напрямик, не делая длинных концов. Иными словами, говоря в терминах старой доброй евклидовой планиметрии, прямая линия – не кратчайшее расстояние между двумя точками.

Лицо Мег всего на миг озарилось тем самым внимательным, сосредоточенным выражением, которое так часто можно было видеть у Чарльза.

– Есть! Поняла! – воскликнула она. – На секунду я почти поняла! Не то чтобы я могла это объяснить, но на секунду я увидела!

Она возбужденно обернулась к Кальвину:

– А ты понимаешь?

Он кивнул:

– Более или менее. Я понимаю это не настолько хорошо, как Чарльз Уоллес, но достаточно, чтобы уловить идею.

– Ттогдда ввперредд! – сказала миссис Ведь. – Врреммени у ннасс в оббрезз!

– А можно, мы за руки будем держаться? – спросила Мег.

Кальвин взял ее за руку и крепко стиснул.

– Можете попробовать, – сказала миссис Что, – хотя не знаю, получится ли. Понимаете, мы перемещаемся хоть и вместе, но поодиночке. Мы отправимся вперед, а потом заберем за собой вас, как на волне за катером. Возможно, так вам будет проще.

Не успела она это сказать, как огромное белое тело заколебалось, крылья начали таять, как туман. Миссис Кто тем временем будто бы испарялась, пока от нее не осталось ничего, кроме очков, а потом и очки тоже исчезли. Это напомнило Мег Чеширского кота.

«Видала я лица без очков, – подумала она, – но очки без лица!.. Интересно, я тоже буду так исчезать? Сперва я, потом очки?»

Она посмотрела на миссис Ведь. Миссис Ведь только что была тут – и вот ее уже не стало.

Налетел порыв ветра, толчок, ощущение разбившегося стекла, и Мег толкнуло... куда? И снова тьма, тишина, пустота. Если Кальвин и держал ее за руку, она этого не чувствовала. Но на этот раз Мег была готова к

внезапному и полному исчезновению собственного тела. И когда она ощутила покалывание в кончиках пальцев, она уже знала, что путешествие вот-вот закончится и она снова почувствует руку Кальвина в своей руке.

Но тут внезапно, без всякого предупреждения, Мег ощутила давление, какого не испытывала никогда в жизни, – как будто ее раскатало громадным асфальтовым катком. Это было намного хуже пустоты и небытия. Пока Мег не существовало, ей и дышать не требовалось, а сейчас легкие сдавило так, что, хотя она буквально задыхалась, она никак не могла вдохнуть воздуха, который был ей необходим, чтобы остаться в живых. Это было совсем не то, что дышать в разреженной атмосфере, когда они взлетели на гору и ей пришлось дышать сквозь цветы. Мег попыталась хватануть воздуха ртом – но бумажные куколки не дышат. Она подумала, что надо бы поразмыслить, но расплющенный мозг отказывался работать, как и легкие: мысли были такие же сдавленные, как все остальное. Сердце пыталось биться – дергалось вбок, ножом тыкаясь под ребра, – но никак не могло расправиться.

И тут Мег как будто услышала чей-то голос – или не голос, а просто слова, плоские, как будто напечатанные на бумаге: «Нет-нет! Здесь останавливаться нельзя! Это же двумерная планета, дети на ней не выживут!»

И ее снова уволокло в небытие, и это было просто чудесно. Мег уже не волновало, что она больше не чувствует руки Кальвина, что она ничего не видит, не осязает и вообще не существует. Главное – ее больше не расплющивало.

Потом в пальцах рук и ног снова закололо. Она чувствовала, как крепко держит ее Кальвин. Сердце билось ровно; кровь струилась по сосудам. Что бы ни случилось, какая бы ошибка ни произошла, все это теперь было позади. Мег показалось, что она слышит голос Чарльза Уоллеса, и слова его звучали округло и наполненно, как и положено сказанным вслух словам:

– Миссис Ведь, вы же нас чуть было не угробили!

На этот раз из пугающего пятого измерения Мег выдернули рывком. Она снова сделалась сама собой, и рядом стоял Кальвин, который отчаянно сжимал ее руку, а напротив стоял Чарльз Уоллес, крайне возмущенный. Миссис Что, миссис Кто и миссис Ведь видно не было, но Мег знала, что они тут: она отчетливо сознавала факт их присутствия.

– Иззвиннитте, детти, – раздался голос миссис Ведь.

– Ладно-ладно, Чарльз, успокойся, – сказала миссис Что, явившись не огромным прекрасным зверем, каким они видели ее в последний раз, а в

своем прежнем облике, закутанной в ворох безумных одежек, в пальто и шляпе старой нищенки. – Ну ты же знаешь, как ей трудно материализовываться. А когда ты сам неосязаем, нелегко осознать, как ограничены возможности протоплазмы.

– Мне прраввдда оччень жжаль, – снова раздался голос миссис Ведь, но теперь в нем звучали насмешливые нотки.

– И ничего смешного! – Чарльз Уоллес совсем по-детски топнул ногой.

Вспыхнули очки миссис Кто, а вслед за очками проступила и сама миссис Кто, но уже медленнее.

– «Мы созданы из вещества того же, что наши сны». – Она расплылась в улыбке. – Это Просперо из «Бури» Шекспира. Обожаю эту пьесу!

– Так вы не нарочно? – осведомился Чарльз.

– Ну что ты, дорогой, конечно же нет! – поспешно ответила миссис Что. – Это была просто ошибка. Всякий бы мог так ошибиться. Просто миссис Ведь очень сложно мыслить с точки зрения телесного существа. Она бы ни за что не причинила вам зла специально, ты же знаешь. А то была на самом деле очень славная планетка, и быть плоским довольно забавно. Мы любим там бывать.

– Ну а сейчас мы где? – осведомился Чарльз Уоллес. – И зачем мы здесь?

– В поясе Ориона. У нас тут есть друг, и мы хотели, чтобы вы могли взглянуть на свою собственную планету.

– А когда мы домой вернемся? – с тревогой спросила Мег. – А как же мама? И близнецы? Они ведь будут ужасно беспокоиться из-за нас! Мы же вечером не вернулись домой... мама небось уже с ума сходит! Они с близнецами и с Фортом наверняка нас искали-искали и не нашли!

– Не волнуйся, рыбонька! – жизнерадостно ответила миссис Что. – Мы об этом позаботились, прежде чем покинуть Землю. У вашей мамы и впрямь достаточно тревог и без вас с Чарльзом. Она и так не знает, где ваш отец, вовсе ни к чему добавлять ей лишних горестей. Мы воспользовались не только изломом пространства, но и изломом времени. Это очень легко, если знать как.

– Что вы имеете в виду? – жалобно спросила Мег. – Миссис Что, пожалуйста, не говорите так, вы меня совсем с толку сбили!

– Просто утешься и не тревожься из-за того, что не должно тебя беспокоить, – сказала миссис Что. – Мы славненько, аккуратненько тессерировали во времени, и если не случится ничего особенно ужасного, мы вернем вас назад минут за пять до того момента, как вы исчезли, так что времени у вас будет с запасом, и никто даже не узнает, что вы куда-то

исчезали. Хотя, разумеется, маме-то своей вы все расскажете, бедной голубке. Ну а если что-то особенно ужасное все-таки случится, тогда будет уже не важно, вернемся мы или нет.

– Нне ппуггай ихх! – раздался голос миссис Ведь. – Илли тты терряешшь верру?

– Да нет, ну что ты!

Однако Мег показалось, что ее голос звучит как-то неуверенно.

– Надеюсь, хоть эта планета хорошая, – сказал Кальвин. – Правда, тут почти ничего не видно. Здесь вообще когда-нибудь бывает посветлее?

Мег огляделась, только теперь сообразив, что так запыхалась и растерялась после перемещения и остановки на двумерной планете, что даже не обратила внимания, куда они попали. Быть может, оно и неудивительно: примечательней всего в этом месте было именно то, какое оно непримечательное. Они стояли на какой-то непонятной плоской поверхности. Воздух тут был серый. Не то чтобы туман – но видно сквозь него ничего не было. Видимость ограничивалась отчетливо различимыми телами Чарльза Уоллеса и Кальвина, довольно неубедительными телами миссис Что и миссис Кто и изредка проблескивавшей миссис Ведь.

– Идемте, детки, – сказала миссис Что. – Нам тут недалеко, так что можно и пешочком. Вам не мешает поразмять ноги.

Пока они шли через эту серость, Мег заметила несколько скал, смахивающих на рудничные отвалы, но ни следа ни деревьев, ни кустов. Под ногами была плоская земля без малейших признаков растительности.

Наконец впереди замаячило нечто похожее на каменный холм. Когда они подошли ближе, Мег увидела, что в холме есть отверстие, ведущее в глубокую мрачную пещеру.

– Что, нам туда? – нервно спросила она.

– Не бойся, – ответила миссис Что. – Золотой Середине проще работать внутри. Она вам понравится, ребятки. Характер у нее и впрямь золотой. Если бы я когда-нибудь увидела ее грустной, я бы и сама впала в глубокое уныние. А пока она способна смеяться, я уверена, что в конце концов все будет хорошо.

– Ммиссисс Ччто, – сурово произнес голос миссис Ведь, – еесли тты оччень молодда, этто ееще нне повводд ттакк мноого боллттатть!

Миссис Что, похоже, обиделась, но подчинилась.

– А сколько вам лет-то? – спросил у нее Кальвин.

– Секундочку... – пробормотала миссис Что и принялась торопливо считать на пальцах. Потом торжествующе кивнула. – Ровнехонько два миллиарда триста семьдесят девять миллионов сто пятьдесят две тысячи

четыреста девяносто семь лет, восемь месяцев и три дня. Но это, конечно, по вашему календарю, а ведь он не очень точный, это даже вы знаете.

Она подалась поближе к Мег и Кальвину и шепнула:

– На самом деле для меня большая честь, что меня избрали для этой миссии. Понимаете, это все оттого, что я так хорошо изъясняюсь словами и материализуюсь. Но разумеется, наши таланты – не наша заслуга. Вся штука в том, как мы ими распоряжаемся. А я делаю слишком много ошибок. Вот почему мы с миссис Кто так развеселились, когда увидели, что и миссис Ведь совершила ошибку, попытавшись перенести вас в двумерный мир. Мы смеялись над ней, а не над вами. Она и сама смеялась над собой, понимаете? На самом деле она чрезвычайно добра к нам, младшим.

Мег так заслушалась миссис Что, что даже не заметила, как они вошли в пещеру. Переход от серой мглы снаружи в серую мглу внутри был почти незаметен. Мег увидела впереди мерцающий свет, впереди и внизу – туда-то они и направились. Подойдя ближе, Мег поняла, что это костер.

– Тут бывает очень холодно, – сказала миссис Что, – так что мы ее попросили развести для вас огонь пожарче.

Приблизившись к костру, они увидели на фоне пламени темную фигуру, а подойдя еще ближе, разглядели, что это женщина. На женщине был красивый тюрбан сиреневого шелка и длинное, струящееся платье из лилового атласа. Она держала в руках хрустальный шар и пристально вглядывалась в него. Детей, миссис Что, миссис Кто и миссис Ведь она как будто и не заметила, погрузившись в свое занятие. Внезапно она расхохоталась, и смеялась, и смеялась не переставая, – видно, углядела в шаре что-то очень уж забавное.

Отчетливый голос миссис Ведь зычно раскатился эхом в стенах пещеры, и слова звонко прогремели:

– ММЫ ЗЗДДЕССЬ!

Женщина оторвалась от шара и увидела их. Она встала и склонилась в глубоком реверансе. Миссис Что и миссис Кто ответили небольшими реверансами, а мерцание как будто слегка поклонилось.

– Середина, милочка, – сказала миссис Что, – вот эти детки. Чарльз Уоллес Мёрри. – (Чарльз Уоллес поклонился.) – Маргарет Мёрри... – (Мег подумала, что раз миссис Что и миссис Кто сделали реверанс, ей, наверно, тоже надо. И она присела, довольно неуклюже.) – И Кальвин О'Киф.

Кальвин просто кивнул.

– Мы хотим показать им их родную планету, – сказала миссис Что.

Радостная улыбка Середины – до сих пор она улыбалась не

переставая – потухла.

– Ах, ну зачем вы заставляете меня смотреть на всякие неприятные вещи, когда на свете столько чудесного!

И снова голос миссис Ведь эхом раскатился по пещере:

– Если ответственные существа ничего не предпримут, на свете скоро не останется ничего приятного!

Середина вздохнула и подняла свой шар.

– Смотрите, дети, – сказала миссис Что, – хорошенько смотрите!

– «Que la terre est petite à qui la voit des cieux!» Это Жак Делиль: «О, сколь мала земля для тех, кто зрит с небес!» – продекламировала миссис Кто.

Мег заглянула в хрустальный шар, вначале с опаской, потом все более внимательно и пристально: ей открылись бесконечные просторы безвидного и пустого пространства, а потом – вращающиеся в нем галактики. И вот наконец одна из галактик как будто приблизилась к ним.

– Ваш Млечный Путь! – шепотом пояснила миссис Что.

Они будто полетели напрямик в центр галактики, потом отклонились в сторону; звезды, казалось, неслись им навстречу. Мег заслонила рукой, словно пытаясь защититься от удара.

– Смотри! – велела миссис Ведь.

Мег опустила руку. Они, похоже, приближались к планете. Ей показалось, что она уже различает ледяные шапки на полюсах. Все казалось таким ослепительно-чистым...

– Нет-нет, Середина, милочка, ведь это же Марс! – мягко одернула миссис Что.

– Ну а что, обязательно надо?.. – начала было Середина.

– Живво! – прогремела миссис Ведь.

Сияющая планета исчезла из виду. На миг перед глазами снова очутилась космическая чернота; потом показалась другая планета. Очертания ее были совсем не такими чистыми и четкими. Наоборот – она, казалось, была окутана мутной мглой. Сквозь эту мглу Мег различила знакомые контуры континентов – как на картинках из учебника географии.

– Это из-за атмосферы так плохо видно, да? – с тревогой спросила она.

– Нетт, Мегг. Самма жже знаешь, что дело не в атмосфере, – ответила миссис Ведь. – Мужайся!

– Это Тень! – воскликнул Чарльз Уоллес. – Та Черная Тень, которую мы видели с горного пика на Уриэле, когда прилетели туда на спине миссис Что!

– Она что, только что туда добралась? – в ужасе спросила Мег, не в

силах оторвать глаз от тошнотворной тени, омрачающей красоту Земли. – Она добралась туда, пока нас не было, да?

Голос миссис Ведь звучал очень устало.

– Сскажжи ейй! – велела она миссис Что.

Миссис Что вздохнула:

– Нет, Мег. Она явилась не сегодня. Она там уже много-много лет. Вот почему на вашей планете живет так неуютно.

– Но почему... – начал было Кальвин. Голос у него срывался.

Миссис Что подняла руку, заставив его умолкнуть:

– Мы сперва показали вам Черную Тень на Уриэле, потому что... о, по многим причинам. Во-первых, потому, что на тамошних вершинах атмосфера такая чистая и разреженная, что сквозь нее видно все как есть. И еще мы решили, что вам будет проще это понять, если вы впервые увидите ее... скажем так, где-нибудь в другом месте, а не у себя на Земле.

– Ненавижу! – с жаром воскликнул Чарльз Уоллес. – Ненавижу ее, эту Черную Тень!

Миссис Что кивнула:

– Ну да, Чарльзушка. Мы все ее ненавидим. И это еще одна причина, отчего мы для подготовки привели вас на Уриэль. Мы подумали, что вам будет слишком страшно с самого начала увидеть ее над своей возлюбленной планетой.

– Но что же это такое? – осведомился Кальвин. – Мы понимаем, что это какое-то зло, но что это?

– Тты ссказзал! – прозвенел голос миссис Ведь. – Этто и есть Ззлло! Этто Ссиллы Ттьммы!

– И что же будет? – дрожащим голосом спросила Мег. – Миссис Ведь, пожалуйста, скажите, что будет дальше?

– Ммы прроддоллжжмм ссрражжаттсья!

В голосе миссис Ведь было нечто такое, отчего дети поневоле распрямились, решительно расправили плечи и посмотрели на мерцание, которым была миссис Ведь, гордо и уверенно.

– И знаете, дети, мы же не одни, – добавила миссис Что, утешительница. – Борьба идет по всей Вселенной, по всему космосу, и – о, сколь великолепна эта битва! Я знаю, вам трудно понять насчет масштабов – что разница между мельчайшим микробом и огромнейшей Галактикой не столь уж велика. Но все же поразмыслите над этим – и, быть может, вам не покажется странным, что иные из лучших наших воинов происходят с вашей планеты, хотя это всего лишь крохотная планетка на краю небольшой Галактики. Вы можете гордиться тем, что она достигла

столь многого.

– А кто же эти наши воины? – спросил Кальвин.

– О, ну уж ты-то их должен знать, мой милый, – сказала миссис Что.

Миссис Кто торжественно сверкнула очками:

– «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его»^[6].

– Иисус! – воскликнул Чарльз Уоллес. – Конечно же Иисус!

– Ну разумеется! – сказала миссис Что. – Продолжай, Чарльзушка.

Были ведь и другие. Все ваши великие творцы. Они были светочами, свет которых развеивал тьму.

– Леонардо да Винчи, да? – неуверенно спросил Кальвин. – И Микеланджело?

– И Шекспир, – добавил Чарльз Уоллес, – и Бах! И Пастер, и мадам Кюри, и Эйнштейн!

Теперь голос Кальвина исполнился уверенности:

– И Швейцер, и Ганди, и Будда, и Бетховен, и Рембрандт, и святой Франциск!

– Теперь давай ты, Мег! – распорядилась миссис Что.

– Евклид, наверное? – Мег была в таком нетерпении, что голос у нее раздраженно скрежетал. – Коперник еще... Но как же папа? Пожалуйста, скажите, что с моим папой?

– Ддо ттвоегго оттца ссейчасс дойдетт, – сказала миссис Ведь.

– Где он?! – Мег подступила к миссис Ведь и топнула ногой, словно была такая же маленькая, как Чарльз Уоллес.

Миссис Что ответила голосом негромким, но твердым:

– Он на планете, которая сдалась. Так что приготовьтесь, вам придется быть очень сильными.

Теперь на лице Золотой Середины не осталось и следов веселья. Она сидела, сжимая большой шар, смотрела на омраченную тенью Землю, и по щеке у нее медленно катилась слеза.

– Я больше не выдержу! – всхлипнула она. – Смотрите же, дети, смотрите!

Глава шестая. Золотая Середина

Ребята снова устремили глаза на хрустальный шар. Земля, окутанная ужасной Черной Тенью, плавно исчезла из виду, и они снова помчались вдоль Млечного Пути. И снова увидели Тень.

– Смотрите! – сказала им Середина.

Перед ними клубилась и ворочалась Тьма. Что, это должно их как-то утешить?

Но внезапно во тьме сверкнула ослепительная вспышка света. Свет распространялся все шире, и там, где он касался Тьмы, Тьма рассеивалась. Свет распространялся до тех пор, пока не стер полностью пятно Черной Тени, пока не осталось лишь мягкое сияние, а сквозь сияние проглянули звезды, отчетливые и чистые. Потом, мало-помалу, сияние начало тускнеть, и вот наконец остались лишь звезды и звездный свет. Теней не было. Страх не было. Только звезды и чистая чернота космоса, не имеющая ничего общего с жуткой чернотой Тени.

– Вот видите? – воскликнула Середина, радостно улыбаясь. – Ее можно одолеть! Ее всегда побеждают!

Миссис Что вздохнула, и вздох этот был так печален, что Мег захотелось ее обнять и утешить.

– Объясните, пожалуйста, что именно произошло, – тоненьким голоском попросил Чарльз Уоллес.

– То была звезда, – грустно ответила миссис Что. – Звезда, которая пожертвовала жизнью в битве с Тенью. Она победила, о да, дети мои, она победила. Но ради этого ей пришлось расстаться с жизнью.

И снова заговорила миссис Ведь. Голос ее звучал устало, и они поняли, что говорить ей ужасно тяжело.

– Ддля ттеббя этто былоо совссемм неддавноо, дда? – мягко спросила она.

Миссис Что покачала головой.

Чарльз Уоллес подошел к миссис Что:

– Я понял! Теперь я все понимаю. Вы раньше были звездой, да?

Миссис Что закрыла лицо руками, как будто смутилась, и кивнула.

– И вы... вы сделали то же, что эта звезда?

Миссис Что снова кивнула, не отнимая рук от лица.

Чарльз Уоллес посмотрел на нее очень серьезно:

– Можно, я вас поцелую?

Миссис Что наконец опустила руки и прижала к себе Чарльза Уоллеса. Мальчик обнял ее за шею, прильнул щекой к ее щеке, а потом поцеловал ее.

Мег чувствовала, что ей тоже очень хочется расцеловать миссис Что, но после Чарльза Уоллеса все, что бы ни сделали они с Кальвином, будет как-то не так... не так здорово. Она ограничилась тем, что просто смотрела на миссис Что. И хотя Мег уже успела привыкнуть к ее странному наряду (более того – именно эта странность делала миссис Что такой уютной), она внезапно с изумлением осознала, что видит перед собой вовсе не самое миссис Что. Потому что настоящая, подлинная миссис Что выходит за рамки человеческого понимания. То, что видела Мег, было лишь игрой, в которую играла миссис Что: эта игра была забавной и милой, смешной и утешительной, и все же то была лишь мельчайшая из граней всего того, чем могла быть миссис Что на самом деле.

– Я не собиралась вам говорить, – запинаясь, выдавила миссис Что. – Не хотела, чтобы вы знали. Но, дорогие мои, как же мне нравилось быть звездой!

– Ты все еще слишком ммоллодда! – сказала миссис Ведь. Ее голос звучал чуточку укоризненно.

Золотая Середина сидела, радостно любуясь звездным небом в своем шаре, улыбаясь, кивая и тихонько посмеиваясь. Но Мег заметила, что она клюет носом – и вдруг Середина уронила голову и принялась похрапывать.

– Бедняжка, – сказала миссис Что, – как же мы ее уморили! Для нее это очень тяжкий труд.

– Миссис Что, – спросила Мег, – скажите, пожалуйста, а что теперь? Зачем мы здесь? Что мы будем делать дальше? Где папа? Когда мы отправимся к нему? – И девочка умоляюще стиснула руки.

– Всеу свое время, радость моя! – сказала миссис Что.

– «As paredes tem ouvidos», – вставила миссис Кто. – Это по-португальски: «Стены имеют уши».

– Да, идемте-ка наружу, – сказала миссис Что. – А она пусть себе спит.

Но когда они повернулись, чтобы уйти, Середина вскинула голову и улыбнулась им ослепительной улыбкой.

– Вы же не собираетесь уйти, не попрощавшись со мной? – спросила она.

– Да нет, нам не хотелось тебя будить, дорогая.

Миссис Что похлопала Середину по плечу:

– Мы тебя совсем измучили и понимаем, как ты устала.

– Но я вас собиралась попотчевать амброзией, или нектарчиком, или чайком хотя бы...

И только тут Мег обнаружила, какая она голодная. «Сколько же времени прошло с тех пор, как мы ужинали маминым рагу?» – подумала она.

Но миссис Что сказала:

– Нет, дорогая, спасибо, я думаю, нам пора.

– Им же не надо питаться, понимаешь? – шепнул Мег Чарльз Уоллес. – Ну то есть они не нуждаются в пище так, как мы. Для них еда – это игра такая. Как только сорганизуемся, надо будет им напомнить, что рано или поздно нас придется покормить.

Середина улыбнулась и кивнула:

– Ну, кажется, я все-таки могу сделать для вас кое-что хорошее, после того как пришлось показать бедным деткам всякие ужасные вещи. Не хотят ли они перед уходом повидать свою маму?

– А папу можно? – нетерпеливо спросила Мег.

– Ннетт, – ответила миссис Ведь. – Ммегг, кк ттвоемму паппе ммы вотт-вотт отпправвиммся. Нне спешши.

– Но маму-то ей повидать можно? – умоляюще спросила Середина.

– Ну почему бы и нет? – вмешалась миссис Что. – Много времени это не займет, и вреда не будет.

– А Кальвину? – спросила Мег. – Можно Кальвину тоже повидать маму?

Кальвин легонько толкнул Мег, но что он имел в виду – благодарность или неудовольствие, – она не поняла.

– Ппо-ммоемму, этто ошшиббка, – неодобрительно сказала миссис Ведь. – Нно разз ужж тты обб эттомм уппоммяннула – чтто жж, ддавайте!

– Терпеть не могу, когда она злится, – сказала миссис Что, косясь на миссис Ведь, – и что самое неприятное – она всегда оказывается права. Но я в самом деле не вижу, чего тут плохого, а вам, наверное, на душе полегчает. Давай, Серединочка!

Середина, улыбаясь и что-то мурлыча себе под нос, слегка провернула хрустальный шар в ладонях. Звезды, кометы, планеты пронеслись по небу, и в шаре снова показалась Земля, омраченная тенью Земли, все ближе, ближе, пока она не заполнила собой весь шар, и они каким-то образом миновали тень, и впереди засияли пушистые белые облака и плавные очертания материков.

– Сперва маму Кальвина! – шепнула Мег Середине.

Шар затуманился, заволочся облаками, потом тени начали становиться более резкими, более отчетливыми, и вот они уже увидели перед собой

неопрятную кухню с раковиной, где громоздилась гора немытой посуды. Перед раковиной стояла неухоженная тетка с седыми патлами, свисающими на лицо. Рот у тетки был разинут, и Мег увидела беззубые десны. Звуков в шаре было не слышно, но Мег как будто услышала, как тетка орет на двоих стоящих перед ней малышкой. Потом тетка схватила из раковины длинную деревянную ложку и принялась лупить ею одного из малышей.

– Ой, мамочки! – пробормотала Середина, и изображение начало таять. – Я же не зна...

– Да ничего, все нормально, – вполголоса сказал Кальвин. – Я подумал, пусть уж вы будете знать...

И Мег, вместо того чтобы потянуться к Кальвину в поисках безопасности, сама взяла его за руку, ничего не говоря вслух, но прикосновением дав ему понять, что она чувствует. Если бы ей еще вчера сказали, что она, Мег, кривоzubая, близорукая, неуклюжая Мег, возьмет за руку мальчика, чтобы утешить и придать ему мужества, – да еще какого мальчика! Популярного, известного всей школе, такого, как Кальвин! – она бы просто ушам своим не поверила. Но теперь помогать Кальвину и оберегать Кальвина казалось таким же естественным, как оберегать Чарльза Уоллеса.

В хрустале снова за клубились тени, и когда они начали развеиваться, Мег мало-помалу узнала мамину лабораторию у них дома. Миссис Мёрри сидела на своем высоком табурете и что-то писала на листе бумаги, прикрепленном к планшету, который лежал у нее на коленях. «Папе пишет, – подумала Мег. – Как всегда. Каждую ночь».

Она смотрела на маму, и на глаза наворачивались слезы, которые она так и не научилась сдерживать. Миссис Мёрри подняла голову от письма, как будто посмотрела на детей, а потом уткнулась лицом в бумагу и так застыла, съежившись, позволив себе предаться горю, которого при детях она никогда не выказывала.

И Мег расхотелось плакать. Тот жаркий, праведный гнев, который она испытала из-за Кальвина, когда увидела, что творится у него дома, теперь обратился против матери.

– Ну что же ты! – вскричала она. – Давай сделаем хоть что-нибудь!

– Она всегда бывает права, – вполголоса сказала миссис Что, покосившись на миссис Ведь. – Иногда хочется, чтобы она уже сказала: «Вот, я же говорила!» – и покончила с этим.

– Я же просто хотела как лучше!.. – заныла Середина.

– Ой, Серединочка, радость моя, ты только не переживай так, –

поспешно сказала миссис Что. – Давай посмотри скорее на что-нибудь приятное. А то я просто не могу, когда ты расстраиваешься!

– Да ничего, все нормально, – серьезно заверила Мег Середину. – Правда все нормально, миссис Середина. Мы вам очень благодарны.

– Уверены? – оживилась Середина.

– Ну конечно! Мне это действительно очень помогло, потому что я разозлилась. А когда я злюсь, во мне просто нет места страху.

– Ну что ж, тогда поцелуй меня на прощание на удачу, – сказала Середина.

Мег подошла к ней и чмокнула ее в щеку, и Чарльз Уоллес тоже. Середина с улыбкой посмотрела на Кальвина и подмигнула ему.

– А что ж, молодой человек меня так и не поцелует? Мне всегда нравились рыженькие! А тебе это и впрямь принесет удачу, Красавчик.

Кальвин, покраснев, наклонился и неуклюже поцеловал ее в щеку.

Середина ущипнула его за нос.

– Тебе еще многому предстоит научиться, мой мальчик! – сказала она.

– Ну что ж, до свидания, Серединочка, спасибо тебе огромное, – сказала миссис Что. – Через пару миллиардов лет увидимся, наверно.

– А вы куда сейчас, на случай если мне потребуется вас увидеть? – спросила Середина.

– На Камазоц, – ответила миссис Что. (Что за Камазоц? Где это? Мег не понравилось, как звучит это слово, не понравилось и то, как произнесла его миссис Что.) – Но ты, пожалуйста, за нас не переживай. Сама же знаешь, как ты не любишь смотреть на темные планеты, – а когда ты несчастна, нас это ужасно расстраивает.

– Но мне же надо знать, что случится с детьми! – возразила Середина. – Вот в чем моя главная беда: привязчивая я. Если бы я ни к кому не привязывалась, я бы и горя не знала. Ой, нет, тра-ля-ля, мне и так удастся не унывать, а если еще немного вздремнуть прямо сейчас, то все и подавно будет в порядке. Ну, пока, все-е... – И конец последнего слова утонул в храпе.

– Пойддемтте! – приказала миссис Ведь, и все вслед за ней вышли из темноты пещеры в безликую серость планеты Середины.

– Нну, а ттепперрь, ддетти, главвное, нне бойттесть ттого, чтто ссейччасс произзойдетт! – предупредила миссис Ведь.

– Не переставай злиться, малютка Мег! – шепотом посоветовала миссис Что. – Сейчас тебе потребуется вся твоя злость!

И Мег без предупреждения снова выбросило в ничто. Но на этот раз пустота сменилась ощущением липкого, промозглого холода, какого Мег

никогда прежде не чувствовала. Холод становился все сильнее, клубился вокруг, пронизывал насквозь и был наполнен новой, непривычной тьмой, которая была совершенно осязаемой, будто живая тварь, будто громадный и злобный хищник, который стремился пожрать и переварить Мег.

Потом тьма миновала. Была ли это та самая Черная Тень? Быть может, через нее необходимо пройти, чтобы добраться до папы?

Мег ощутила уже знакомое покалывание в руках и ногах, протолкнулась сквозь нечто твердое и обнаружила себя стоящей на ногах, запыхавшейся, но целой и невредимой, рядом с Кальвином и Чарльзом Уоллесом.

– Это и есть Камазоц? – спросил Чарльз Уоллес, когда напротив материализовалась миссис Что.

– Да, – ответила она. – А теперь давайте просто постоим, отдышимся и осмотримся.

Они стояли на холме, и когда Мег огляделась, то подумала, что этот холм вполне бы мог находиться и на Земле. Вокруг росли знакомые деревья, к которым она привыкла у себя дома: березы, сосны, клены. И хотя тут было теплее, чем в яблоневом саду, откуда они так неожиданно исчезли, в воздухе тоже висел слабый аромат осени. Поблизости росло несколько невысоких деревьев с покрасневшей листвой, сильно смахивающих на сумах, и купа цветов, похожих на золотарник^[7]. Поглядев вниз, Мег увидела трубы на крышах города, на месте которого мог быть любой из знакомых ей городов. Ничего странного, чуждого или пугающего поблизости видно не было.

Однако миссис Что подошла к девочке и обняла ее за плечи, словно желая утешить.

– Знаешь, золотко, я не смогу отправиться дальше с вами, – сказала она. – Вы втроем остаетесь одни. Мы будем поблизости; мы будем за вами следить. Но вы не сможете нас видеть, не сможете позвать на помощь, и мы не сумеем к вам прийти.

– Но папа же здесь? – дрожащим голосом спросила Мег.

– Да.

– И где он? Когда мы его увидим?

Мег уже приготовилась бежать, как будто собиралась с разгону броситься к папе.

– Этого я вам сказать не могу. Вам придется дождаться подходящего момента.

Чарльз Уоллес пристально посмотрел на миссис Что:

– Вы за нас боитесь?

– Немножко.

– Но вы же не боялись делать то, что вы сделали, когда были звездой? Отчего же вы сейчас за нас боитесь?

– На самом деле я и тогда боялась, – мягко ответила миссис Кто. Она пристально посмотрела на каждого из детей по очереди.

– Вам потребуется помощь, – сказала она им, – но мне дозволено дать вам лишь небольшой талисман. Кальвин, твой великий дар – твоя способность общаться, выстраивать взаимопонимание с кем угодно. Так что для тебя я усилю этот дар. Мег, тебе я даю твои недостатки.

– Мои недостатки?! – воскликнула Мег.

– Твои недостатки.

– Но я же, наоборот, всю жизнь пытаюсь от них избавиться!

– Да, – кивнула миссис Кто. – Однако, думаю, ты увидишь, что на Камазоце они тебе как раз пригодятся. Чарльз Уоллес, тебе я могу дать только твою детскую гибкость и упрямство.

Где-то рядом сверкнули очки миссис Кто и послышался ее голос.

– Кальвин, – сказала она, – подсказка. Подсказка для тебя. Слушай внимательно:

Но ты был слишком чист, чтоб выполнять
Ее приказы скотские и злые;
Нередко проявлял ты непокорство.
И вот колдунья в ярости своей,
Призвав на помощь более послушных
И более могущественных духов,
В расщелине сосны тебя зажала,
Чтоб там ты мучился...

Это Шекспир, «Буря»^[8].

– Миссис Кто, а где вы? – спросил Чарльз Уоллес. – И где миссис Вейд?

– Мы теперь не можем к вам прийти. – Голос миссис Кто долетел до них, точно ветер. – «Allwissend bin ich nicht; doch viel ist mir bewisst». Это Гёте: «Я не всеведущ, я лишь искушен». Это тебе, Чарльз! Помни, что ты не всеведущ.

Затем голос обратился к Мег:

– Тебе, мой слепой кротик, я оставляю свои очки. Но смотри используй их только при самой крайней необходимости! Прибереги их на

случай смертельной опасности.

Пока она говорила, в воздухе сверкнули еще одни очки, а потом блеск исчез и голос умолк. Очки очутились в руках Мег. Девочка бережно спрятала их в нагрудный карман курточки, и от одной мысли о том, что они там, ей почему-то сделалось не так страшно.

– Сслушшайтте ммое поввелление, все тррое! – сказала миссис Ведь. – Сттуппайтте в эттотт горродд. Дерржжиттессь вммессте. Нне давайтте имм раззлуччитт ввасс. Ммужжайттессь!

В воздухе что-то мелькнуло и исчезло. Мег содрогнулась.

Миссис Что, наверно, заметила это, потому что похлопала Мег по плечу, а потом обернулась к Кальвину:

– Береги Мег!

– О Мег я могу позаботиться, – довольно резко сказал Чарльз Уоллес. – Я всегда о ней забочусь.

Миссис Что посмотрела на Чарльза Уоллеса, и ее скрипучий голос каким-то образом сделался одновременно мягче и звучнее.

– Чарльз Уоллес, тебе здесь будет опаснее всего.

– Почему?

– Потому что ты такой, какой есть. Именно из-за того, какой ты есть, ты будешь наиболее уязвим. Ни в коем случае не расставайся с Мег и Кальвином! Никуда не ходи в одиночку! Бойся гордости и надменности, Чарльз, они могут тебя подвести.

Слыша тон миссис Что, предостерегающий и пугающий одновременно, Мег снова содрогнулась. А Чарльз Уоллес подошел к миссис Что, уткнулся в нее, как утыкался, бывало, в маму, и шепотом сказал:

– Теперь я, кажется, понимаю, что вы имели в виду, когда говорили, что боялись...

– Ничего не боятся только глупцы, – сказала ему миссис Что. – Ну все, ступайте!

И на том месте, где она только что стояла, остались лишь небо, да травы, да небольшой валун.

– Идемте! – нетерпеливо сказала Мег. – Ну идемте же! Пошли!

Она совершенно не замечала, что голос у нее дрожит как осиновый лист. Она взяла за руки Чарльза Уоллеса и Кальвина, и они принялись спускаться с холма.

Стоящий внизу город был весь какой-то резкий и угловатый. Дома на окраинах были похожи как две капли воды: квадратные коробочки, выкрашенные в серый цвет. Перед каждым была маленькая прямоугольная

лужайка, вдоль дорожки, ведущей к двери, росли по линейке унылого вида цветочки. Мег подумала, что если пересчитать цветы, окажется, что перед каждым домом их строго одинаковое количество. Перед каждым домом играли дети. Одни прыгали через скакалку, другие чеканили мячик. У Мег возникло смутное ощущение, что с их игрой что-то неладно. Дети выглядели точно так же, как любые дети, играющие перед любым домом у них на родине, – и все же что-то с ними было не так. Мег посмотрела на Кальвина и увидела, что он тоже озадачен.

– Смотрите! – сказал вдруг Чарльз Уоллес. – Они все прыгают и чеканят в такт! Все разом, одновременно!

И в самом деле. Скакалка ударялась о мостовую одновременно с мячиком. Скакалка взлетала над головой прыгающего ребенка одновременно с тем, как ребенок, играющий в мяч, отбивал свой мячик. Скакалки вниз – мячики вниз. Снова и снова. Вниз-вверх, вниз-вверх. Все в такт. Все на один лад. Как дома. Как дорожки. Как цветочки.

Потом двери всех домиков одновременно распахнулись и наружу выглянули женщины, как будто вереница бумажных куколок. Узоры у них на платьях были разные, но все равно казалось, будто они одинаковые. Каждая из женщин вышла на крыльцо. Каждая хлопнула в ладоши. Каждый ребенок с мячом поймал мячик. Каждый ребенок со скакалкой сложил скакалку. Все дети повернулись и ушли в дома. И двери за ними захлопнулись.

– Как у них так получается? – изумилась Мег. – Мы бы так не сумели, даже если бы очень постарались! Что все это значит?

– Давайте уйдем отсюда, – настойчиво сказал Кальвин.

– Уйдем? – переспросил Чарльз Уоллес. – Куда?

– Не знаю. Куда угодно. Назад на холм. Назад к миссис Чо, миссис Кто и миссис Ведь. Мне тут не нравится.

– Но их же нет. Ты что, думаешь, они вернутся за нами, если мы сейчас повернем назад?

– Мне тут не нравится! – повторил Кальвин.

– Пошли! – Мег аж взвизгнула от нетерпения. – Ты же знаешь, что вернуться мы не сможем! Миссис Чо сказала ведь, что нам надо в город!

Она стремительно зашагала по улице, и мальчишки последовали за ней. Одинаковые домики тянулись насколько хватало глаз.

И тут вдруг они все увидели одно и то же и остановились посмотреть. Перед одним из домиков стоял малыш с мячиком и чеканил его о землю. Но получалось у него это довольно плохо, без всякого ритма. Иногда малыш ронял мячик и неуклюже, вприпрыжку бросался его догонять, иногда

подкидывал в воздух и пытался поймать. Дверь домика отворилась, и оттуда выбежала одна из одинаковых фигурок-мам. Женщина лихорадочно окинула взглядом улицу, увидела детей, прижала руки к губам, словно сдерживая вопль ужаса, сграбастала малыша и бросилась с ним в дом. Мячик выпал у него из рук и покатился на улицу.

Чарльз Уоллес кинулся к мячику, поймал его и показал Мег и Кальвину. С виду это был самый обыкновенный, коричневый резиновый мячик.

– Давайте отнесем его мальчику и посмотрим, что будет, – предложил Чарльз Уоллес.

Мег дернула его за руку:

– Миссис Что сказала нам идти в город!

– Ну так мы ведь уже в городе, верно? На окраине, но все равно. Я хочу побольше узнать об этом. У меня такое предчувствие, что нам это потом пригодится. А вы идите дальше, если не хотите со мной!

– Нет, – твердо возразил Кальвин. – Мы должны держаться вместе. Миссис Что говорила, чтобы мы ни в коем случае не позволяли им нас разлучить. Но я согласен с тобой. Давай постучимся в дом и посмотрим, что будет.

Они пошли по дорожке к дому. Мег шла нехотя, ей не терпелось попасть в город.

– Давайте скорей! – умоляюще сказала она. – Ну пожалуйста! Тебе что, не хочется найти папу?

– Хочется, – сказал Чарльз Уоллес, – но не вслепую. Как мы сумеем ему помочь, если даже не понимаем, с чем придется иметь дело? А ведь очевидно, что нас прислали сюда, чтобы ему помочь, а не просто найти его.

Он решительно поднялся на крыльцо и постучался. Они стали ждать. Никто не открывал. Тогда Чарльз Уоллес увидел звонок и позвонил в него. Они слышали, как в доме задребезжал звонок, и этот звук эхом разнесся по улице. Вскоре фигурка-мама открыла дверь. И по всей улице тоже приотворились двери, но совсем чуть-чуть, и глаза обитателей домиков уставились на троих детей и женщину, со страхом смотревшую на них с порога.

– Что вам надо? – спросила женщина. – Время для газет еще не настало, время молока уже миновало; корчевальщик в этом месяце к нам уже приходил, а свои достойные даяния я плачу регулярно. У меня все бумаги в порядке!

– По-моему, ваш малыш обронил мячик, – сказал Чарльз Уоллес и протянул ей мяч.

Женщина отпихнула мячик:

– Нет-нет! В нашей секции дети мячики никогда не роняют! Они все безупречно натасканы. У нас уже три года не было ни единого Отклонения!

И вдоль всего квартала головы, высунувшиеся из дверей, закивали как одна.

Чарльз Уоллес подошел поближе к женщине и заглянул ей за спину, в дом. В тени он увидел малыша, примерно его ровесника.

– Вы не можете войти, – сказала женщина. – Вы не предъявили никаких бумаг. Я не обязана вас пускать без документов!

Чарльз Уоллес поднял мячик и показал его малышу. Мальчонка стремительно, как молния, подскочил, выхватил мячик у Чарльза Уоллеса и шмыгнул обратно в темную прихожую. Женщина побледнела, открыла было рот, как будто хотела что-то сказать, а потом вместо этого захлопнула дверь у них перед носом. И все двери вдоль улицы тоже захлопнулись.

– Чего они так боятся? – спросил Чарльз Уоллес. – Что с ними такое?

– А ты сам не знаешь? – спросила у него Мег. – Ты не понимаешь, что происходит, Чарльз?

– Пока нет, – сказал Чарльз Уоллес. – Даже не догадываюсь. А уж я пытаюсь догадаться – но нет, никак не могу. Ни малейшего понятия. Ну, пошли! – И он сбежал с крыльца.

Через несколько кварталов домики сменились жилыми многоэтажками – по крайней мере, Мег решила, что это они и есть. Довольно высокие прямоугольные здания, без каких-либо отличительных признаков, и каждое окно, каждый подъезд как две капли воды похожи на все остальные. Потом на улице показался мальчишка примерно Кальвинова возраста – он ехал им навстречу на машине, представляющей собой нечто среднее между велосипедом и мотоциклом. Машина была тонкая и легкая, как велосипед, но при этом вращение педалей, похоже, приводило в действие какой-то невидимый источник энергии, так что мальчишка крутил педали очень медленно, а ехал довольно быстро. Перед каждым подъездом он совал руку в сумку через плечо, доставал свернутые в рулон газеты и закидывал их в подъезд. На его месте вполне бы мог быть Деннис, или Сэнди, или любой из сотен мальчишек, развозящих почту на их родной планете, и все же, как и с детьми, играющими с мячами и скакалками, тут явно что-то было неладно. Движения мальчишки подчинялись неизменному строгому ритму. Газетный сверток влетал в подъезд всегда по одной и той же дуге и падал на одно и то же место. Ну не может человек что-то делать с такой безупречной точностью!

Кальвин присвистнул:

– Интересно, они тут в бейсбол играют?

Увидев их, мальчишка затормозил свою машину и остановился. Его рука замерла на полпути к сумке с газетами.

– Эй, ребята, что вы тут делаете? – осведомился он. – Сейчас на улице положено находиться только мальчишкам-разносчикам, вы же знаете!

– Нет, не знаем, – ответил Чарльз Уоллес. – Мы не здешние. Может, расскажешь нам, что у вас тут и как?

– Ты хочешь сказать, что вам оформили документы на въезд и все такое? – переспросил мальчишка. – Наверняка оформили, иначе бы вас тут не было, – ответил он себе самому. – Но что же вы тут делаете, если вы про нас ничего не знаете?

– Вот ты нам все и Расскажи, – сказал Чарльз Уоллес.

– А вы что, экзаменаторы? – немного испуганно спросил мальчишка. – Всем известно, что в нашем городе лучший Центральный координационный центр на планете. У нас высочайший уровень производства. Наши фабрики работают круглосуточно; наши машины крутятся без остановки. Кроме этого, у нас имеется пять поэтов, один музыкант, три художника и шесть скульпторов, все должным образом ограниченные.

– Это ты откуда цитируешь? – спросил Чарльз Уоллес.

– Как откуда – из «Инструкции», конечно, – ответил мальчишка. – Мы самый упорядоченный город на планете. У нас не бывало никаких проблем на протяжении столетий. Это известно всему Камазоцу. Вот почему мы – столица Камазоца. Вот почему здесь расположен ЦЕНТР централизованной координации. Вот почему ОНО обитает именно здесь.

В том, как мальчик произнес «ОНО», было нечто такое, отчего у Мег по спине пробежал холодок.

Но Чарльз Уоллес тут же спросил:

– А где он, этот ваш Центральный центр координации?

– ЦЕНТР централизованной координации! – поправил мальчишка. – Ступайте прямо, не промахнетесь. Нет, ну вы и в самом деле не здешние! Что вы тут делаете-то?

– Тебе разве положено задавать вопросы? – сурово осведомился Чарльз Уоллес.

Мальчишка побледнел, совсем как та женщина:

– Покорнейше прошу прощения! Но мне пора продолжать свой маршрут, а не то придется обсуждать свое расписание с объяснителем... – И он стрелой помчался дальше на своей машине.

Чарльз Уоллес проводил его взглядом.

– Что же это такое? – спросил он у Мег с Кальвином. – Как-то странно он разговаривал, как будто... ну да, как будто на самом деле разговаривал совсем не он. Вы понимаете, что я имею в виду?

Кальвин задумчиво кивнул:

– Еще как странно! Очень странно. И не только то, как он разговаривал. Все в целом дурно пахнет.

– Ну пойдемте же! – Мег потащила их дальше. Сколько раз их подгонять? – Пойдемте искать папу! Он нам наверняка все объяснит.

И они пошли дальше. Через несколько кварталов навстречу начали попадаться другие люди – взрослые люди, а не дети, – снующие взад-вперед по улицам. Эти люди полностью игнорировали ребят. Было похоже, что они всецело сосредоточены на своих делах. Некоторые входили в многоэтажки, большинство же двигалось в том же направлении, что и ребята. Выходя из переулков на главную улицу, эти люди огибали углы какой-то странной, механической походкой, как будто они были полностью поглощены собственными проблемами, а дорога так хорошо знакома, что им незачем обращать внимание на то, куда они идут.

Через некоторое время многоэтажки сменились другими зданиями, должно быть офисными: большими мрачными сооружениями со множеством дверей. В двери входили и выходили мужчины и женщины с портфелями.

Чарльз Уоллес подошел к одной из женщин и вежливо начал:

– Простите, пожалуйста, не могли бы вы подсказать...

Но женщина, еле взглянув на него, удалилась прочь.

– Глядите! – показала Мег. Впереди, на противоположной стороне площади, возвышалось самое громадное здание, какое они видели в своей жизни, выше Эмпайр-стейт-билдинг^[9], и в длину почти такое же большое, как в высоту.

– Наверное, это оно и есть, – сказал Чарльз Уоллес, – этот их «ЦЕНТР централизованной координации», или как его там. Пошли!

– Но если у папы какие-то неприятности на этой планете, – возразила Мег, – возможно, именно туда-то нам ходить и не стоит?

– А как еще ты собираешься его искать? – осведомился Чарльз Уоллес.

– Ну уж у них-то точно спрашивать не стану!

– А я и не предлагал спрашивать. Но мы даже не будем знать, с чего братья за поиски, пока не разузнаем побольше об этой планете, и сдается мне, что начинать стоит именно с этого места. Но если у тебя, Мег, есть идеи получше, ты просто скажи!

– Ой, ну хватит уже, не выпендривайся! – сердито буркнула Мег. –

Давай пошли в этот твой ЦЕНТР централизованной координации, и дело с концом.

– Мне кажется, нам нужны паспорта, пропуска или что-то вроде этого, – заметил Кальвин. – Это тебе не то что из Америки в Европу съездить. И этот мальчишка, и та женщина, похоже, очень щепетильно относились к тому, чтобы все было как положено. А ведь у нас-то уж точно никаких положенных документов нет.

– Если бы нам нужны были паспорта или еще какие-то документы, миссис Что нам бы так и сказала, – возразил Чарльз Уоллес.

Кальвин подбоченился и посмотрел на Чарльза Уоллеса сверху вниз:

– Слушай, ты, уникум! Эти старушки мне нравятся не меньше, чем тебе, однако я не уверен, что они знают все на свете.

– Они знают намного больше нашего.

– Само собой. Но помнишь, миссис Что говорила, что раньше была звездой? Что-то мне подсказывает, что, будучи звездой, она имела не так уж много возможностей научиться разбираться в людях. И когда она пытается быть человеком, она постоянно близка к тому, чтобы все угробить. Ты хоть раз в жизни видел, чтобы человек одевался как миссис Что?

– Так это же она просто для смеху, – сказал Чарльз. – Если бы она хотела выглядеть как ты или Мег, у нее бы наверняка получилось.

Кальвин покачал головой:

– Я в этом не уверен. А эти люди выглядят как люди, если ты понимаешь, что я имею в виду. Да, они не такие, как мы, тут я согласен, какие-то они ненормальные. Однако они куда больше похожи на обычных людей, чем обитатели Уриэля.

– А может, они роботы? – предположила Мег.

Чарльз Уоллес покачал головой:

– Нет. Тот мальчик, который выронил мяч, точно не был роботом. И думаю, что остальные тоже не роботы. Погодите, дайте мне послушать минутку.

И они застыли плечом к плечу в тени одного из больших офисных зданий. Шесть широких дверей то и дело хлопали, хлопали, хлопали – люди входили и выходили, глядя прямо перед собой и не обращая на ребят совершенно никакого внимания. У Чарльза снова сделался этот его внимательный, сосредоточенный вид.

– Нет, не роботы, – внезапно уверенно заявил он. – Не могу сказать точно, что они такое, но это не роботы. Я чувствую их разум. Дотянуться до них я не могу, но чувствую нечто вроде биения пульса. Погодите, дайте еще попробую.

Все трое стояли тихо-тихо. Двери всё хлопали и хлопали, хлопали и хлопали, застывшие люди входили и выходили, входили и выходили, торопливой дерганой походкой, как в старинном немом кино. А потом вдруг поток начал иссякать. Теперь людей было совсем мало, да и те двигались торопливо, как будто перемотка пленки еще ускорила. Один бледнолицый мужчина в черном костюме поглядел прямо на ребят, сказал: «Ах, боже мой, боже мой! Я опаздываю!» – и шмыгнул в здание.

– Прямо как Белый Кролик! – нервно хихикнула Мег.

– Мне страшно, – сказал Чарльз. – Я вообще не могу до них дотянуться. Они закрыты наглухо.

– Надо найти папу... – снова начала Мег.

– Мег... – Глаза у Чарльза Уоллеса сделались круглые и испуганные. – Я даже не уверен, что узнаю папу! Ведь прошло столько времени, я был еще ребенком...

– Узнаешь! – немедленно заверила его Мег. – Конечно же узнаешь! Если ты все знаешь про меня, даже не глядя, потому что для тебя я всегда рядом, ты всегда сможешь дотянуться до него и...

– Да! – И Чарльз решительно стукнул себя кулачком по ладошке. – Идемте в этот ЦЕНТР централизованной координации.

Кальвин поймал Чарльза и Мег за руки:

– Помните, когда мы встретились, вы у меня спросили, почему я туда пришел? А я вам сказал, что пришел, повинувшись предчувствию, потому что у меня было такое ощущение, что мне обязательно надо очутиться именно в том месте именно в то время?

– Да, конечно.

– Так вот, у меня опять предчувствие. Но не как в тот раз, а другое. У меня такое предчувствие, что если мы войдем в это здание, мы окажемся в смертельной опасности!

Глава седьмая. Красноглазый

– Мы и так знали, что будет опасно, – сказал Чарльз Уоллес. – Миссис Что ведь говорила.

– Да, и еще она говорила, что тебе будет хуже, чем нам с Мег, и что тебе следует беречь себя. Давай-ка ты, уникам, останешься тут с Мег, а я схожу туда, поразнюхаю и вам все расскажу.

– Нет, – твердо ответил Чарльз Уоллес. – Она велела нам держаться вместе. И никуда не ходить в одиночку.

– Это она тебе говорила никуда не ходить в одиночку! А я старший, я должен пойти вперед.

– Нет, – жестко возразила Мег. – Чарльз прав, Кэл. Надо держаться вместе. А вдруг ты не вернешься, и что тогда? Нам придется идти дальше без тебя? Ой-ой... Нет, пошли вместе. Только давайте возьмемся за руки, если вы не против.

И ребята, держась за руки, пересекли площадь. У огромного здания ЦЕНТРА централизованной координации была всего одна дверь, зато громадная, минимум в два этажа высотой и шириной с комнату, из тусклого, похожего на бронзу металла.

– Ну что, постучимся? – хихикнула Мег.

Кальвин окинул дверь взглядом:

– Тут ни ручек, ни замков, ни задвижек, ничего. Может быть, есть какой-то другой вход?

– И все-таки давайте попробуем постучаться, – сказал Чарльз.

Он поднял было руку, но не успел дотронуться до двери, как та разъехалась сверху и в стороны, разделившись на три секции, которых до сих пор было совершенно не видно. И перед ошарашенными детьми открылся огромный холл, отделанный унылым зеленоватым мрамором. Вдоль трех стен стояли каменные скамьи. И на них сидели люди, будто статуи. Зеленый мрамор бросал отсвет на лица, и лица от этого казались мертвенно-бледными. Когда дверь отворилась, люди повернули головы, увидели детей и снова отвернулись.

– Идем! – сказал Чарльз, и ребята, по-прежнему держась за руки, шагнули внутрь.

Как только они миновали порог, дверь беззвучно сомкнулась у них за спиной. Мег посмотрела на Кальвина и Чарльза – теперь и они, так же как те люди на скамейках, сделались тошнотворно-зеленоватыми.

Ребята подошли к четвертой, пустой стене. Стена выглядела нематериальной – как будто сквозь нее можно было пройти. Чарльз потрогал:

– Она твердая и холодная как лед.

Кальвин тоже потрогал:

– Ой!

Левой рукой Мег держалась за Чарльза, правой – за Кальвина, и ей совершенно не хотелось отпускать ни того ни другого ради того, чтобы пощупать стену.

– Давайте у кого-нибудь что-нибудь спросим, – сказал Чарльз и повел их к одной из скамей.

– Э-э... вы не подскажете, какие тут порядки? Как все делается? – обратился он к одному из мужчин.

Все люди вокруг были одеты в неприметные деловые костюмы, и хотя их лица отличались одно от другого ничуть не меньше, чем у людей на Земле, все равно все они были какие-то одинаковые.

«Как в метро! – подумала Мег. – Только в метро все же нет-нет да и попадетсЯ кто-нибудь, кто выделяется среди прочих. А тут никого».

Мужчина опасливо поглядел на ребят:

– Что именно делается?

– Ну, как нам повидать кого-нибудь из ответственных лиц? – спросил Чарльз.

– Надо положить свои документы в машину А. Уж это могли бы знать! – сурово сказал мужчина.

– А где эта машина А? – спросил Кальвин.

Мужчина указал на пустую стену.

– Но там же ни двери, ничего, – сказал Кальвин. – Как же нам внутрь-то попасть?

– Кладете свои документы С в щель Б, – сказал мужчина. – Вы зачем вообще дурацкие вопросы-то задаете? Думаете, я ответов не знаю? Нечего тут баловаться, а то глядите, пропустят вас заново через Процессор, вам это не понравится!

– Мы нездешние, – сказал Кальвин. – Поэтому мы и не знаем, как себя вести. Пожалуйста, сэр, расскажите, кто вы такой и чем вы занимаетесь.

– Я оператор перворазрядной нравоучительной машины второго класса.

– А что вы делаете здесь? – спросил Чарльз Уоллес.

– Я явился доложить, что у меня одна из букв западает и, пока ее не смажет как следует смазчик пятого разряда согласно регламенту,

существует опасность залипания умов.

– От варенья или от повидла? – пробормотал себе под нос Чарльз Уоллес.

Кальвин посмотрел на Чарльза и предостерегающе покачал головой. Мег слегка сжала руку малыша – мол, я тебя понимаю... Она была совершенно уверена, что Чарльз Уоллес не пытается ни хамить, ни острить – он так говорил, как другие люди насвистывают, изображая беззаботность.

Мужчина уставился на Чарльза:

– Кажется, о вас следует доложить! Я обожаю деток, в силу своей профессии, и не люблю, когда у них неприятности, но иначе я сам рискую угодить в Процессор. Придется доложить.

– Наверно, это неплохая идея, – сказал Чарльз. – А кому вы на нас доложите?

– Не «на вас», а «о вас».

– О нас так о нас. Я же еще не дорос до второго класса.

«Хоть бы он держался не так самоуверенно! – подумала Мег, с тревогой глядя на Чарльза и все сильнее стискивая его ручонку, пока он не принялся протестующе вырываться. Вот что имела в виду миссис Чо, когда говорила, что гордость его погубит! Пожалуйста, перестань!» – мысленно твердила она Чарльзу Уоллесу. Догадывается ли Кальвин, что большая часть этой гордости на самом деле напускная бравада?

Мужчина встал, двигаясь скованно, как будто слишком долго просидел неподвижно.

– Надеюсь, он не будет с вами слишком суров... – бормотал он, ведя детей к пустой четвертой стене. – Но я один раз уже пережил повторную обработку, с меня хватило. И я не хочу, чтобы меня отправили к ОНО. Меня никогда еще не посылали к ОНО, я не могу так рисковать...

Снова это ОНО! Что же за ОНО такое?

Мужчина достал из кармана папку, в которой лежали разноцветные бумажки. Он внимательно перелистал их и наконец выбрал одну.

– Мне в последнее время пришлось сделать сразу несколько доносов. Придется запросить еще несколько бланков А-21...

Он достал бланк и приложил его к стене. Бланк проскользнул сквозь мрамор, как будто его всосало внутрь.

– Возможно, вас задержат на несколько дней, – объяснил мужчина, – но я уверен, что с вами обойдутся не слишком строго, ведь вы еще так молоды! Просто расслабьтесь и не пытайтесь сопротивляться, так вам будет намного легче. – И он вернулся на свое место, а ребята остались

стоять, глядя на голую стену.

И вдруг стена перед ними исчезла и открылся колоссальный зал, сплошь уставленный какими-то приборами. Приборы смахивали на огромные ЭВМ, какие Мег видела в учебниках по естествознанию. Она знала, что иногда ее папа работает на такой. Некоторые машины как будто были выключены, другие моргали лампочками. Одна машина заглатывала длинную ленту; другая пробивала серии точек и тире. Между машинами расхаживали несколько операторов в белых халатах. Если они и заметили детей, то виду не подали.

Кальвин что-то буркнул себе под нос.

– Что? – переспросила Мег.

– «Нам нечего бояться, кроме самого страха», – повторил Кальвин. – Это Рузвельт. Я уже разговариваю цитатами, как миссис Кто... Мег, мне страшно прямо не знаю как.

– И мне тоже. – Мег крепче стиснула его руку. – Пошли!

Они вступили в машинный зал. Он оказался не только широкий, но и невероятно длинный. Ряды машин тянулись вдаль так далеко, что чудилось, будто где-то там, впереди, они сходятся в одну точку. Ребята пошли вперед по центру зала, стараясь держаться как можно дальше от машин.

– Хотя я не думаю, что они радиоактивные или что-нибудь в этом духе, – сказал Чарльз Уоллес, – или что они могут схватить и сожрать нас.

Ребята шли долго-долго – им показалось, как будто они прошли несколько миль, – но в конце концов обнаружили, что зал все-таки не бесконечен. И у дальней стены что-то виднелось.

– Не отпускайте мои руки! – сказал вдруг Чарльз Уоллес. В его голосе звучал ужас. – Держите крепче! Он пытается до меня дотянуться!

– Кто?! – вскрикнула Мег.

– Не знаю. Но он тянется ко мне! Я чувствую!

– Пошли назад! – сказал Кальвин и потянул было их в обратную сторону.

– Нет, – сказал Чарльз Уоллес. – Я должен идти вперед. Мы должны принимать решения, а мы не сможем ничего решать, если наши решения будут основаны на страхе.

Голос Чарльза Уоллеса казался взрослым, чужим и каким-то отстраненным. Мег, крепко сжимавшая его маленькую ручонку, чувствовала, как вспотела ладонь брата.

Приближаясь к концу зала, они замедлили шаг. Впереди было возвышение. На возвышении стояло кресло, а в кресле сидел человек.

И что же в нем было такого, что казалось, будто он воплощает весь тот

холод и тьму, которые ребята испытали по пути на планету, минуя Черную Тень?

– Я ждал вас, мои дорогие, – сказал человек.

Голос у него был мягкий и добрый, совсем не такой ледяной, жуткий голос, какой ожидала услышать Мег. Она не сразу заметила, что, хотя голос и исходил от человека, рта незнакомец не открывал и губами не двигал, так что она слышала не настоящие слова, произнесенные вслух и влетевшие в уши. Он каким-то образом напрямую взаимодействовал с их мозгом.

– Но как так вышло, что вас сразу трое? – спросил человек.

Чарльз Уоллес ответил резко и дерзко, но Мег-то чувствовала, что он весь дрожит.

– Ну, Кальвин с нами просто так, за компанию, попутешествовать.

– Ах вот как?

На миг в голосе, говорившем внутри их разумов, проступила резкость. Однако он тут же успокоился и снова зазвучал мирно:

– Надеюсь, путешествие вам понравилось?

– Да, очень познавательно, – ответил Чарльз Уоллес.

– Пусть Кальвин говорит сам за себя! – велел человек.

Кальвин замычал, стиснув губы, напрягшись всем телом:

– Мне нечего сказать!

Мег смотрела на человека как замороженная, не в силах отвести глаз от ужаса. Глаза у него светились и отливали красным. Над головой горел свет того же оттенка, что и глаза. Свет мигал, пульсировал в четком ритме.

Чарльз Уоллес крепко зажмурился.

– Закройте глаза! – сказал он Мег и Кальвину. – Не смотрите на свет. И в глаза ему не смотрите. Он вас загипнотизирует.

– Экий умник, а? – продолжал успокаивающий голос. – Конечно, сфокусированный взгляд помогает, но есть и другие способы, малыш. Есть-есть!

– Только попробуйте! Я вас стукну! – ответил Чарльз Уоллес. Мег впервые в жизни слышала, чтобы Чарльз Уоллес заговорил о насилии.

– Да ну? В самом деле, малыш?

Мысленный голос звучал снисходительно и насмешливо, но при этом откуда ни возьмись появились четверо мужчин в черной униформе, которые встали за спиной у ребят.

– Нет, мои дорогие, – продолжал голос, – мне, разумеется, совершенно ни к чему прибегать к насилию, но я подумал, что, быть может, если сразу показать, что противиться мне бесполезно, это поможет вам избежать лишних мучений. Видите ли, вскоре вы сами поймете, что бороться со

мной совершенно незачем. Мало того что незачем – у вас не будет ни малейшего желания это делать. Ну для чего бороться с тем, кто всего лишь хочет избавить вас от бед и страданий? Ради вас, как и ради всех прочих довольных и полезных обитателей этой планеты, я в одиночку готов взять на себя все страдания, всю ответственность, все тяготы мышления и принятия решений.

– Нет уж, спасибо, мы предпочитаем решать сами, – отвечал Чарльз Уоллес.

– Конечно, конечно! Ты будешь решать так же, как и я. Ну разве ты не видишь, насколько это лучше, насколько проще тебе будет? Вот давай я тебе покажу. Давай вместе повторим таблицу умножения.

– Нет, – сказал Чарльз Уоллес.

– Одиножды один – один. Одиножды два – два. Одиножды три – три.

– У Мэри был барашек, – громко продекламировал Чарльз Уоллес, – он снега был белей!

– Одиножды четыре – четыре. Одиножды пять – пять. Одиножды шесть – шесть.

– Идет куда-то Мэри, и он бежит за ней!

– Одиножды семь – семь. Одиножды восемь – восемь. Одиножды девять – девять.

– Робин-Бобин-Барабек слопал сорок человек, съел корову, и быка, и кривого мясника!

– Одиножды десять – десять. Одиножды одиннадцать – одиннадцать. Одиножды двенадцать – двенадцать.

Числительные упорно стучались в голову Мег, словно пробуравливались внутрь черепа.

– Дважды один – два. Дважды два – четыре. Дважды три – шесть.

Послышался голос Кальвина, больше похожий на гневный крик:

– Минуло восемьдесят семь лет, как отцы наши основали на этом континенте новую нацию, своим рождением обязанную свободе и убежденную, что все люди рождены равными!^[10]

– Дважды четыре – восемь. Дважды пять – десять. Дважды шесть – двенадцать.

– Папа! – завопила Мег. – Папа!

Этот вопль, почти произвольный, вырвал ее разум из тьмы.

Таблица умножения сменилась раскатистым хохотом.

– Великолепно! Великолепно! Предварительный экзамен вы сдали на отлично!

– А вы что думали, мы так легко поддадимся на эту старую уловку? –

осведомился Чарльз Уоллес.

– Ну, я надеялся, что нет. От всей души надеялся. Но вы все-таки еще очень молоды и крайне впечатлительны. А чем моложе, тем лучше, молодой человек! Чем моложе, тем лучше!

Мег посмотрела в его багровые глаза, на мигающий над ними свет – и отвела взгляд. Она попыталась смотреть на рот, на эти тонкие, почти бескровные губы – так было проще, хотя смотреть все равно приходилось краем глаза, так что Мег не была уверена, как на самом деле выглядит это лицо: молодое оно или старое, жестокое или доброе, человеческое или инопланетянское.

– Извините, пожалуйста, – сказала она, стараясь говорить спокойно и смело, – мы сюда пришли только затем, чтобы найти папу. Мы думаем, что он здесь. Не могли бы вы подсказать, где его искать?

– Ах ваш папа! – весело фыркнул он. – Да-да, ваш папа! Видите ли, юная леди, вопрос не в том, могу ли я. Но вот скажу ли я?

– Ну вы же скажете?

– А это много от чего зависит. Зачем вам ваш папа?

– У вас что, папы не было, что ли? – осведомилась Мег. – Папа – он низачем. Он просто нужен, потому что он – папа.

– Ну да, но ведь в последнее время он себя ведет совсем не так, как следовало бы папе, верно? Бросил жену, бросил четверых маленьких детей и умчался на поиски приключений!

– Он на правительство работал. Иначе бы он нас никогда не бросил. И мы хотим его видеть. Пожалуйста! Прямо сейчас!

– Ну надо же, какая эта барышня нетерпеливая! Уж потерпите, юная леди.

Мег не стала говорить этому человеку в кресле, что терпение никогда не было одним из ее достоинств.

– Кстати, детки, – продолжал он любезным тоном, – вы знаете, вам ведь вовсе не обязательно разговаривать со мной вслух. Я вас и так понимаю – не хуже, чем вы понимаете меня.

Чарльз Уоллес вызывающе подбоченился.

– Звучащая речь – одно из величайших достижений человечества, – провозгласил он, – и я намерен продолжать ею пользоваться, особенно с теми, кому не доверяю!

Однако голос у него дрожал. Чарльз Уоллес, который даже младенцем почти не плакал, готов был разрыдаться.

– А мне ты, значит, не доверяешь?

– А почему мы должны вам доверять?

– Но разве я давал вам повод мне не доверять?

Тонкие губы раздвинулись в усмешке.

И тут вдруг Чарльз Уоллес ринулся вперед и ударил человека в кресле изо всех сил – то есть довольно сильно, близнецы же его постоянно тренировали.

– Чарльз! – вскрикнула Мег.

Люди в черной форме плавно, но стремительно кинулись к Чарльзу. Однако человек в кресле небрежно шевельнул пальцем – и люди в черном отступили.

– Держи его! – шепнул Кальвин.

Они с Мег дружно кинулись вперед, схватили Чарльза Уоллеса и оттащили его от возвышения.

Человек в кресле скривился, и его мысленный голос звучал довольно неровно, как будто от удара Чарльза Уоллеса у него все же перехватило дух.

– Нельзя ли спросить, зачем ты это сделал?

– Затем что вы – не вы, – ответил Чарльз Уоллес. – Я не знаю точно, кто вы, но вы, – он указал на человека в кресле, – не тот, кто с нами разговаривает. Простите, если сделал вам больно. Я не думал, что вы настоящий. Я подумал, что вы, может быть, робот, потому что от вас напрямую ничего не идет. Я не знаю точно, откуда оно идет, но оно идет через вас. Это не вы.

– Ну надо же, какой умник! – процедил мысленный голос, и у Мег возникло неприятное ощущение, что в голосе звучит рык.

– Дело не в уме, – возразил Чарльз Уоллес, и Мег снова почувствовала, как вспотела ладошка у нее в руке.

– Ну что ж, попробуй тогда разузнать, кто я! – поддел его мысленный голос.

– Да я уж пробовал! – сказал Чарльз Уоллес высоким встревоженным голоском.

– Посмотри мне в глаза. Загляни в них поглубже, и я тебе скажу.

Чарльз Уоллес бросил взгляд на Мег, на Кальвина, потом сказал как бы себе самому: «Что ж, придется!» – и устремил свои ясные синие глаза на багровые глаза человека в кресле. Мег смотрела не на человека в кресле, а на братишку. Вскоре ей показалось, что взгляд у него расфокусируется. Зрачки делались все меньше и меньше, как будто Чарльз Уоллес смотрел на чрезвычайно яркий источник света, а потом наконец исчезли вовсе, и глаза у него сделались сплошь мутно-голубыми. Он вынул ладони из рук Мег и Кальвина и медленно направился к человеку в кресле.

– Нет! – вскрикнула Мег. – Нет!

Но Чарльз Уоллес все так же медленно шел вперед, и Мег поняла, что он ее не слышит.

– Нет! – снова вскрикнула она и кинулась следом. Неумело поставила ему подножку и сама повалилась на него.

Мег была настолько крупнее Чарльза Уоллеса, что он растянулся на полу, с треском ударившись головой о мраморные плиты. Она, всхлипывая, упала рядом с ним на колени. Чарльз некоторое время лежал без движения, словно потерял сознание от удара, потом открыл глаза, потряс головой и сел. Зрачки у него мало-помалу расширились и наконец вновь сделались нормальными, на бледные щеки вернулся румянец.

Человек в кресле заговорил с Мег, напрямую через ее разум, и теперь в его голосе отчетливо звучала угроза.

– Я недоволен, – сказал он ей. – Смотрите, юная леди, я ведь могу потерять терпение, а это, да будет вам известно, плохо отразится на вашем папе. Так что если вы хоть чуть-чуть хотите снова увидеть папу, вам стоит быть более покладистой.

Мег повела себя так же, как иногда вела себя в школе, в кабинете мистера Дженкинса. Она уставилась в пол в угрюмой ярости.

– Лучше бы поесть нам чего-нибудь дали! – обиженно сказала она. – Мы все умираем с голоду. Если уж вы собираетесь сделать с нами что-нибудь ужасное, то хотя бы не на пустой желудок!

Идущие к ней мысли снова наполнились хохотом.

– Ну что за забавная девчушка! Твое счастье, что ты меня смешишь, моя дорогая, иначе бы я не был к тебе так снисходителен. Мальчишки далеко не столь уморительны. Ну хорошо. Скажите, юная леди, если я вас накормлю, вы прекратите мне мешать?

– Нет, – сказала Мег.

– А ведь голод способен творить чудеса, – сказал ей человек в кресле. – Мне очень не хочется использовать против вас такие примитивные методы, но ты же понимаешь, что вы меня буквально вынуждаете...

– Да я бы и не стала лопать вашу жратву! – Мег все еще была вне себя от ярости, как в кабинете мистера Дженкинса. – Не рискнула бы.

– Ну да, разумеется, поскольку наша пища синтетическая, она уступает вашим блюдам из бобов с жареным беконом и прочим вредным продуктам. Но могу тебя заверить, что она куда полезнее, и, хотя никакого собственного вкуса она не имеет, достаточно небольшой модификации, чтобы создать иллюзию, будто ты кушаешь жареную индейку не хуже, чем на День благодарения!

– Да если бы я сейчас что-нибудь съела, меня бы все равно вырвало! – сказала Мег.

Чарльз Уоллес взял Мег с Кальвином за руки и шагнул вперед.

– Ну и что дальше? – спросил он у человека в кресле. – Довольно ходить вокруг да около. Ближе к делу!

– Мы как раз и были заняты делом, – сказал человек в кресле, – пока твоя сестрица не вмешалась. Она тебе чуть сотрясение мозга не устроила! Ну что, попробуем еще раз?

– Нет! – воскликнула Мег. – Чарльз, нет! Пожалуйста, не надо! Давай лучше я. Или Кальвин.

– Но из всех вас только у малыша достаточно развитая нервная система. Если ты попытаешься задействовать все необходимые нейроны, у тебя мозги взорвутся.

– А у Чарльза не взорвутся?!

– Думаю, нет.

– Но все же риск есть?

– Ну, риск есть всегда.

– Тогда ему нельзя этого делать.

– Ты же вроде бы признавала за ним право самому принимать решения.

Но Мег, все с тем же ослиным упрямством, которое столько раз доводило ее до беды, продолжала:

– Вы хотите сказать, нам с Кальвином нельзя знать, кто вы такой?

– Да нет, этого я не говорил. Вы просто не можете этого постичь тем же способом. Да для меня и не важно, чтобы вы это узнали. Ага, вот и они!

Откуда-то из темноты появились еще четверо людей в черной форме. Они несли стол, накрытый белой скатертью, как те столики, на которых подают еду в номер в отелях. На столе стоял металлический судок, а из судка благоухало жареной индейкой.

«Какое-то оно все ненастоящее, – подумала Мег. – Подгнило что-то в государстве Камазоц^[11], это точно».

И снова мысли откликнулись хохотом.

– Ну да, конечно, запах не настоящий! Но ведь ничем не хуже настоящего, правда?

– А мне ничем не пахнет, – заметил Чарльз Уоллес.

– Знаю, знаю, молодой человек! Подумать только, как много ты теряешь. Для тебя и на вкус все будет таким, словно песок ешь. Но я все же рекомендую пересилить себя и поесть. Важные решения натошак принимать не стоит.

Стол поставили перед ребятами, и люди в черном наложили им на тарелки всего, что только можно увидеть на праздничном столе на День благодарения: и индейки, и подливки, и картофельного пюре, и мясного соуса, и зеленого горошка, в котором таяли большие желтые комки сливочного масла, и клюквенного соуса, и сладкого картофеля с тянущимися поджаристыми зефирками, и оливок, и сельдерея, и крохотных розовых редисочек, и...

У Мег громко забурчало в животе и потекли слюнки.

– Мама дорогая... – пробормотал Кальвин.

Последними появились стулья, и четверо людей, накрывших им на стол, растаяли в тени.

Чарльз Уоллес выдернул руки у Мег и Кальвина и плюхнулся на стул.

– Давайте ешьте, – сказал он. – Отравленное так отравленное – но я не думаю, что оно отравленное.

Кальвин сел. Мег осталась стоять в нерешительности.

Кальвин откусил кусочек. Прожевал. Проглотил. Посмотрел на Мег:

– Знаешь, если оно ненастоящее, значит это самая лучшая подделка, какая только может быть!

Чарльз Уоллес откусил, скривился и выплюнул то, что было у него во рту.

– Так нечестно! – крикнул он человеку в кресле.

Снова смех.

– Давай, малыш, давай! Кушай!

Мег вздохнула и села:

– Я думаю, что нам не стоит это есть, но раз уж вы едите, я лучше тоже поем. – Она попробовала еду. – На вкус нормальное... Чарльз, попробуй из моей тарелки! – И она протянула на вилке кусок индейки.

Чарльз Уоллес взял, опять поморщился, но все же сумел проглотить.

– Все равно на вкус как песок, – сказал он. И посмотрел на человека в кресле. – Но почему?

– Ты и сам прекрасно знаешь почему. Ты полностью закрыл от меня свой разум. Те двое на это не способны. Я просачиваюсь сквозь щели. Не слишком глубоко, но все же достаточно, чтобы угостить их жареной индейкой. Видишь ли, я ведь на самом деле милый, добрый дедушка.

– Ха! – ответил Чарльз Уоллес.

Человек растянул губы в улыбке, и улыбка эта была самым жутким, что Мег видела в своей жизни.

– Ну почему ты мне не доверяешь, Чарльз? Почему бы не довериться мне хотя бы в той мере, чтобы войти и узнать, что я такое? Я – мир и покой.

Я – свобода от всякой ответственности. Прийти ко мне – это последнее трудное решение, которое тебе придется принять в своей жизни.

– А если я приду, я смогу уйти обратно? – спросил Чарльз Уоллес.

– Ну конечно, если захочешь! Но я думаю, тебе и не захочется.

– А если я приду – не затем, чтобы остаться, имейте в виду, а только чтобы узнать про вас, – вы нам скажете, где папа?

– Скажу. Обещаю. А я обещаниями не разбрасываюсь.

– А можно мне поговорить с Мег и Кальвином наедине, так, чтобы вы не подслушивали?

– Нельзя.

Чарльз пожал плечами.

– Слушайте, – сказал он Мег и Кальвину, – мне надо выяснить, что он такое на самом деле. Сами понимаете. Я постараюсь удержаться. Постараюсь оставить часть себя вовне. И на этот раз, Мег, не надо меня останавливать.

– Но у тебя же не получится, Чарльз! Он же сильнее тебя! Сам знаешь!

– Придется попытаться.

– Но миссис Что ведь предупреждала!

– Придется попытаться. Ради папы, Мег. Ну пожалуйста! Я хочу... я хочу увидеть папу... – Губы у него дрогнули. Потом он снова взял себя в руки. – Но дело не только в папе, Мег. Ты же теперь понимаешь. Дело в Черной Тени. Мы должны сделать то, за чем нас послала сюда миссис Вейд.

– Кальвин!.. – взмолилась Мег.

Но Кальвин покачал головой:

– Мег, он прав. И мы ведь будем с ним, что бы ни случилось.

– Но что случится-то?! – воскликнула Мег.

Чарльз Уоллес посмотрел на человека в кресле.

– Хорошо, – сказал он, – идемте.

Багровые глаза и свет над ними как будто бы впились в Чарльза, и снова зрачки глаз малыша сузились. Когда черные точки окончательно растаяли в голубизне, он отвернулся от красных глаз, посмотрел на Мег и мило улыбнулся. Но эта улыбка не была улыбкой Чарльза Уоллеса.

– Ну же, Мег, кушай эту вкуснятину, которую для нас приготовили, – сказал он.

Мег схватила тарелку Чарльза Уоллеса и с размаху шваркнула ее об пол, так что ошметки еды разлетелись по полу и тарелка разбилась вдребезги.

– Нет! – крикнула она, почти перейдя на визг. – Нет! Нет! Не-ет!!!

Из темноты выступил один из людей в черном, поставил перед Чарльзом Уоллесом новую тарелку, и Чарльз Уоллес принялся жадно есть.

– Что случилось, Мег? – спросил Чарльз Уоллес. – Отчего ты так воинственна и строптива?

Голос принадлежал Чарльзу Уоллесу и в то же время сделался каким-то другим, плоским каким-то. Наверно, так звучат голоса на двумерной планете.

Мег изо всех сил вцепилась в Кальвина и заверещала:

– Это не Чарльз! Чарльз пропал!

Глава восьмая. Прозрачная колонна

Чарльз Уоллес сидел и наворачивал индейку с подливкой, как будто ничего вкуснее в жизни не пробовал. Он был одет как Чарльз Уоллес; он выглядел как Чарльз Уоллес; у него были всё те же рыжевато-каштановые волосы и то же личико, еще не утратившее младенческой пухлости. Только глаза сделались другие – чернота зрачков полностью растворилась в голубизне. Однако это было не единственным, отчего Мег чувствовала: Чарльза Уоллеса тут нет, мальчик, сидящий на его месте, – всего лишь копия Чарльза Уоллеса, просто кукла.

Она с трудом сдержала слезы.

– Где он? – требовательно спросила она у красноглазого. – Что вы с ним сделали? Где Чарльз Уоллес?

– Милое дитя, у тебя просто истерика, – подумал в ответ красноглазый. – Вот же он, перед тобой, счастливый и довольный. Абсолютно счастливый и довольный – впервые за всю свою жизнь. И он сидит и спокойно кушает – советую и тебе заняться тем же.

– Это не Чарльз, вы сами знаете! – крикнула Мег. – Вы его куда-то дели!

– Тише, Мег. С ним разговаривать бесполезно, – шепотом сказал ей на ухо Кальвин. – Нам сейчас главное – держать Чарльза Уоллеса как можно крепче. Он здесь, где-то тут, внутри, и нельзя позволить им его у нас отобрать. Помогите мне удержать его, Мег. Не теряй контроль над собой. Только не сейчас! Ты должна мне помочь удержать Чарльза! – И он крепко ухватил малыша за локоть.

Мег подавила начинающуюся истерику, взяла Чарльза за вторую руку и крепко сжала.

– Мег, ты делаешь мне больно! – резко сказал Чарльз. – Отпусти!

– Не отпущу, – угрюмо ответила Мег.

– Мы все были неправы.

Мег подумала, что голос Чарльза Уоллеса похож на магнитофонную запись. Какой-то он был неживой.

– Он нам вовсе не враг. Он наш друг.

– Совсем чокнулся, – грубо заметил Кальвин.

– Кальвин, ты ничего не понимаешь, – сказал Чарльз Уоллес. – Миссис Кто, миссис Кто и миссис Ведь сбили нас с толку. На самом деле это они наши враги. Нельзя было им верить ни на грош.

Он говорил своим спокойным, рассудительным тоном – тем самым, который так бесил близнецов. Когда он говорил, он как будто смотрел на Кальвина – но Мег была уверена, что эти пустые голубые глаза ничего не видят и что на самом деле через Чарльза на Кальвина глядит кто-то другой – что-то другое.

Теперь эти холодные, чужие глаза устремились на нее.

– Отпусти, Мег. Я все тебе объясню, но ты должна меня отпустить.

– Не отпущу!

Мег заскрежетала зубами. Она не разжимала руки, и Чарльз Уоллес принялся выдираться с несвойственной ему силой. Ее собственных слабых силенок не хватало на то, чтобы с ним бороться.

– Кальвин! – вскрикнула она: Чарльз Уоллес вырвал-таки у нее свою руку и встал.

Кальвин, спортсмен, мальчик, который привык колоть дрова для матери, с сильными, тренированными мышцами, выпустил руку Чарльза Уоллеса и навалился на него всем телом, словно Чарльз был мячом в воротах. Мег в панике и ужасе кинулась на человека в кресле, чтобы врезать ему, как недавно Чарльз Уоллес, но люди в черном проворно перехватили ее, и один из них заломил ей руки за спину.

– Кальвин, советую тебе отпустить меня, – послышался из-под Кальвина голос Чарльза Уоллеса.

Кальвин только хмурил брови и Чарльза не отпускал. Красноглазый кивнул, и трое в черном подступили к Кальвину (по крайней мере, для этого потребовалось трое), оттащили его от Чарльза и заломили ему руки так же, как Мег.

– Миссис Что! – в отчаянии вскричала Мег. – Миссис Что!

Но миссис Что не откликнулась.

– Мег, – сказал Чарльз Уоллес, – Мег, ты просто послушай меня.

– Ну, я слушаю...

– Я же тебе говорил: мы были неправы, мы ничего не поняли. Мы боролись с нашим другом, с другом нашего папы.

– Вот если папа сам мне скажет, что это друг, я, может, и поверю. А может, и нет. А то вдруг он и папу... папу тоже заколдовал или что-нибудь. Как тебя.

– Ну мы же не в сказке. «Заколдовал», скажешь тоже! – возразил Чарльз Уоллес. – Мег, тебе нужно просто перестать сопротивляться и расслабиться. Расслабься, и все будет хорошо. Мег, если бы ты только позволила себе расслабиться, ты бы сразу поняла, что все наши неприятности позади. Ты просто не представляешь, в какое чудесное место

мы попали. Понимаешь, на этой планете царит безупречный порядок, потому что все здесь научились расслабляться, уступать, подчиняться. Все, что требуется, – это тихо и спокойно посмотреть в глаза нашему доброму другу. Ведь он нам друг, сестрица, и он примет тебя точно так же, как принял меня.

– Уж принял так принял! – сказала Мег. – Ведь это же не ты, и сам это прекрасно знаешь. Ты никогда в жизни не называл меня сестрицей.

– Мег, помолчи минутку! – шепнул Кальвин. Он поднял взгляд на красноглазого. – Хорошо. Пускай ваши подручные нас отпустят. И перестаньте разговаривать с нами через Чарльза. Мы ведь знаем, что это говорите вы – или кто там через вас разговаривает. В общем, мы понимаем, что вы Чарльза загипнотизировали.

– Какая примитивная формулировка! – пробормотал красноглазый.

Он чуть заметно шевельнул пальцем, и Мег с Кальвином отпустили.

– Спасибо, – сухо сказал Кальвин. – А теперь, если вы нам друг, не могли бы вы объяснить, кто вы такой – или что вы такое?

– Вам не обязательно знать, кто я такой. Я Верховный Координатор, этого вам достаточно.

– Но ведь вы не сами говорите, это через вас говорят, как через Чарльза Уоллеса, да? Вы тоже под гипнозом?

– Я вам уже сказал, что это слишком примитивный термин. В нем отсутствуют нужные оттенки смысла.

– Так это вы отведете нас к мистеру Мёрри?

– Нет. Мне нет необходимости покидать это помещение, кроме того, это невозможно. Чарльз Уоллес вас проводит.

– Чарльз Уоллес?

– Да.

– Когда?

– Прямо сейчас. – Красноглазый скорчил ту жуткую гримасу, что сходила у него за улыбку: – Ну да, в самом деле, почему бы и не сейчас.

Чарльз Уоллес легонько мотнул головой, как бы говоря: «Идем!» – и зашагал вперед странной, скользящей, механической походкой. Кальвин пошел за ним. Мег замялась, переводя взгляд с красноглазого на Чарльза с Кальвином. Ей ужасно хотелось ухватиться за руку Кальвина, но, похоже, она с самого начала их путешествия только и делала, что держалась за чью-нибудь руку. Поэтому Мег сунула кулаки в карманы и пошла следом за мальчиками. «Я должна быть храброй! – говорила она себе. – Должна и буду!»

Они шли по длинному белому коридору. Коридор казался

бесконечным. Чарльз Уоллес так и шагал вперед, словно автомат, и ни разу даже не обернулся посмотреть, идут ли они за ним.

Внезапно Мег перешла на бег и догнала Кальвина.

– Кэл, слушай! – сказала она. – Быстро! Помнишь, миссис Чо сказала, что твой дар – это общение и именно его она дает тебе. Мы с тобой пытались бороться с Чарльзом физически, и ничего не вышло. Ты бы не мог попробовать с ним поговорить? Попытайся достучаться до него!

– Ух ты, а ведь и правда! – Лицо Кальвина озарилось надеждой, и угрюмые глаза снова засверкали. – А то я так растерялся... Конечно, может, ничего и не получится, но почему не попробовать-то?

Ребята ускорили шаг и поравнялись с Чарльзом Уоллесом. Кальвин попытался было взять его за руку, но Чарльз отбросил его руку.

– Оставь меня в покое! – рявкнул он.

– Да я не собираюсь тебя обижать, уникам, – сказал Кальвин. – Просто хотел по-хорошему... Давай мириться, а?

– Хочешь сказать, что ты одумался? – спросил Чарльз Уоллес.

– А то как же! – вкрадчиво сказал Кальвин. – Ну, в конце концов, мы же разумные люди! Просто посмотри мне в глаза, Чарликус.

Чарльз Уоллес остановился, медленно развернулся и посмотрел на Кальвина своими холодными, незрячими глазами. Кальвин встретил его взгляд, и Мег почувствовала, как он напряжен и сосредоточен. Чарльз Уоллес содрогнулся всем телом. На какое-то мгновение глаза у него как будто ожили. Но тут его тело судорожно извернулось и вновь застыло. И Чарльз Уоллес пошел дальше своей кукольной походкой.

– Мне следовало догадаться, – сказал он. – Если хотите увидеть Мёрри, ступайте лучше за мной, и без фокусов.

– Это ты так своего папу зовешь – «Мёрри»? – спросил Кальвин.

Мег видела, что он зол и раздрадован тем, что у него почти получилось, а потом сорвалось.

– «Папа»? Что такое «папа»? – провозгласил Чарльз Уоллес. – Всего лишь еще одна ложная концепция. Если ты нуждаешься в отце, рекомендую тебе обратиться к ОНО.

Опять «ОНО»!

– Что еще за «ОНО»? – спросила Мег.

– Всеу свое время, – отвечал Чарльз Уоллес. – Вы еще не готовы к ОНО. Прежде всего я расскажу вам кое-что о прекрасной и просвещенной планете Камазоц. – И его голос приобрел сухие, педантичные интонации, как у мистера Дженкинса. – Быть может, вы не сознаете, что у нас на Камазоце удалось ликвидировать любые болезни, любые уродства...

– «У нас»?! – перебил Кальвин.

Чарльз продолжал, как будто и не слышал. «Ну конечно, он и правда не слышал», – подумала Мег.

– Мы никому не позволяем страдать. Любого, кто болен, намного милосерднее просто уничтожить. Никто не мучается неделями от насморка или боли в горле. Вместо того чтобы заставлять терпеть подобные неудобства, людей просто усыпляют.

– В смысле, их погружают в сон, пока насморк не пройдет, или убивают? – уточнил Кальвин.

– Убийство – крайне примитивное слово, – сказал Чарльз Уоллес. – На Камазоце не существует таких вещей, как убийство. Всеми подобными делами занимается ОНО.

Он дерганным шагом подошел к стене коридора, немного постоял неподвижно, затем вскинул руку. Стена мигнула, задрожала и сделалась прозрачной. Чарльз Уоллес прошел сквозь нее, махнул Мег и Кальвину, и они последовали за ним. Они очутились в маленьком квадратном помещении, излучавшем тусклый зеленовато-желтый свет. Что-то зловещее почудилось Мег в самой тесноте этой комнатухи, как будто стены, потолок и пол угрожали вот-вот сдвинуться и раздавить любого, кто отважится сюда войти.

– Как ты это сделал?! – спросил Кальвин у Чарльза.

– Что я сделал?

– Ну, стенку открыл, вот сейчас!

– Просто перегруппировал атомы, – надменно ответил Чарльз Уоллес. – Ты же ведь проходил в школе про атомы, не так ли?

– Конечно, но...

– Тогда тебе должно быть известно, что материя не сплошная, так? Что ты, Кальвин, состоишь преимущественно из пустоты? Что если все атомы в тебе соберутся вместе, ты сделаешься величиной с булавочную головку? Это же элементарный научный факт, не так ли?

– Ну да, но...

– Ну так вот, я просто раздвинул атомы, и мы прошли в пространство между ними.

У Мег желудок провалился куда-то вниз, и девочка осознала, что квадратная коробка, в которой они находятся, по-видимому, лифт и они сейчас с огромной скоростью поднимаются вверх. Желтый свет озарил их лица, и бледно-голубые глаза Чарльза, поглотив желтый, сделались зелеными.

Кальвин облизнул губы:

– Мы сейчас куда?

– Наверх.

И Чарльз продолжал свою лекцию:

– На Камазоце мы все счастливы, потому что все мы похожи. Из-за различий возникают проблемы. Ну ты же это знаешь, верно, сестрица?

– Нет, – сказала Мег.

– Знаешь-знаешь! На своей родной планете ты видела, что это правда. Ты знаешь, что именно из-за этого тебе плохо в школе. Потому что ты не такая, как все.

– Я тоже не такой, как все, и мне хорошо, – сказал Кальвин.

– Но ты же делаешь вид, будто ты такой же, как все!

– Я не такой, как все, и мне нравится быть другим! – Кальвин говорил неестественно громко.

– Может, мне и не нравится быть не как все, – сказала Мег, – но быть как все я тоже не хочу.

Чарльз Уоллес вскинул руку. Квадратная коробка остановилась, и одна из стенок как будто исчезла. Чарльз вышел, Мег с Кальвином последовали за ним. Кальвин едва успел миновать стену, как она возникла снова, и не стало видно даже места, где только что был проход.

– Ты что, хотел, чтобы Кальвин остался в лифте? – спросила Мег.

– Я просто стараюсь приучить вас быть начеку. Имейте в виду, если кто-нибудь из вас снова доставит мне неприятности, придется передать вас ОНО.

И как только с губ Чарльза слетело слово «ОНО», Мег снова почувствовала, как будто ее коснулось что-то жуткое и скользкое.

– Что же это такое – это ОНО? – спросила она.

– Вы можете называть его Шефом. – Тут Чарльз Уоллес хихикнул – это хихиканье было самым зловещим звуком, какой Мег слышала в жизни. – Само себя ОНО иногда называет Садо-садовником.

– Не понимаю, что ты имеешь в виду, – сказала Мег холодно, чтобы скрыть свой страх.

– Ну ты знаешь, кто такой садовник? Это человек, который ухаживает за растениями. А «садо-» – это от слова «садист», что значит...

– Не важно, – перебила Мег. – Главное, что мне не хотелось бы встретиться с этим «ОНО», и дело с концом.

Станный, монотонный голос Чарльза Уоллеса как будто сверлил уши:

– Мег, ну ведь хоть какие-то мозги у тебя должны быть? Как ты думаешь, отчего у нас на родине то и дело случаются войны? Как ты думаешь, отчего люди так растеряны и несчастны? Потому что все они

живут своей собственной, отдельной, индивидуальной жизнью. Я все пытаюсь вам объяснить самыми простыми словами, что на Камазоце со всяким индивидуализмом покончено раз и навсегда. Разум на Камазоце только один. Это ОНО. Вот почему все так счастливы и эффективны. И вот почему старые ведьмы вроде миссис Чо не желают, чтобы у нас дома было так же.

– Она не ведьма! – перебила Мег.

– Не ведьма?

– Нет, – сказал Кальвин. – И ты это знаешь. Ты знаешь, что это у них просто игра такая. Быть может, это их способ смеяться в темноте.

– Вот именно что в темноте! – подхватил Чарльз. – Они хотят, чтобы мы оставались темными и бестолковыми, вместо того чтобы быть разумными и организованными.

Мег яростно замотала головой.

– Нет! – воскликнула она. – Я знаю, что наш мир несовершенен, Чарльз, но он уж точно лучше этого! Это не единственный выход! Не может такого быть!

– Здесь никто не испытывает страданий! – провозгласил Чарльз. – Никто не ведает горя!

– Зато и счастья тоже, – серьезно возразила Мег. – Может быть, если не побудешь иногда несчастным, то и счастливым быть не научишься. Кальвин, я хочу домой.

– Мы же не можем бросить Чарльза, – сказал ей Кальвин, – и не сумеем вернуться, пока не найдем вашего отца. Сама знаешь. Но ты права, Мег, и миссис Ведь права. Это Зло.

Чарльз Уоллес покачал головой. Он буквально исходил презрением и неодобрением.

– Идемте. Мы только впустую теряем время. – Он стремительно зашагал дальше, недовольно цокая языком: – Как же все-таки ужасно быть примитивными индивидуальными организмами!

Он шел все быстрее с каждым шагом. Его ножонки так и мелькали, и Мег с Кальвином пришлось пуститься трусцой, чтобы угнаться за ним.

– Вот, поглядите! – сказал Чарльз Уоллес.

Он вскинул руку, и внезапно одна из стен сделалась прозрачной. За стеной была тесная комнатуха. В комнатухе мальчик чеканил мяч. Он ритмично ударял им об пол, и стены его крохотной тюрьмы как будто пульсировали в такт с ударами мяча. И каждый раз, как мячик подскакивал, ребенок вскрикивал, как будто от боли.

– Это же тот малыш, которого мы видели сегодня! – резко сказал

Кальвин. – Тот, который играл не так, как прочие.

Чарльз Уоллес снова захихикал:

– Ну да! Время от времени возникают небольшие проблемы с согласованностью действий, но все это прекрасно решается! С нынешнего дня он больше никогда не захочет выбиваться из общего ритма... Ага, мы пришли.

Он стремительно прошагал по коридору и снова поднял руку, чтобы сделать стену прозрачной. Они увидели перед собой еще одну комнатку. В центре комнатки стояла большая, круглая, прозрачная колонна, и внутри колонны был человек.

– Папа!!! – завопила Мег.

Глава девятая. ОНО

Мег бросилась к человеку, заточенному в колонне, но когда она устремилась в открытую, как ей казалось, дверь, ее отшвырнуло назад, как будто она налетела на кирпичную стену.

Кальвин подхватил ее.

– На этот раз стена просто прозрачная, как стекло, – сказал он Мег. – Мы не сможем туда войти.

Мег сделалось так дурно от удара, что она не могла ничего сказать в ответ. Она испугалась, что ее вот-вот стошнит или она упадет в обморок. Чарльз Уоллес снова расхохотался, этим чуждым, не своим смехом, и именно это ее спасло, потому что гнев снова пересилил боль и страх. Чарльз Уоллес, ее милый, любимый, настоящий Чарльз Уоллес никогда не смеялся над ней, когда ей было больно! Наоборот, он поспешно обвивал ручонками ее шею и прижимался пухлой щечкой к ее щеке, с любовью и утешением. А этот демон в его обличье насмехается! Она отвернулась и снова посмотрела на человека в колонне.

– Папочка... – с тоской прошептала она.

Но человек в колонне не шевельнулся и не взглянул на нее. Очки в роговой оправе, без которых она не представляла отца, теперь исчезли, и его глаза смотрели куда-то в себя, как будто он пребывал в глубокой задумчивости. У папы отросла борода, и среди шелковистых каштановых волос виднелись седые прядки. И волосы он так и не подстриг. Это уже не была просто небрежная прическа, как на той фотографии с мыса Канаверал: волосы, отброшенные назад с высокого лба, ниспадали почти до самых плеч, так что папа был похож на человека из иного столетия или на моряка, потерпевшего кораблекрушение. Однако, несмотря на все перемены, это, несомненно, был он, ее любимый папа.

– Какой-то он неухоженный, а? – фыркнул Чарльз Уоллес.

Мег в ярости набросилась на него:

– Чарльз, но ведь это же папа! Папа!

– Ну и что?

Мег отвернулась и протянула руки к человеку в колонне.

– Мег, он нас не видит, – мягко сказал Кальвин.

– Но почему же? Почему?!

– По-моему, это что-то вроде дверных глазков, которые делают в квартирах, – объяснил Кальвин. – Ну, знаешь, изнутри смотришь наружу, и

все видно. А снаружи вообще ничего не видно. Мы его видим, а он нас нет.

– Чарльз! – взмолилась Мег. – Пусти меня к папе!

– Зачем? – как ни в чем не бывало спросил Чарльз.

Мег вспомнила, как тогда, когда они были с красноглазым, она заставила Чарльза Уоллеса прийти в себя, уронив его и ударив головой об пол. Она кинулась на него. Но не успела она дотянуться до малыша, как тот выбросил кулачок и изо всех сил ударил ее в живот. У Мег перехватило дыхание. Она горестно отвернулась от брата и снова подошла к прозрачной стене. Вот камера, вот колонна, вот ее папа внутри. Его видно, он так близко, почти что рукой подать, – и все же сейчас он чуть ли не дальше от нее, чем тогда, когда она показывала его Кальвину на фотографии, стоящей на фортепьяно. Он не шевелился, словно вмерз в ледяной столп, и на лице его было страдальческое, терпеливое выражение, которое пронзило ей сердце, точно стрела.

– Так ты говоришь, что хочешь помочь папе? – раздался за спиной голос Чарльза Уоллеса, абсолютно лишенный любых эмоций.

– Хочу! А ты что, не хочешь? – осведомилась Мег, развернувшись и уставившись на него исподлобья.

– Конечно хочу. Затем мы сюда и пришли.

– Но что же нам делать?!

Мег изо всех сил подавляла истерические нотки в голосе, стараясь говорить так же равнодушно, как Чарльз, но под конец голос у нее все равно сорвался.

– Тебе придется сделать то же, что и я. Объединиться с ОНО, – сказал Чарльз.

– Нет!

– Я смотрю, ты на самом деле совсем не хочешь спасти папу.

– Если я превращусь в зомби, чем это поможет папе?

– Тебе просто придется поверить мне на слово, Маргарет, – сказал ледяной, безжизненный голос, говоривший через Чарльза Уоллеса. – ОНО тебя хочет, и ОНО тебя получит. Не забывай, что я теперь тоже часть ОНО. Ты же знаешь, я бы не сделал этого, если бы это не было правильным.

– Кальвин, – с тоской спросила Мег, – это правда спасет папу?

Но Кальвин не обратил на нее внимания. Он, казалось, изо всех сил сосредоточился на Чарльзе Уоллесе. Он пристально смотрел в пустые бледно-голубые площадки – все, что осталось от глаз Чарльза Уоллеса.

– «Но ты был слишком чист, чтоб выполнять / Ее приказы скотские и злые... / И вот колдунья в ярости своей... / В расщелине сосны тебя зажала...» – шептал он. Мег узнала то, что сказала ему на прощание

миссис Кто.

Поначалу Чарльз Уоллес как будто прислушался. Потом пожал плечами и отвернулся. Кальвин встал так, чтобы продолжать смотреть в глаза Чарльзу.

– Если ты ищешь злую ведьму, Чарльз, – сказал он, – то ОНО и есть злая ведьма. ОНО, а не наши леди. Правда хорошо, что я как раз в этом году проходил в школе «Бурю»? Помнишь колдунью, которая заточила Ариэля в расщелине сосны?

– Прекрати на меня пялиться! – произнес голос Чарльза Уоллеса как будто откуда-то издалека.

Но Кальвин, учащенно дыша от волнения, не отрывал взгляда от глаз Чарльза Уоллеса:

– Чарльз, ты сейчас как Ариэль в той сосне! И я могу тебя выпустить на волю. Смотри на меня, Чарльз! Вернись к нам!

Чарльз Уоллес снова содрогнулся всем телом.

Напряженный голос Кальвина бил в одну точку.

– Чарльз, вернись! Вернись к нам!

Чарльз еще раз содрогнулся. А потом как будто невидимая рука ударила его в грудь и уронила на пол. Зрительная связь между ним и Кальвином оказалась разорвана. Чарльз остался сидеть на полу коридора, всхлипывая и поскуливая – не как ребенок, а как испуганный зверек.

– Кальвин, – бросилась к нему Мег, стиснув руки, – попробуй достучаться до папы!

Кальвин замотал головой:

– Чарльз почти уже вернулся! У меня почти получилось! Еще немного, и он бы вернулся к нам!

– Попробуй с папой, – снова сказала Мег.

– Как?

– Ну вот это вот, насчет «расщелины сосны». Ведь к папе это относится еще больше, чем к Чарльзу! Ты посмотри, как он там стоит, в этой колонне! Освободи его, Кальвин!

– Мег, – устало сказал Кальвин, – я не знаю, что делать. Я не знаю, как туда попасть. Мег, от нас просто требуют слишком многого.

– Очки миссис Кто! – вдруг вспомнила Мег.

Миссис Кто велела ей использовать их только в самом крайнем случае, и сейчас явно был именно такой случай! Девочка сунула руку в карман и нащупала там очки – прохладные, легкие, внушающие уверенность. Она достала их трясущимися пальцами.

– Отдай мне эти очки! – Голос Чарльза Уоллеса прозвучал хрипло и

властно. Мальчик поднялся с пола и бросился к ней.

Мег еле успела сдернуть свои собственные очки и надеть очки миссис Кто. И то одна дужка сползла по щеке, и очки чудом удержались у нее на носу. Чарльз Уоллес с разбегу налетел на нее, она ударилась о прозрачную дверь – и оказалась внутри. Она была в камере, где стояла колонна, в которой был заточен ее папа. Мег трясущимися руками поправила очки миссис Кто и спрятала в карман свои собственные.

– Отдай мне очки! – раздался угрожающий голос Чарльза Уоллеса.

Мальчик оказался в камере вместе с ней, а Кальвин остался снаружи и бессильно бился о стенку.

Мег пнула Чарльза Уоллеса ногой и бросилась к колонне. Ей казалось, будто она пробивается сквозь что-то темное и холодное. Но она все же прорвалась.

– Папа! – крикнула она. И бросилась к нему в объятия.

Этой минуты она ждала долго-долго – не с того момента, как миссис Ведь утащила их в это путешествие, а все те долгие месяцы и годы, когда письма уже не приходили, когда люди говорили всякое про Чарльза Уоллеса, когда миссис Мёрри лишь изредка сознавалась, как ей грустно и одиноко... Эта минута означала, что отныне и вовеки все будет хорошо.

Обняв папу, Мег забыла обо всем на свете, кроме радости. Осталась лишь возможность прильнуть к нему, обретя покой и утешение, осталось удивительное ощущение сильных рук, которые тебя защищают, абсолютная уверенность и безопасность, которые Мег всегда испытывала в его присутствии.

Голос у нее срывался от счастливых рыданий.

– Ах, папочка! Папочка!

– Мег! – радостно и изумленно воскликнул он. – Мег, что ты тут делаешь? А где мама? Где мальчики?

Она посмотрела наружу – и увидела в камере Чарльза Уоллеса. Его лицо было искажено чуждым выражением. Мег снова обернулась к отцу. Не было сейчас времени для приветствий, для радости, для объяснений.

– Нам надо к Чарльзу Уоллесу, – напряженно сказала она. – Сию секунду.

Отцовские руки вслепую ощупывали ее лицо. Мег почувствовала прикосновение сильных, ласковых пальцев – и с ужасом сообразила, что она-то папу видит, и Чарльза Уоллеса в камере видит, и Кальвина в коридоре видит, а папа не видит ни их, ни ее. Она в страхе уставилась на отца – но его глаза были все такие же синие, какими она их помнила. Мег помахала рукой в поле его зрения – он даже не моргнул.

– Папа! – вскрикнула она. – Папа! Ты меня не видишь?

Его руки снова обняли ее, утешая и успокаивая.

– Нет, Мег.

– Но, папа, ведь я-то вижу...

Мег осеклась. Она вдруг сдвинула очки миссис Кто на кончик носа и посмотрела поверх них. И немедленно очутилась в крошечной, непроглядной тьме. Она тут же сдернула очки и сунула их отцу.

– Держи!

Его пальцы сомкнулись на оправе.

– Голубушка, – сказал папа, – боюсь, твои очки тут не помогут!

– Это не мои, это очки миссис Кто, – объяснила Мег, не сознавая, что для него это все полная белиберда. – Пожалуйста, пап, надень их. Ну пожалуйста!

Она подождала, чувствуя, как он возится в темноте.

– Ну что, теперь видишь? – спросила она. – Теперь ты все видишь, пап?

– Да, – сказал он. – Да, вижу. Стена сделалась прозрачной. Невероятно! Мне практически видно, как перегруппируются атомы! – В голосе папы звучал все тот же, прежний, знакомый восторг первооткрывателя, с каким он иногда возвращался домой из лаборатории после удачного дня и принимался рассказывать жене о своей работе. Но тут он воскликнул: – Чарльз! Чарльз Уоллес! Мег, что с ним? Что случилось? Ведь это же Чарльз, верно?

– Папа, им овладело ОНО! – напряженно ответила Мег. – Он ушел в ОНО. Папа, мы должны ему помочь!

Мистер Мёрри ответил далеко не сразу. Молчание было нагружено тем, о чем он думал, но не хотел говорить вслух при дочери. Наконец он сказал:

– Мег, я здесь в тюрьме. Уже целых...

– Пап, эти стены – сквозь них можно пройти! Я прошла сквозь колонну, чтобы добраться до тебя. Это всё очки миссис Кто.

Мистер Мёрри не стал тратить время на расспросы о том, кто такая миссис Кто. Он хлопнул ладонью по прозрачной колонне:

– По-моему, она совершенно непроницаемая.

– Но я же попала внутрь, – возразила Мег. – Я здесь. Может быть, эти очки помогают перегруппировывать атомы. Попробуй, пап!

Она стала ждать, затаив дыхание, и спустя какое-то время осознала, что осталась в колонне одна. Мег протянула руки в темноте и обнаружила, что гладкая поверхность колонны со всех сторон загибается вокруг нее.

Мег чувствовала, что она абсолютно одна и что вокруг царит вечная, непроницаемая тьма и тишина. Девочка с трудом сдерживала панику, пока наконец не услышала слабый, как бы долетевший издалека голос отца:

– Мег, я возвращаюсь за тобой!

Она почти что кожей почувствовала, как атомы непонятного вещества будто бы расступаются, пропуская его к ней. В их доме у моря на мысе Канаверал столовую от гостиной отделяла занавеска, сделанная из нитей с нанизанными зернышками риса. С виду занавеска была сплошная, но ее можно было пройти насквозь. Поначалу Мег ежилась всякий раз, как подходила к этой занавеске, но постепенно привыкла и пробегала сквозь нее, не задерживаясь, так что длинные рисовые нити еще долго колыхались у нее за спиной. Возможно, атомы в этих стенах были расположены каким-то похожим образом.

– Обними меня за шею, Мег, – сказал мистер Мёрри, – и держись как можно крепче. Зажмурь глаза и ничего не бойся.

Он поднял ее, она обвила своими длинными ногами его талию, а руками крепко-крепко обхватила за шею. В очках миссис Кто она лишь слегка ощутила тьму и холод, минуя стену колонны. Сейчас же, без очков, она почувствовала тот самый ужасный липкий холод, который испытала, когда они тессерировали сквозь внешнюю тьму Камазоца. Чем бы ни была эта Черная Тень, которая окутывала Камазоц, она присутствовала не только вокруг планеты, но и на самой планете. В какой-то момент Мег почудилось, будто ледяная тьма вот-вот вырвет ее из рук отца. Девочка попыталась завопить, но среди этого ледяного ужаса не было места звукам. Отцовские руки сжались крепче, и она вцепилась ему в шею так, что чуть было не удушила, зато паника отступила. Мег знала, что если папа не сумеет пронести ее сквозь стену, он скорее останется тут с ней, чем бросит ее. Она твердо знала, что до тех пор, пока она у него в руках, она в безопасности.

А потом они очутились снаружи. Колонна возвышалась в центре комнаты, прозрачная и пустая.

Мег заморгала, глядя на размытые фигуры Чарльза и папы. Почему же их так плохо видно? Потом она спохватилась, достала из кармана свои собственные очки, надела их, и ее близорукие глаза наконец-то нормально сфокусировались.

Чарльз Уоллес раздраженно постукивал ножкой по полу.

– ОНО недовольно, – сообщил он. – ОНО крайне недовольно!

Мистер Мёрри отпустил Мег и опустился на колени перед малышом.

– Чарльз, – сказал он с нежностью, – Чарльз Уоллес!

– Что тебе надо?

– Я твой папа, Чарльз. Ну посмотри же на меня!

Белесо-голубые глаза вроде бы сфокусировались на лице мистера Мёрри.

– Ну, привет, папаня! – сказал наглый голос.

– Это не Чарльз! – вскричала Мег. – Папочка, Чарльз совсем не такой! Это все ОНО!

– Ну да, – устало сказал мистер Мёрри. – Я уж вижу.

Он протянул руки:

– Чарльз! Иди сюда!

«Папа все исправит! – думала Мег. – Теперь-то все будет в порядке!»

Чарльз не двинулся навстречу протянутым рукам. Он стоял в нескольких шагах от отца, не глядя на него.

– Посмотри мне в глаза, – приказал мистер Мёрри.

– Нет.

Голос мистера Мёрри сделался жестким.

– Когда обращаешься ко мне, будь любезен говорить: «Нет, папа» или «Нет, сэр».

– Да ладно тебе, папаня, – холодно ответил голос Чарльза Уоллеса – Чарльза Уоллеса, который за пределами Камазоца бывал странным, бывал непонятным, но никогда не грубил. – Не тебе тут командовать!

Мег увидела, как Кальвин стучит кулаками в стеклянную стенку.

– Кальвин! – окликнула она.

– Да он тебя не слышит, – сказал Чарльз. Он скорчил Кальвину кошмарную рожу, а потом показал нос.

– Кто такой Кальвин? – спросил мистер Мёрри.

– Это... – начала было Мег, но Чарльз Уоллес оборвал ее на полуслове:

– Тебе придется отложить свои объяснения. Идем!

– Куда?

– К ОНО.

– Ну уж нет, – сказал мистер Мёрри. – Ты не посмеешь тащить туда Мег.

– Я? Не посмею?

– Не посмеешь. Ты мой сын, Чарльз, и боюсь, что тебе придется меня слушаться.

– Но ведь это же не Чарльз! – со слезами вскричала Мег. Ну как же папа не понимает? – Папа, Чарльз совсем не такой! Ты же знаешь, что он не такой!

– Он был совсем младенцем, когда я видел его в последний раз, – мрачно сказал мистер Мёрри.

– Папа, это ОНО говорит через Чарльза. ОНО, а не Чарльз! Он... его околдовали!

– Ну вот, опять детские сказки, – сказал Чарльз.

– Папа, ты знаешь, что такое ОНО? – спросила Мег.

– Да.

– А ты его видел?

– Да, Мег. – Его голос снова звучал бесконечно устало. – Да, видел.

Он обернулся к Чарльзу:

– Ты же знаешь, что она не выдержит.

– Вот именно! – сказал Чарльз.

– Папа, ты же не можешь говорить с ним так, будто это Чарльз! Спроси у Кальвина! Кальвин тебе скажет.

– Идемте, – сказал Чарльз Уоллес. – Нам пора.

Он небрежно вскинул руку и вышел из камеры. Мег с мистером Мёрри ничего не оставалось, как последовать за ним.

Когда они вышли в коридор, Мег поймала отца за рукав:

– Кальвин, это папа!

Кальвин встревоженно бросился к ним. Его веснушки и рыжие волосы выглядели особенно яркими на фоне бледного лица.

– Потом перезнакомитесь, – сказал Чарльз Уоллес. – ОНО не любит, когда его заставляют ждать. – И зашагал по коридору. Его походка с каждым шагом становилась все более дерганой.

Остальные пошли за ним очень быстро, чтобы не отставать.

– Твой папа знает про миссис Чо и остальных? – спросил Кальвин у Мег.

– Нет, я ничего не успела объяснить. Все так ужасно!

В груди у Мег камнем лежало отчаяние. Она была так уверена, что стоит ей найти папу, как сразу все станет хорошо! Все образуется. Все проблемы с ее плеч будут сняты. Ей больше не придется ни за что отвечать.

И вот, вопреки всем этим счастливым ожиданиям, на них свалилась гора новых бед.

– Он не понимает, что с Чарльзом! – шепнула она Кальвину, печально глядя в спину отца, шагающего следом за Чарльзом.

– А куда мы идем? – спросил Кальвин.

– К ОНО. Кальвин, я не хочу туда ходить! Я не могу!

Она остановилась, но Чарльз все так же семенил вперед своими дергаными шагами.

– Не можем же мы бросить Чарльза, – сказал Кальвин. – Они бы этого не одобрили.

– Кто «они»?
– Ну, миссис Что и компания.
– Но они же нас предали! Притащили нас сюда, в это ужасное место, и бросили тут!

Кальвин посмотрел на нее с удивлением.

– Нет, ты можешь сложить руки и сдаться, если хочешь, – сказал он. – А я буду держаться с Чарльзом. – И он побежал вперед, чтобы догнать Чарльза Уоллеса и мистера Мёрри.

– Ну я же не в этом смысле!.. – начала Мег и кинулась следом.

Не успела она их догнать, как Чарльз Уоллес остановился и вскинул руку. Они снова сели в лифт, озаренный зловещим желтоватым светом. Мег почувствовала, как у нее внутри все подпрыгнуло, когда лифт рванулся вниз. Они молчали, пока лифт не остановился, молчали, пока шли вслед за Чарльзом Уоллесом по длинным коридорам и когда вышли на улицу. Здание ЦЕНТРА централизованной координации возвышалось у них за спиной, безликое и угловатое.

«Ну сделай же что-нибудь! – молча умоляла Мег папу. – Сделай что-нибудь! Помоги! Спаси нас!»

Они свернули за угол. В конце улицы стояло странное здание в форме купола. По его стенам перебежали фиолетовые огоньки. Серебристая крыша мигала зловещим светом. Свет этот не был ни теплым, ни холодным, но он как будто тянулся им навстречу. Мег была уверена, что именно там ждет их ОНО.

Они пошли по улице, уже медленнее, и когда они приблизились к зданию-куполу, фиолетовые огоньки потянулись к ним, окутали их и всосали в себя – они очутились внутри.

Мег ощутила ритмичную пульсацию. Пульсация была не только вокруг, но и внутри ее тоже – так, будто ритм ее сердца и легких отныне принадлежал не ей, а управлялся некой силой извне. Похожее ощущение она испытывала, когда училась делать искусственное дыхание в герлскаутах и их вожатая, ужасно сильная, показывала все на Мег, приговаривая: «ВЫХОДИТ плохой воздух, ВХОДИТ хороший!», а ее ручки давили и отпускали, давили и отпускали...

Мег хватала воздух ртом, пытаясь дышать так, как привыкла, но неумолимый ритм внутри и снаружи пересиливал. Поначалу она не могла ни шелохнуться, ни оглядеться, чтобы посмотреть, что происходит с остальными. Она просто вынуждена была стоять неподвижно, пытаясь как-то приспособиться к искусственному ритму дыхания и сердцебиения. Перед глазами плыла багровая пелена.

Потом в глазах прояснилось, Мег смогла дышать, не разевая рот, точно выброшенная на берег рыбешка, и наконец сумела оглядеться внутри громадного круглого купола. Там совершенно ничего не было, кроме этой пульсации, которая сама по себе казалась чем-то осязаемым, и круглого возвышения точно в центре. И на возвышении лежало... что? Этого Мег понять не могла, однако она знала, что именно оттуда исходит это биение. Она осторожно шагнула вперед. Девочка чувствовала, что бояться ей больше нечего. Чарльз Уоллес больше не Чарльз Уоллес. Папа нашелся, но ничего не исправил. Наоборот, все стало еще хуже, чем когда бы то ни было, а ее обожаемый папочка оказался бледным, худым, бородатым и совершенно не всемогущим. И что бы ни случилось дальше, ничего ужаснее и страшнее этого случиться уже не может...

Или все-таки может?

Медленно продвигаясь вперед, Мег в конце концов сообразила, что же это такое лежит на возвышении.

ОНО оказалось мозгом.

Мозгом, лишенным тела. Мозгом-переростком, ровно настолько больше обычного, чтобы быть абсолютно омерзительным и ужасающим. Живым мозгом. Мозгом, который пульсировал и трепетал, повелевал и распоряжался. Неудивительно, что мозг называли «ОНО». ОНО было самым жутким, самым отталкивающим, что Мег когда-либо видела, куда более тошнотворным, чем все, что она могла вообразить наяву, чем все, что когда-либо мучило ее в самых ужасных кошмарах.

Однако Мег больше нечего было бояться, а значит, и кричать было незачем.

Она посмотрела на Чарльза Уоллеса: мальчик стоял, обернувшись лицом к ОНО, безвольно приоткрыв рот, и его пустые голубые глаза медленно вращались.

Нет, все-таки всегда может стать хуже. От этих вращающихся глаз на пухлом круглом личике Чарльза Мег вся похолодела изнутри и снаружи.

Она отвела взгляд от Чарльза Уоллеса и посмотрела на отца. Отец стоял, по-прежнему в очках миссис Кто – помнит ли он, что на нем эти очки? – и кричал Кальвину:

– Не поддавайся!

– Да я и не поддамся! Помогите Мег! – крикнул в ответ Кальвин.

Внутри купола царила глухая тишина, однако Мег осознала, что единственный способ тут разговаривать – это орать во все горло. Потому что куда ни глянь, куда ни обернись – повсюду был этот ритм, и он контролировал систолу и диастолу ее сердца, сокращение и расширение ее

легких, и мало-помалу перед глазами снова поползли багровые клубы, и Мег испугалась, что сейчас потеряет сознание, а если она лишится чувств, то полностью окажется во власти ОНО.

«Мег, тебе я даю твои недостатки», – сказала миссис Чо.

А какие у нее главные недостатки? Вспыльчивость, нетерпеливость, упрямство. И да – теперь, чтобы спастись, Мег вынуждена была воспользоваться своими недостатками.

Прилагая неимоверные усилия, она попыталась дышать наперекор ритму ОНО. Но ОНО было чересчур могучим. Каждый раз, как Мег удавалось сделать вдох вне ритма, как будто железная рука стискивала ей сердце и легкие.

Потом Мег вспомнила, что когда они стояли перед красноглазым и тот читал им таблицу умножения, Чарльз Уоллес защищался от него, читая вслух детские стишки, а Кальвин цитировал геттисбергскую речь Авраама Линкольна.

– Шалтай-Болтай сидел на стене, – крикнула она, – Шалтай-Болтай свалился во сне!

Нет, не годится. Детские стишки слишком легко попадают в ритм ОНО.

Геттисбергскую речь она наизусть не помнила. Как там начинается Декларация независимости? Она же выучила ее наизусть прошлой зимой – не потому, что в школе задали, а просто так, потому что она ей нравилась.

– Мы исходим из той самоочевидной истины, – выкрикнула Мег, – что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью!

Выкрикивая эти слова, Мег чувствовала, как чуждый разум ворочается внутри ее собственного, чувствовала, как ОНО захватывает, стискивает ее мозг. Потом она осознала, что Чарльз Уоллес говорит вслух – или ОНО говорит через него.

– Но ведь у нас на Камазоце все так и есть. Полное равенство. Все абсолютно одинаковы.

На секунду мысли у нее спутались. А потом ее осенила ослепительная истина.

– Нет! – торжествующе воскликнула она. – «Равные» совсем не значит «одинаковые»!

– Молодец, Мег! – крикнул ей папа.

Но Чарльз Уоллес продолжал как ни в чем не бывало:

– На Камазоце все равны. На Камазоце никто ничем не отличается от

других.

Однако он не приводил никаких аргументов, не отвечал на вопросы, и Мег уцепилась за свое откровение.

«„Одинаковые“ и „равные“ – это совершенно разные вещи».

И пока что у нее получалось защититься от мощи ОНО.

Но как?

Мег понимала, что ее собственный крохотный мозг – не ровня этой громадной, бестелесной, пульсирующей, ворочающейся махине на круглом возвышении. Она содрогалась, глядя на ОНО. В школьной лаборатории был человеческий мозг, хранящийся в формалине, и старшеклассники, которые готовились в колледж, должны были его вынимать, рассматривать и изучать. Мег всегда казалось, что когда придет этот день, она просто не выдержит. Но теперь она думала, что, будь у нее анатомический скальпель, она бы просто взяла и изрезала это ОНО, безжалостно рассекла бы оба полушария до самого мозжечка.

Она услышала внутри себя слова – на этот раз напрямую, не через Чарльза:

– Разве ты не понимаешь, что, если ты уничтожишь меня, ты заодно уничтожишь и своего братишку?

Неужели, если этот огромный мозг будет изрезан и раздавлен, все остальные разумы на Камазоце, которые контролирует ОНО, тоже погибнут? И Чарльз Уоллес, и красноглазый, и дядька – оператор первоклассной нравоучительной машины второго класса, и все дети, которые играли в мяч и прыгали через скакалку, и все их мамы, и все-все мужчины и женщины, которые входили в здания и выходили из них? Неужели их жизнь полностью зависит от ОНО? Неужели им уже нет спасения?

Мег подрастеряла свой упрямый контроль над собой – и снова почувствовала, как этот мозг тянется к ней. Глаза застлало красным туманом.

Слабо-слабо, будто издалека, долетел папин голос, хотя она понимала, что папа орет во все горло:

– Мег, таблица Менделеева! Читай вслух!

Мег сразу вспомнились зимние вечера, когда они с папой сидели у камина и занимались.

– Водород! Гелий! – послушно начала она. Нужно расставить их в правильном порядке, согласно атомной массе... Что же там дальше? Она же знает... Да! – Литий, бериллий, бор, углерод, азот, кислород, фтор...

Она выкрикивала названия, обращаясь к папе, отвернувшись от ОНО:

– Неон! Натрий! Магний! Алюминий! Кремний! Фосфор!
– Слишком ритмично! – крикнул в ответ папа. – Квадратный корень из пяти?

На какое-то время она сумела сосредоточиться. Давай, Мег, ломай себе голову сама! Не давай ОНО вломиться в нее!

– Квадратный корень из пяти – две целых двести тридцать шесть тысячных! – торжествующе крикнула она, – потому что два, точка, двести тридцать шесть умножить на два, точка, двести тридцать шесть будет пять!

– А квадратный корень из семи?

– Квадратный корень из семи будет...

Мег осеклась. Она чувствовала, что не выдержит. ОНО пробивалось к ней, и она не могла сосредоточиться, даже на математике. Скоро ОНО поглотит и ее тоже, она тоже превратится в ОНО...

– Тессерируйте, сэр! – слышался сквозь багровую тьму голос Кальвина. – Тессерируйте!

Она почувствовала, как папа схватил ее за запястье, потом ужасный рывок, от которого у нее как будто ни одной целой косточки в теле не осталось, потом – черная пустота тессерирования.

Тессерировать с миссис Что, миссис Кто и миссис Ведь было странно и жутко, но все это была ерунда по сравнению с тессерированием с папой. В конце концов, у миссис Ведь был большой опыт в этом деле, а у мистера Мёрри... да откуда он вообще научился? Мег казалось, будто ее разорвет в куски бешеным вихрем. Она потерялась в мучительной боли, которая наконец сменилась темнотой полного забвения.

Глава десятая. Абсолютный ноль

Первым признаком возвращающегося сознания стал холод. Потом звук. Какие-то голоса, казалось, пронизывали Мег насквозь посреди арктической пустоши. Мало-помалу ледяные звуки сделались отчетливее, и девочка осознала, что голоса принадлежат папе и Кальвину. Чарльза Уоллеса было не слышно. Мег попыталась было открыть глаза, но веки никак не разлипались. Она попыталась сесть, но не могла шевельнуться. Она изо всех сил старалась повернуться, шевельнуть рукой, ногой – ничего не выходило. Мег знала, что у нее есть тело, но оно было безжизненным, точно статуя.

Она услышала замороженный голос Кальвина:

– Ее сердце бьется так медленно...

Голос папы:

– Но все же бьется. Она жива.

– Едва жива.

– Поначалу сердцебиения вообще было не слышно. Мы думали, что она погибла.

– Да.

– А потом мы слышали сердцебиение – очень слабые, очень редкие удары. А потом оно стало сильнее. Так что все, что надо делать, – это ждать.

Папины слова звучали ломко и колко, как будто были вырублены из льда.

Кальвин:

– Ну да, сэр. Вы правы.

Она хотела крикнуть им: «Я жива! Еще как жива! Просто превратилась в камень!»

Но у нее не получалось сказать ни слова, так же как не получалось шевельнуться.

Снова голос Кальвина:

– Ну, как бы то ни было, вы спасли ее от ОНО. Вы вытащили оттуда нас обоих, иначе бы мы долго не продержались. ОНО же намного могущественнее и сильнее, чем... Кстати, сэр, а почему мы вообще смогли продержаться? Как нам удалось продержаться так долго?

Папа:

– Потому что ОНО совершенно не привыкло к тому, чтобы ему

сопротивлялись. Это единственная причина, отчего мне самому удалось удержаться и не быть поглощенным. Ему так много тысяч веков не пытался противостоять ни один разум, что некоторые центры размякли и атрофировались от неупотребления. Хотя, если бы вы не пришли ко мне сейчас, не знаю, долго ли бы мне удалось устоять. Ведь я уже готов был сломаться.

Кальвин:

– Ну что вы, сэр!..

Папа:

– Да-да. Мне уже не хотелось ничего, кроме покоя, – а ОНО, разумеется, сулило мне полный покой. Я почти пришел к выводу, что я напрасно сопротивляюсь, что ОНО все-таки право и все, во что я так страстно верил, – не более чем видения безумца. Но тут ко мне явились вы с Мег, вы ворвались в мою тюрьму, и с вами вернулись надежда и вера.

Кальвин:

– Сэр, а как вы вообще очутились на Камазоце? У вас были какие-то причины отправиться именно туда?

Папа, с ледяным смешком:

– На Камазоц я попал совершенно случайно. Я вообще не рассчитывал покидать нашу Солнечную систему. Я направлялся на Марс. Однако тессерирование куда сложнее, чем мы рассчитывали.

Кальвин:

– Сэр, а как ОНО сумело заполучить Чарльза Уоллеса раньше, чем нас с Мег?

Папа:

– Судя по тому, что ты мне рассказывал, – это все из-за того, что Чарльз Уоллес решил, будто сможет по своей воле войти в ОНО и вернуться. Он переоценил свои силы... чу! Послушай, кажется, сердце забилося сильнее!

Его голос уже не казался ей таким замороженным. Правда ли слова были ледяные, или это у нее уши забило льдом? Но почему же слышно только папу с Кальвином? Почему молчит Чарльз Уоллес?

Молчание. Долгое молчание. Потом снова голос Кальвина:

– Нельзя ли что-нибудь сделать? Может быть, пойти позвать на помощь? Неужели обязательно вот так сидеть и ждать?

Папа:

– Мы не можем ее бросить. И нам нужно держаться вместе. Нельзя спешить.

Кальвин:

– Вы имеете в виду, что раньше мы напрасно поспешили? На Камазоце мы поторопились, и Чарльз Уоллес ринулся вперед очертя голову, и именно поэтому мы и попались?

– Может быть. Я не уверен. Мне пока еще слишком мало известно. На Камазоце каким-то образом время течет по-другому. Наше время, хоть и несовершенно, по крайней мере, прямолинейно. Может быть, оно даже не является измерением в полном смысле слова, ведь вдоль него нельзя двигаться вперед и назад, а только вперед. Но, по крайней мере, оно постоянно в своей направленности. А на Камазоце время, похоже, обращено вспять, замкнуто само на себя. Так что я представления не имею, сколько я пробыл в заточении внутри этой колонны – столетия или несколько минут.

Ненадолго воцарилось молчание. И снова голос папы:

– Кажется, я нащупал пульс на запястье.

Мег не почувствовала прикосновения его пальцев к своей руке. Она и самой руки не чувствовала. Тело по-прежнему было камнем, но хотя бы разум вновь обретал способность шевелиться. Девочка отчаянно старалась издать хоть какой-то звук, подать им знак – но ничего не выходило.

И снова слышались их голоса. Кальвин:

– А ваш проект, сэр, – вы в нем один участвовали?

Папа:

– Нет, конечно. Нас над ним человек шесть работало – рискну предположить, было и много других, о которых мы не знали. Мы точно не единственная страна, которая занимается подобными исследованиями. Идея-то на самом деле не новая. Но мы очень старались, чтобы за рубежом не стало известно, что мы пытаемся воплотить ее в жизнь.

– А на Камазоц вы попали один? Или с вами были и другие?

– Нет, один. Видишь ли, Кальвин, это не та технология, которую можно предварительно испытать на крысах, обезьянках или собаках. И мы представления не имели, сработает ли она или приведет к полной дезинтеграции тела. С пространством и временем шутки плохи.

– Но почему именно вы, сэр?

– Я был не первым. Мы тянули жребий, я оказался вторым.

– А что случилось с первым?

– Этого мы не... гляди, гляди! Кажется, у нее веки дрогнули!

Молчание.

– Нет... Это просто тень.

«Но я же действительно моргнула! – хотела сказать им Мег. – Я уверена, что моргнула! И я вас слышу! Ну сделайте же что-нибудь!»

Но вместо этого надолго воцарилась тишина. Видимо, они оба смотрели на нее, выжидая, пока снова мелькнет какая-нибудь тень, хоть что-нибудь шевельнется. Потом Мег опять услышала голос папы – негромкий, потеплевший, куда больше похожий на привычный папин голос.

– Мы тянули жребий, и я оказался вторым. Мы знаем, что Хэнк куда-то отправился. Мы при этом присутствовали. Мы видели, как он исчез на глазах у всех нас. Вот он был – и вот его не стало. Мы должны были ждать в течение года, пока он вернется или даст о себе знать. Мы ждали год. И не дождались ничего.

Кальвин, срывающимся голосом:

– Вот это да! Представляю, каково вам было!

Папа:

– Да. Обнаружить, что материя и энергия на самом деле одно и то же, что размеры – иллюзия, что время – величина материальная, одновременно и жутко, и захватывающе. Мы можем знать об этом, но это куда больше, чем мы способны постичь своими крохотными мозгами. Наверное, ты сумеешь понять больше, чем я. А Чарльз Уоллес даже больше, чем ты.

– Да, наверно... Но, пожалуйста, расскажите, что же случилось после первого опыта?

Мег услышала, как папа вздохнул.

– Потом настала моя очередь. Я тессерировал. И вот я здесь. Я стал мудрее и смиреннее. Я уверен, что отсутствовал не два года. Теперь, когда вы пришли за мной, есть надежда, что, возможно, я сумею вернуться назад во времени. Если мне и есть что рассказать нашим, так это то, что мы ничего не знаем.

Кальвин:

– То есть как это, сэр?

Папа:

– Да вот так. Мы – ребяташки, играющие с динамитом. В своей безумной спешке мы взялись за это раньше, чем...

Тут Мег путем отчаянного усилия удалось издать звук. Звук получился не очень громкий, но все-таки это был звук. Мистер Мёрри остановился:

– Тихо! Слышишь?

Мег издала какой-то странный хрип. И обнаружила, что может приоткрыть веки. Веки были тяжелее камня, но она все-таки сумела их приподнять. Над ней склонились папа и Кальвин. А Чарльза Уоллеса видно не было. Где же он?

Мег лежала в чистом поле, поросшем какой-то ржавой низкорослой

травой. Она медленно, с усилием моргнула.

– Мег! – сказал папа. – Мег! С тобой все в порядке?

Язык во рту ворочался тяжело, будто каменный, но она все же сумела прохрипеть:

– Не могу шевельнуться.

– А ты попробуй! – потребовал Кальвин. Он говорил так, будто был на нее очень зол. – Пальцами пошевели! На ногах! На руках!

– Не могу. Где Чарльз Уоллес?

Из-за каменного языка слова выходили невнятными. Может, папа с Кальвином ее и поняли, но ничего не ответили.

– Мы сперва тоже потеряли сознание, – говорил Кальвин. – Ничего, Мег, все будет в порядке. Ты не паникуй.

Он наклонился к ней близко-близко, и хотя его голос звучал по-прежнему сердито, глаза у него были встревоженные. Мег поняла, что очки, наверно, по-прежнему на ней, потому что она его видела очень отчетливо: и веснушки, и короткие черные ресницы, и ярко-синие глаза.

С другой стороны стоял на коленях папа. Его глаза по-прежнему были еле видны за круглыми линзами очков миссис Кто. Папа взял руку Мег и принялся растирать ее между ладоней:

– Ты мои пальцы чувствуешь?

Папин голос звучал совершенно спокойно, как будто в том, что Мег полностью парализована, не было ничего из ряда вон выходящего. От его ровного тона ей тоже сделалось спокойнее. Потом она увидела, что на лбу у папы выступили крупные капли пота, и смутно ощутила, что ветерок, овевающий ей щеки, прохладный. Поначалу его голос был замороженный, а теперь ветер такой мягкий... так холодно тут или тепло?

– Ты мои пальцы чувствуешь? – снова спросил он.

Да, теперь Мег ощутила какое-то прикосновение к запястью, но кивнуть она все равно не могла.

– Где Чарльз Уоллес?

Ее слова звучали уже чуть более внятно. Язык и губы казались холодными и онемевшими, как будто ей вкололи большую дозу новокаина у зубного. Мег внезапно осознала, что телу и конечностям холодно, что она не просто замерзла, а обледенела с головы до ног, и именно от этого папины слова были как лед, именно это ее парализовало.

– Я обледенела... – слабым голосом произнесла она.

На Камазоце не было такого холода – холода, пронизывавшего сильнее, чем ветер в самый холодный зимний день. Она избавилась от ОНО, но это непонятное оледенение было едва ли не хуже. Папа ее не

спас...

Теперь она наконец смогла немного оглядеться. Все, что она видела вокруг, было пыльным и ржавым. На краю поля, где она лежала, росли деревья, и листья на них были такие же бурые, как и трава. Были там и растения, которые могли бы сойти за цветы, только тусклые и серые. Но вопреки унылым цветам и сковывавшему Мег холоду, воздух был напоен тонким весенним благоуханием, оно едва уловимо чувствовалось в ветерке, что овеивал ее лицо. Мег посмотрела на папу и на Кальвина. Оба были в рубашках и явно ничуть не мерзли. Это она, закутанная в их одежду, заледенела так сильно, что даже дрожать не могла.

– Почему мне так холодно? – спросила она. – Где Чарльз Уоллес?

Они не ответили.

– Папа, где мы?

Мистер Мёрри спокойно посмотрел на нее:

– Не знаю, Мег. Я не очень хорошо тессерирую. Видимо, это был перелет. Мы не на Камазоце. Где мы – я не знаю. Я думаю, тебе так холодно оттого, что мы прошли сквозь Черную Тень, и на секунду я было подумал, что она вот-вот разлучит нас.

– Это темная планета?

Язык у нее мало-помалу оттаивал; она говорила все более внятно.

– Не думаю, – сказал мистер Мёрри. – Но наверняка сказать не могу, слишком мало знаю.

– Тогда не надо было тессерировать!

Раньше она никогда так с папой не разговаривала. Слова были как будто не ее.

Кальвин посмотрел на нее, покачал головой:

– Нам больше ничего не оставалось. По крайней мере, это позволило нам убраться с Камазоца.

– И почему же мы убрались оттуда без Чарльза Уоллеса? Мы что, просто бросили его там?

Слова, которые на самом деле были не ее, звучали холодно и обвиняюще.

– Мы его не «просто бросили», – сказал папа. – Не забывай, что человеческий мозг – чрезвычайно хрупкий орган и его легко повредить.

– Понимаешь, Мег, – Кальвин сидел над ней, напряженный и озабоченный, – если бы твой папа попробовал выдернуть оттуда Чарльза, когда тессерировал нас, а ОНО продолжало цепляться за Чарльза, для него это могло бы оказаться чересчур, и тогда бы мы потеряли его навсегда. А нам надо было что-то сделать сию секунду.

– Почему?

– ОНО брало над нами верх. Мы с тобой уже начали поддаваться, а если бы твой папа и дальше пытался нам помочь, он бы и сам долго не продержался.

– Это ты ему сказал, чтобы он тессерировал! – бросила Мег Кальвину.

– Не нужно искать виноватых, – сурово отрезал мистер Мёрри. – Ты уже можешь двигаться?

Все недостатки Мег взяли над ней верх, и они ей больше не помогали.

– Нет! И лучше отправь меня обратно на Камазоц, к Чарльзу Уоллесу, да побыстрее! А мы-то думали, ты сумеешь помочь!

Разочарование сидело внутри, едкое и мрачное, как Черная Тень. Гадкие слова вылетали сами собой, Мег даже поверить не могла, что говорит такое папе, своему любимому, ненаглядному, долгожданному папочке. Если бы слезы не замерзли у нее в глазах, она бы сейчас рыдала в три ручья.

Она нашла папу, а он ничего не исправил! Все становилось только хуже и хуже! Если долгие поиски отца окончились, а он не сумел преодолеть всех трудностей, значит теперь все может кончиться как угодно, и вовсе не обязательно хорошо. И надеяться больше не на что. Она оледенела, Чарльза Уоллеса пожирает ОНО, а ее всемогущий папочка ничего не делает! Мег раскачивалась на качелях любви и ненависти, и Черная Тень толкала ее все дальше в сторону ненависти.

– И ты даже не знаешь, где мы! – крикнула она папе. – Мы больше никогда не увидим ни маму, ни близнецов! Мы не знаем, где Земля! Мы даже не знаем, где Камазоц! Мы заблудились в космосе! И что ты теперь собираешься делать?!

Мег не сознавала, что она попала во власть Черной Тени точно так же, как Чарльз Уоллес.

Мистер Мёрри склонился над ней, растирая ее застывшие пальцы. Лица его Мег не видела.

– Доченька, я же не миссис Что, Кто или Ведь. Да, Кальвин мне рассказал все, что мог. Я всего лишь человек, и мне более чем свойственно ошибаться. Но я согласен с Кальвином. Нас сюда послали не просто так. А мы знаем, что для тех, кто любит Бога, кто был призван согласно Его замыслам, Он все обращает во благо^[12].

– А Черная Тень? – крикнула ему Мег. – Почему ты допустил, чтобы она меня чуть не растерзала?

– Ну тебе же всегда тессерирование давалось хуже, чем всем нам, – напомнил ей Кальвин. – Тебя оно выбивало из колеи куда сильнее, чем нас

с Чарльзом.

– Значит, не надо было ему меня брать с собой, – сказала Мег, – пока не научится делать это как следует!

Ни папа, ни Кальвин ничего ей не ответили. Папа продолжал бережно растирать ее руку. Пальцы оживали – и в них просыпалась колющая боль.

– Ты мне больно делаешь!

– Значит, чувствительность возвращается, – тихо ответил папа. – Боюсь, придется потерпеть, Мег.

Пронзительная боль медленно расползлась по рукам, потом закололо ступни и лодыжки... Мег снова принялась было кричать на отца, как вдруг Кальвин воскликнул:

– Смотрите!

В их сторону по бурой траве безмолвно двигались три фигуры.

Кто же это такие?

На Уриэле обитали великолепные создания. Обитатели Камазоца были хотя бы внешне похожи на людей. А это что за странные существа?

Они были того же тускло-серого цвета, что и здешние цветы. Если бы они не шли, выпрямившись во весь рост, их бы можно было принять за животных. Они направлялись к людям. У них было по четыре руки и куда больше пяти пальцев на каждой. Да и пальцы-то были не пальцами, а длинными извивающимися щупальцами. У них были головы, у них были лица. Но если лица обитателей Уриэля выглядели намного красивее человеческих, эти выглядели намного уродливее. Вместо черт лица у них было несколько углублений, а вместо ушей и волос тоже развевались щупальца. Когда они подошли ближе, Мег поняла, что они очень высокие, намного выше людей. Глаз у них не было. Просто мягкие впадины.

Окостеневшее, застывшее тело Мег попыталось было содрогнуться от ужаса – но вместо содрогания откликнулось болью. Она застонала.

Твари воздвиглись над ними. Они, казалось, смотрели на них сверху вниз – только у них не было глаз и смотреть было нечем. Мистер Мёрри все так же стоял на коленях над Мег и растирал ее.

«Он погубил нас, притащив сюда, – подумала Мег. – Я больше никогда не увижу ни Чарльза Уоллеса, ни маму, ни близнецов...»

Кальвин поднялся на ноги и отвесил тварям поклон, как будто они могли его видеть. И сказал:

– Здравствуйте, сэр... мэм?

– Кто вы? – спросила самая высокая из тварей. Голос у нее не был ни враждебным, ни приветливым, и исходил он не из похожего на рот углубления на мохнатом лице, а из шевелящихся щупалец.

«Они нас сожрут! – в ужасе думала Мег. – Мне от них больно! Пальцы... ступни... как же больно!»

Кальвин ответил на вопрос твари:

– Мы... мы с Земли. Как мы сюда попали, я точно не знаю. У нас произошел несчастный случай. Мег – вот эта девочка – она... она парализована. Она не может двигаться. И ей ужасно холодно. Мы думаем, именно поэтому она и не может двигаться.

Одна из тварей подошла к Мег, присела на корточки, согнув свои чудовищные ножищи, и потянулась щупальцем к лицу девочки. Мег сделалось ужасно мерзко и противно.

Но вместе со щупальцем до нее долетел тот нежнейший аромат, который приносил ветер, и Мег ощутила, как по всему телу разлилось мягкое, щекочущее тепло, которое ненадолго уняло боль. Мег сразу захотелось спать.

«А ведь ей я, наверно, кажусь такой же чуждой, как и она мне!» – подумала Мег в дремоте – и тут внезапно осознала, что тварь-то ее вообще не видит. Тем не менее вместе с теплотой по телу разлилось блаженное чувство безопасности. Тварь по-прежнему касалась ее, и тепло и безопасность проникали все глубже. А потом тварь подхватила Мег, удобно устроив ее на двух из своих четырех рук.

Мистер Мёрри вскочил на ноги:

– Что вы делаете?

– Беру дитя с собой.

Глава одиннадцатая. Тетушка Тварь

– Нет! – резко возразил мистер Мёрри. – Будьте любезны, оставьте ее. Это, похоже, позабавило тварей. Самая высокая из них, которая, по-видимому, была тут за главную, спросила:

– Мы вас пугаем?

– Что вы намерены с нами делать? – осведомился мистер Мёрри.

– Прошу прощения, – ответила тварь, – нам удобнее общаться с другим.

И обернулась к Кальвину:

– Кто ты?

– Я Кальвин О’Киф.

– Что это значит?

– Я мальчик. Человек... молодой человек.

– Ты тоже боишься?

– Я... я не знаю.

– Тогда скажи, пожалуйста, – спросила тварь, – если бы на вашу родную планету вдруг прибыло трое таких, как мы, что бы вы сделали?

– Наверно, пристрелили бы вас, – сознался Кальвин.

– Значит, это то, что нам следует сделать с вами?

Веснушки Кальвина выступили отчетливей на побледневшем лице, но он тихо ответил:

– Знаете, наверно, лучше не надо. Я хочу сказать, что Земля – моя родина, и я бы предпочел находиться там, а не где бы то ни было еще в мире – то есть во Вселенной, – и я жду не дождусь, когда же мы наконец вернемся домой, но у себя дома мы ужасно налажали.

Самая меньшая из тварей, та, что держала Мег, сказала:

– И может быть, они не привыкли к гостям с иных планет...

– Не привыкли?! – воскликнул Кальвин. – Да у нас до сих пор никто и не бывал, насколько мне известно.

– Почему?

– Не знаю.

Средняя тварь с некоторым содроганием в голосе спросила:

– Вы что, с темной планеты?

– Нет. – Кальвин решительно покачал головой, хотя тварь и не могла его видеть. – Мы... мы накрыты Тенью. Но мы боремся с ней.

– Боретесь? Вы трое? – спросила тварь, державшая Мег.

– Да, – ответил Кальвин. – С тех пор, как узнали об этом.

Самая высокая снова обернулась к мистеру Мёрри и сурово спросила:

– Ты. Старший. Человек. Откуда ты явился? Сейчас.

– С планеты, именуемой Камазоц, – ровным тоном ответил мистер Мёрри. Три твари зароптали. – Мы сами не оттуда, – продолжал мистер Мёрри медленно и отчетливо. – Мы там такие же чужие, как и здесь. Я был там в плену, эти дети меня выручили. Мой младший сын, мой малыш, до сих пор там, в мрачных тенетах разума ОНО.

Мег попыталась извернуться на руках у твари, чтобы возмущенно зыркнуть на папу с Кальвином. Зачем они так все выкладывают? Разве не понимают, как это опасно? Но ее гнев снова развеялся – сквозь нее струилось мягкое тепло от щупалец. Мег обнаружила, что теперь может относительно свободно шевелить пальцами рук и ног и боль уже не такая острая.

– Нам придется взять это дитя с собой, – сказала державшая ее тварь.

– Не бросай меня, как ты бросил Чарльза! – закричала Мег отцу. Приступ ужаса тут же вызвал мучительные спазмы, и она задохнулась от боли.

– Не надо противиться, – сказала ей тварь. – От этого только хуже. Ты расслабься.

– Вот! ОНО говорило точно так же! – воскликнула Мег. – Папа! Кальвин! Спасите!

Тварь повернулась к Кальвину и мистеру Мёрри:

– Это дитя в опасности. Вам придется довериться нам.

– У нас нет выбора, – ответил мистер Мёрри. – Вы можете ее спасти?

– Думаю, да.

– Можно мне остаться при ней?

– Нет. Но вы будете неподалеку. Мы чувствуем, что вы голодны и устали, что вам хотелось бы принять ванну и отдохнуть. А этому маленькому... как оно называется? – Тварь вопросительно развернула свои щупальца к Кальвину.

– Девочка.

– Этой маленькой девочке требуется поддержка и особый уход. Холод... как вы это называете?

– Черной Тени?

– Черной Тени. Да. Черная Тень выжигает, если ей не противостоять должным образом.

Три твари окружили Мег и вроде бы принялись изучать ее своими мягко колышущимися щупальцами. Щупальца колыхались плавно и

ритмично, как водоросли под водой, и Мег, лежащую в объятиях четырех чуждых рук, помимо воли охватил такой покой, какого она не ведала с тех самых пор, как мама брала ее на руки, сидя в старом кресле-качалке, и убаюкивала колыбельными. Мег сумела противостоять ОНО с помощью папы, но сейчас была не в силах сопротивляться. Девочка привалилась головой к груди твари и обнаружила, что серое тело покрыто мягчайшим, нежнейшим мехом, какой только можно себе представить, и мех этот благоухает так же чудесно, как и здешний воздух.

«Надеюсь, я для нее не слишком вонючая», – подумала она. Но тут же до нее дошла глубоко утешительная мысль: даже если бы она и в самом деле была ужасно вонючая, твари бы ей это простили. Высокая фигура укачивала ее, и Мег ощущала, как ее окаменевшее, застывшее тело малопомалу расслабляется. Рядом с существом, подобным ОНО, она не могла бы испытывать подобного блаженства. ОНО способно только причинять боль, но никак не облегчать ее. Наверно, эти твари добрые. Не может быть, чтобы они были недобрые. Мег глубоко вздохнула, будто очень маленький ребенок, и вдруг провалилась в сон.

Когда она снова пришла в себя, где-то в глубине души гнездились воспоминание о боли, о мучительной боли. Но теперь боль кончилась и ее тело купалось в уюте. Мег лежала на чем-то восхитительно мягком. Было темно. Она ничего не видела, кроме мелькающих временами высоченных теней – Мег осознала, что это расхаживающие поблизости твари. Ее раздели и бережно растерли чем-то теплым и пахучим. Мег вздохнула, потянулась – и обнаружила, что может потягиваться! Она снова могла двигаться, паралич прошел, и ее тело омывали волны тепла. Папа ее не спас, а твари спасли.

– А-а, проснулась, маленькая? – долетел до нее негромкий голос. – Какой же ты забавный маленький головастик! Ну что, больше нигде не болит?

– Не болит.

– Тебе тепло? Ты ожила?

– Да, все отлично. – Мег попыталась было сесть.

– Нет-нет, малышка, лежи смирно. Тебе пока не стоит напрягаться. Сейчас мы сделаем тебе одежду из меха, а потом накормим. Тебе пока нельзя даже пытаться есть самой. Ты должна снова стать как младенец. Черная Тень свои жертвы так просто не отпускает.

– А где же папа и Кальвин? Они отправились назад, за Чарльзом Уоллесом?

– Они кушают и отдыхают, – ответила тварь, – и мы стараемся

побольше узнать друг о друге и выяснить, как лучше всего вам помочь. Теперь мы чувствуем, что вы не опасны и что нам позволят оказать вам помощь.

– А почему здесь так темно? – спросила Мег.

Девочка пыталась оглядеться по сторонам, но видела одни только тени. Тем не менее у нее было ощущение простора вокруг: откуда-то тянуло ласковым ветерком, и от этого темнота не казалась гнетущей.

От твари повеяло недоумением.

– Что такое «темно»? Что такое «светло»? Мы не понимаем. Твой папа и мальчик, Кальвин, тоже об этом спрашивали. Они говорят, что сейчас у нас на планете ночь и им ничего не разглядеть. Они нам сказали, что атмосфера у нас, как они выразились, «непрозрачная», так что звезд через нее не видно, а потом удивились, что нам известно о звездах, что их музыка и движения танца знакомы нам куда лучше, чем таким существам, как вы, которые часами изучают их сквозь устройства, именуемые телескопами. Мы не понимаем, что значит «видеть».

– Ну, это значит знать, как все выглядит, – беспомощно сказала Мег.

– Но мы не знаем, как все «выглядит», как ты выражаешься, – сказала тварь. – Мы знаем только, какое оно на самом деле. Должно быть, эта штука, «зрение», довольно сильно ограничивает.

– Ой, нет! – воскликнула Мег. – Это же... это же самое замечательное, что есть в мире!

– Какой же у вас странный мир, наверно, – заметила тварь, – если такая своеобразная штукавина имеет такое большое значение. Попробуй же мне объяснить, что это за вещь, именуемая «светом», без которой вы почти ничего не можете?

– Ну, без света мы не можем видеть, – сказала Мег и поняла, что совершенно неспособна объяснить, что же такое зрение, что такое свет и тьма. Как можно объяснить про зрение в мире, где никто никогда ничего не видел и где глаза никому не нужны?

– Ну вот, скажем, у вашей планеты есть солнце? – неуклюже начала она.

– Да-да, восхитительное солнце, от которого исходит тепло, лучи которого даруют нам и цветы, и пищу, и музыку, и все, что дает жизнь и заставляет расти.

– Так вот, – сказала Мег, – когда мы обращены к Солнцу – наша Земля, наша планета, я имею в виду, к нашему Солнцу, – на нас льется его свет. А когда мы отворачиваемся от него, наступает ночь. И тогда, если мы хотим что-то увидеть, нам приходится зажигать искусственный свет.

– Искусственный свет! – вздохнула тварь. – Как же, наверно, сложно живется у вас на планете! Ладно, потом попробуешь объяснить мне еще раз.

– Хорошо, – пообещала Мег, хотя понимала, что пытаться объяснить все, что можно увидеть глазами, будет невозможно, потому что твари и без того каким-то образом видели, знали, понимали все куда более полно, чем она, ее родители, Кальвин или даже Чарльз Уоллес.

– Чарльз Уоллес! – воскликнула она. – А как же Чарльз Уоллес? Мы ведь даже не знаем, что делает с ним ОНО и что ОНО заставляет его делать. Пожалуйста, умоляю, помогите нам!

– Да-да, малышка, конечно же, мы вам поможем. Сейчас как раз созвано собрание, где обсуждают, как это лучше сделать. Нам никогда прежде не доводилось говорить с существами, которым удалось вырваться с темной планеты. И хотя твой папа винит себя во всем случившемся, мы чувствуем, что он, должно быть, весьма экстраординарная личность, раз вообще сумел выбраться с Камазоца вместе с вами. Но что касается малыша – а я так понимаю, что это не просто малыш, что этот мальчик почему-то очень важен, – ах, дитя мое, тебе придется смириться с тем, что это будет не так-то просто. Вернуться назад сквозь Черную Тень, обратно на Камазоц... я даже не знаю. Я даже не знаю.

– Но папа же его бросил! – сказала Мег. – Он должен его вернуть! Нельзя же просто оставить там Чарльза Уоллеса.

Тон твари внезапно сделался сухим и жестким.

– О том, чтобы кого-то бросить, речи не шло. У нас так не делают. Но нам известно, что если нам чего-то хочется, это еще не значит, что так и получится. А мы до сих пор не знаем, что же делать. И мы не можем позволить тебе, в твоём нынешнем состоянии, сделать что-то, что подвергнет опасности нас всех. Я понимаю, что тебе хочется, чтобы твой папа как можно быстрее вернулся на Камазоц, и ты, вероятно, способна заставить его это сделать. И что тогда будет? Ну уж нет. Ну уж нет. Сперва подожди, пока ты успокоишься. Ну а теперь, радость моя, вот тебе платье, в котором тебе будет тепло и уютно.

Мег почувствовала, как ее снова взяли на руки и натянули на нее мягкое, легкое одеяние.

– Не тревожься из-за братишки. – Певучий голос из щупальцев мягко касался ее кожи. – Мы ни за что не оставим его под Тенью. Но пока что тебе надо расслабиться, надо успокоиться, надо поправиться.

Эти ласковые слова, это ощущение, что тварь все равно будет ее любить, что бы она ни сказала, что бы она ни сделала, окутывали Мег

теплом и покоем. Щупальце бережно коснулось щеки, нежное, как мамин поцелуй.

– Мои-то малыши уже давно выросли и разбрелись, – сказала тварь. – Ты такая крохотная, такая беззащитная. Давай я тебя покормлю. Кушай медленно и спокойно. Я знаю, ты умираешь от голода, ты слишком долго ничего не ела, но торопиться не надо, а не то тебе станет нехорошо.

К губам Мег поднесли нечто совершенно, неопишимо, невероятно восхитительное, и девочка с удовольствием проглотила предложенное. С каждым глотком она чувствовала, как к телу возвращаются силы. Мег сообразила, что она ничего не ела после того кошмарного праздничного обеда на Камазоце. А она тогда всего несколько кусочков проглотила. Сколько же времени прошло с тех пор, как они ели мамино рагу? Она совсем сбилась со счета...

– А сколько времени у вас тут ночь длится? – сонно пробормотала Мег. – Утро ведь наступит, да?

– Тише, тише, – отвечала тварь. – Кушай, малышка. В прохладное время, как сейчас, мы спим. А когда ты проснешься, снова будет тепло и много-много дел. А сейчас кушай и спи, а я с тобой побуду.

– Извините, а как вас звать? – спросила Мег.

– Ну-у... Для начала попробуй вообще ничего не говорить некоторое время. Подумай про себя. Подумай обо всех словах, которыми ты называешь кого бы то ни было.

Мег принялась думать, а тварь негромко говорила:

– Нет, «мама» – это слово особенное, только для одного, и папа твой здесь, с тобой. Не друг, не подруга, не учитель, не брат, не сестра. Что такое «приятельница»? Какое странное, жесткое слово. Тетя, тетушка? Да, может быть. Пожалуй, это сгодится. А теперь подумай, как бы ты могла назвать меня. Монстр? Чудовище? Какие жуткие слова... Ну какое же я чудовище? Тварь? Тварь... творение... Вот это пойдет. «Тетушка Тварь».

– «Тетушка Тварь»... – сонно пробормотала Мег и рассмеялась.

– Разве я сказала что-то смешное? – удивилась тетушка Тварь. – Что, «тетушка Тварь» – это что-то плохое?

– Да нет, все хорошо, – сказала Мег. – Тетушка Тварь, спойте мне, пожалуйста, песенку!

Если тетушке Твари невозможно было описать, что такое зрение, тем более невозможно будет описать человеку, как звучало ее пение. Это пение было еще прекраснее и величественнее, чем хор поющих существ на Уриэле. Это пение было нагляднее любой картины. Оно обладало структурой и содержанием. Оно поддерживало Мег надежнее, чем руки

тетушки Твари. Оно как будто бы несло ее вперед, вздымало ввысь силой мелодии, так что Мег парила во славе меж звезд, и на какое-то время она и сама почувствовала, что слова «Тьма» и «Свет» не имеют значения, а реальна лишь эта мелодия.

Мег сама не заметила, как уснула, окутанная пением. Когда она проснулась, тетушка Тварь тоже спала. Ее мохнатая, безликая, бесформенная голова обмякла и обвисла. Ночь миновала, в комнату лился тусклый серый свет. Но Мег теперь понимала, что на этой планете нет нужды в красках, что твари не знают всего этого серо-бурого уныния и то, что видит она сама, – лишь малая частица того, какова эта планета на деле. Не слепые твари, а сама она, Мег, ограничена в своих чувствах, потому что они, по-видимому, обладают такими чувствами и способностями, какие ей и не снились.

Девочка чуть шевельнулась – и тетушка Тварь тут же склонилась над ней.

– Как ты славно поспала, радость моя! Ну, как ты себя чувствуешь?

– Великолепно! – ответила Мег. – Тетушка Тварь, а как называется ваша планета?

– Ох ты! – вздохнула тетушка Тварь. – Не так-то легко описывать вещи такими, какими воспринимает их ваш разум... То место, откуда вы явились, вы называете «Камазоц»?

– Да, мы прибыли оттуда, но это не наша планета.

– Ну, тогда нас, наверно, можете звать Иксхель, – сказала ей тетушка Тварь. – У нас с погибшим Камазоцем общее солнце, но, к счастью, больше ничего общего у нас с ним нет.

– А вы боретесь с Черной Тенью? – спросила Мег.

– О да! – ответила тетушка Тварь. – Боремся неустанно, не покладая рук. Ибо мы призваны согласно Его замыслам, а кого Он призвал, тех оправдал^[13]. Конечно, нам помогают – без помощи все было бы намного труднее.

– А кто вам помогает? – спросила Мег.

– Ох, малышка, тебе так трудно все объяснять! И я теперь знаю, что это не оттого, что ты еще дитя. До тех двоих достучаться так же трудно, как и до тебя. Что могу я сказать такого, что имело бы для тебя смысл? Нам помогает добро, нам помогают звезды, наверно, можно сказать, нам помогает то, что ты бы назвала светом, нам помогает любовь... Ох, детка, ну не могу я тебе объяснить! Это надо просто знать – или не знать.

– Но...

– Мы устремляем взор не на то, что ты назвала бы видимым, а на

невидимое. Ведь видимое – временно, невидимое – вечно^[14].

– Тетушка Тварь, а вы знаете миссис Что? – спросила Мег, внезапно охваченная надеждой.

– Миссис Что? – переспросила озадаченная тетушка Тварь. – Ох, дитя, твой язык так прост и ограничен, что это дает эффект крайней сложности... – Она беспомощно развела всеми четырьмя руками, помахивая щупальцами. – Хочешь, я тебя провожу к твоему папе и твоему Кальвину?

– Ой да, пожалуйста!

– Ну, пойдем тогда. Они тебя ждут, чтобы вместе решить, что делать дальше. И мы подумали, что вам будет приятно поесть... как вы это называете? Ах да: «позавтракать» вместе. Но только сейчас тебе будет жарковато в этих теплых мехах. Переодену тебя во что-нибудь полегче, и пойдем.

И тетушка Тварь искупала и переодела Мег, как будто Мег действительно была малышкой. И новое одеяние, хотя оно тоже было сделано из светлого меха, оказалось легким-легким, легче любого летнего платья на Земле. Тетушка Тварь обняла Мег за талию своей щупальчатой рукой и повела ее по длинным, сумрачным коридорам, где Мег не было видно ничего, кроме теней и теней теней, пока наконец они не вышли в просторный зал с колоннами. Столбы света били сквозь открытые отдушины в потолке, сходясь вокруг огромного круглого каменного стола. За столом, на каменной скамье, кольцом опоясывающей весь стол, сидели несколько огромных тварей, Кальвин и мистер Мёрри. Из-за того что твари были такие высоченные, даже мистер Мёрри не доставал ногами до пола и у долговязого Кальвина ноги болтались в воздухе, как будто у Чарльза Уоллеса. Зал был частично окружен сводчатыми арками, ведущими в длинные мощеные проходы. Не было тут ни голых стен, ни угрюмых сводов, так что, хотя здешний свет и казался тусклым по сравнению со светом земного солнца, Мег не ощущала ни холода, ни мрака. Когда тетушка Тварь ввела Мег в зал, мистер Мёрри сполз со скамьи, подбежал к дочери и ласково обнял ее.

– Нас заверили, что с тобой все в порядке, – сказал он.

Пока Мег была в руках у тетушки Твари, она испытывала покой и безопасность. Но теперь все ее тревоги из-за Чарльза Уоллеса и разочарование оттого, что ее папа тоже человек и может ошибаться, заново ожили и встали комом у нее в горле.

– Все нормально, – буркнула она, глядя не на Кальвина и не на папу, а на тварей, потому что теперь она ждала помощи от них. Ей казалось, что ни

папа, ни Кальвин не переживают по-настоящему из-за Чарльза Уоллеса.

– Мег! – радостно воскликнул Кальвин. – Ты такой вкуснятины в жизни не пробовала! Садись ешь!

Тетушка Тварь усадила Мег на скамью и сама села рядом. Она навалила ей полную тарелку еды: каких-то незнакомых фруктов и булочек, которые на вкус не были похожи ни на что из того, что Мег доводилось пробовать раньше. Вся еда на вид была тусклая, бесцветная, ничуть не аппетитная, и поначалу Мег, хотя и помнила, как вкусно было то, чем кормила ее тетушка Тварь накануне вечером, все же не решалась отведать. Но как только она заставила себя проглотить первый же кусочек, она жадно накинулась на угощение. Она все ела и ела, и ей казалось, будто она никогда не насытится.

Остальные терпеливо ждали, пока она утолит голод. Потом мистер Мёрри серьезно сказал:

– Мы тут разрабатывали планы, как спасти Чарльза Уоллеса. Поскольку я так промахнулся, тессерируя с Камазоца, мы считаем, что мне будет неразумно пытаться туда вернуться, даже одному. Если я снова ошибусь, я запросто могу заблудиться и до скончания века блуждать по галактикам, и никому это не поможет, тем паче Чарльзу Уоллесу.

На Мег накатило такое отчаяние, что ей кусок в горло не лез.

– Наши друзья, – продолжал мистер Мёрри, – считают, что если мне удалось хотя бы остаться в той же солнечной системе, то лишь благодаря тому, что на мне по-прежнему были очки миссис Кто. Вот эти очки, Мег. Но, боюсь, они утратили свою силу – теперь это обычное стекло. Быть может, они были рассчитаны на то, чтобы сработать только один раз и только на Камазоце. А может быть, они испортились оттого, что прошли сквозь Черную Тень.

Он подвинул очки в сторону Мег.

– Эти существа знают о тессерировании, – Кальвин указал на огромных тварей, – но они не могут тессерировать на темную планету.

– А вы не пробовали вызвать миссис Кто? – спросила Мег.

– Пока нет, – ответил папа.

– Но раз уж вам ничего другого в голову не пришло, это единственное, что можно сделать! Папа, ну неужели тебе совсем нет дела до Чарльза?

На это тетушка Тварь встала и произнесла «Дитя мое!» самым укоризненным тоном. Мистер Мёрри ничего не сказал, но Мег видела, что всерьез его задела. Она повела себя так, словно имела дело с мистером Дженкинсом. Насупилась, уставилась в стол и сказала:

– Ну так надо попросить их помочь! А если ты думаешь иначе, то это

просто глупо!

– Девочка не в себе, – сказала тетушка Тварь, обращаясь к остальным. – Не судите ее слишком строго. Ею едва не овладела Черная Тень. Иногда нельзя заранее сказать, каков будет духовный ущерб, даже если тело полностью оправилось.

Мег сердито обвела глазами присутствующих. Твари восседали за столом, безмолвные и недвижные. Мег чувствовала, что взвешена, измерена – и признана недостойной.

Кальвин отвернулся от нее и сник:

– Тебе не приходило в голову, что мы пытались рассказать им о наших леди? Как ты думаешь, чем мы занимались все это время? Живот набивали, что ли? Ну давай попробуй теперь ты!

– Да-да. Попробуй, дитя. – Тетушка Тварь снова села и притянула Мег к себе. – Однако я не понимаю гнева, который в тебе чувствую. Из-за чего этот гнев? Ты кого-то винишь и себя чувствуешь виноватой. Почему?

– Тетушка Тварь! Ну как же вы не понимаете?

– Не понимаю, – ответила тетушка Тварь. – И это никак не поможет тебе поведать мне о тех, о ком вы хотите нам рассказать. Давай попробуй!

И Мег попробовала. Наугад. На ощупь. Поначалу она описала было миссис Что – ее мужскую куртку, ее разноцветные платки и шарфы. Миссис Кто в белом одеянии и сверкающих очках. Миссис Ведь в островерхой шляпе и черной мантии, то возникающую, то исчезающую из вида. Наконец Мег сообразила, что это нелепо. Она описывала их только самой себе. Ведь на самом деле это не были настоящие миссис Что, миссис Кто и миссис Ведь. С тем же успехом она могла бы описывать миссис Что, какой она была, когда приняла облик крылатого создания с Уриэля.

– Ты не пытайся говорить словами, – успокоила тетушка Тварь. – Так ты только борешься с собой и со мной. Ты думай про то, какие они есть. А от этого вашего «внешнего вида» нам никакого проку нет.

Мег попробовала было начать заново – но она никак не могла отрешиться от внешности. Она пыталась думать о том, как миссис Что объясняла про тессерирование. Она пыталась думать о них в математических терминах. Время от времени ей даже казалось, что она замечает проблеск понимания со стороны тетушки Твари и прочих, но большую часть времени от них исходило лишь мягкое недоумение.

– Ангелы! – внезапно воскликнул сидящий напротив Кальвин. – Ангелы-хранители!

Ненадолго воцарилось молчание, и он воскликнул снова, весь сморщившись от сосредоточенности:

– Посланники! Посланники Господа!

– Я было подумала, что... – начала тетушка Тварь, потом махнула рукой и вздохнула: – Нет. Все равно недостаточно ясно.

– Как же странно, что они не способны объяснить нам то, что сами, похоже, прекрасно знают! – пробормотала высокая, худая тварь.

Одна из щупальчатых рук тетушки Твари вновь обняла Мег за талию.

– Они же очень молоды. И к тому же у себя на «Земле», как они ее называют, они никогда не общаются с другими планетами. Так и крутятся, одни-одинешеньки во всем космосе.

– О-ой! – сказала худая тварь. – Должно быть, им так одиноко...

И тут внезапно по залу раскатился громовой голос:

– МЫ ЗДЕСЬ!

Глава двенадцатая. Глупость и слабость

Мег никого не увидела – но сердце у нее радостно забилося, полное надежды. Твари все, как одна, поднялись на ноги, развернулись к одной из арок и приветственно склонили головы и щупальца. Меж двух колонн появилась миссис Что. Рядом с ней стояла миссис Кто, позади виднелось мерцание. Три дамы были какие-то не такие, как в тот раз, когда Мег увидела их впервые. Очертания фигур казались размытыми, цвета смешивались, как на мокром акварельном рисунке. И все же они были тут; они были узнаваемы; они были собой.

Мег вырвалась у тетушки Твари, прыгнула на пол и помчалась к миссис Что. Однако та вскинула руку, останавливая девочку, и Мег сообразила, что миссис Что не полностью материализовалась, она не столько вещество, сколько свет, и обнимать ее сейчас было бы все равно что пытаться обнять солнечный луч.

– Нам надо было спешить, так что мы не успели... Мы были вам нужны? – спросила миссис Что.

Самая высокая из тварей поклонилась еще раз и сделала шаг от стола навстречу миссис Что.

– Речь идет о мальчике.

– Папа его бросил! – воскликнула Мег. – Он оставил его на Камазоце!

К ее ужасу, миссис Что холодно ответила:

– И чего вы ждете от нас?

Мег прижала кулак к зубам так, что скобки до крови впились в кожу. Потом умоляюще протянула руки:

– Но ведь это же Чарльз Уоллес! Миссис Что, его захватило ОНО! Спасите его, пожалуйста, спасите!

– Но ты же знаешь, что на Камазоце мы ничего сделать не можем, – все тем же холодным тоном ответила миссис Что.

– Вы хотите сказать, вы допустите, чтобы Чарльз навсегда достался ОНО?! – пронзительно воскликнула Мег.

– Разве я это говорила?

– Но мы же ничего не можем сделать! Вы же знаете, что мы ничего не можем! Мы же пробовали! Миссис Что, вы должны его спасти!

– Мег, мы так не делаем, – печально ответила миссис Что. – Я-то думала, ты понимаешь, что мы так не делаем.

Мистер Мёрри шагнул вперед и поклонился – и, к изумлению Мег, три

дамы поклонились ему в ответ.

– Мы с вами, кажется, не знакомы, – сказала миссис Что.

– Но это же папа, вы же знаете, что это папа! – Гневное нетерпение Мег все росло. – Пап, это миссис Что, миссис Кто и миссис Ведь!

– Очень приятно... – пробормотал мистер Мёрри и продолжал: – Прошу прощения, у меня очки разбились, я вас не очень отчетливо вижу.

– Видеть нас не обязательно, – сказала миссис Что.

– Вы не могли бы получше обучить меня тессеракту, чтобы я мог вернуться на Камазоц?..

– И чтто? – прогремел удивительный голос миссис Ведь.

– Я попытаюсь отобрать своего мальчика у ОНО.

– А ввамм изввессттно, чтто у ввасс нничего нне ввыйддет?

– Что ж, мне ничего не остается, как попытаться...

– Простите, – мягко сказала миссис Что, – мы не можем позволить вам отправиться туда.

– Тогда разрешите мне! – предложил Кальвин. – Я его один раз уже почти вытащил!

Миссис Что покачала головой:

– Нет, Кальвин. Чарльз еще глубже ушел в ОНО. Никто не позволит, чтобы ты ушел туда вслед за ним – а ты же понимаешь, что произойдет именно это.

Воцарилось долгое молчание. Все мягкие лучи света, проникающие в огромный зал, казалось, сошлись на миссис Что, миссис Кто и слабом мерцании, которое, видимо, было миссис Ведь. Никто не произносил ни слова. Одна из тварей медленно водила щупальцем по каменному столу. И наконец Мег больше не выдержала и в отчаянии вскричала:

– Тогда что же вы собираетесь делать? Неужто просто так возьмете и бросите Чарльза?

По залу раскатился грозный голос миссис Ведь:

– Ммоллччи, ддиття!

Но Мег не могла замолчать. Она прижалась было к тетушке Твари – но тетушка Тварь не обвила ее своими заботливыми щупальцами.

– Но я же не могу! – воскликнула Мег. – Не могу! Сами знаете, что я не могу!

– Рраззвве ктто-нниббудд прроссилл ттеббя обб эттоммм?

У Мег по спине поползли мурашки от этого мрачного голоса.

Девочка разрыдалась. Она принялась колотить тетушку Тварь кулачками, будто малыш, ударившийся в истерику. Слезы градом катились у нее по щекам и капали на шерсть тетушки Твари. Тетушка Тварь стояла

молча и терпеливо.

– Ну ладно, я пойду туда! – всхлипнула Мег. – Я знаю, что вы этого от меня хотите!

– Мы не хотим от тебя ничего, что бы ты сделала вопреки своей воле, – сказала миссис Что, – не понимая, на что идешь.

Мег перестала плакать так же внезапно, как начала:

– Нет, я все понимаю.

Она чувствовала себя усталой и на удивление спокойной. Теперь наконец-то тот холод, который заботами тетушки Твари оставил ее тело, оставил и ее душу тоже. Мег посмотрела на папу – все ее смтение и гнев куда-то делись, и она испытывала лишь любовь и гордость. Она улыбнулась папе, прося прощения, и прижалась к тетушке Твари. И на этот раз тетушка Тварь обвила ее рукой.

– Чтто тты ппонниммаешшь? – сурово спросил голос миссис Ведь.

– Что пойти должна я. Никто другой не справится. Я не понимаю Чарльза, зато он меня понимает. Я ему ближе, чем кто бы то ни было. Папа отсутствовал слишком долго, с тех пор как Чарльз Уоллес был еще младенцем. Они не знают друг друга. А Кальвин познакомился с Чарльзом Уоллесом совсем недавно. Если бы чуть подольше, тогда бы это был он, но... ну да, я вижу, я все понимаю: это должна быть я. Больше никому.

Мистер Мёрри, который сидел, упершись локтями в колени, а подбородочком в кулаки, встал:

– Я этого не допущу!

– Ппоччемму? – осведомилась миссис Ведь.

– Послушайте, я не знаю, что вы и кто вы, и мне сейчас, в общем-то, все равно. Я не допущу, чтобы моя дочь в одиночку отправилась навстречу опасности.

– Ппоччемму?

– Но вы же понимаете, что может случиться! А она сейчас слаба, слабее, чем была раньше. Черная Тень едва не убила ее. Я не понимаю, как вы вообще могли о таком подумать!

Кальвин вскочил:

– Может быть, ОНО про вас правду говорило! А может, вы с ним вообще заодно! Если уж кому идти, так это мне! Иначе зачем вы меня вообще с собой взяли? Чтобы заботиться о Мег! Вы сами так сказали!

– Ты уже позаботился, – заверила его миссис Что.

– Да я же ничего не сделал! – крикнул Кальвин. – Вы не можете отправить Мег! Я этого не допущу! Костями лягу! Я не позволю!

– Разве ты сам не видишь, что Мег и без того тяжело, а ты все делаешь

еще тяжелее для нее? – сказала ему миссис Что.

Тетушка Тварь развернула щупальца к миссис Что:

– А хватит ли ей сил, чтобы снова тессерировать? Вы же знаете, через что она прошла!

– Если с ней отправится Ведь, она должна выдержать, – ответила миссис Что.

– Если это поможет, я бы тоже могла отправиться с ней, поддержать ее. – Рука тетушки Твари крепче обняла Мег.

– Ой, тетушка Тварь... – начала было Мег.

– Нет, – отрезала миссис Что.

– Этого я и боялась, – смиренно сказала тетушка Тварь. – Я просто хотела, чтобы вы знали: если что, я...

– Миссис... э-э... миссис Что! – Мистер Мёрри нахмурился и откинул с лица отросшие волосы. Провел пальцем вдоль носа, словно поправляя несуществующие очки. – Вы не забыли, что она еще девочка?

– И к тому же отсталая! – выкрикнул Кальвин.

– Сам ты отсталый! – с жаром возразила Мег, надеясь, что негодование поможет ей унять дрожь. – Я в математике лучше тебя разбираюсь, сам знаешь!

– Хватит ли у тебя мужества, чтобы отправиться одной? – спросила у нее миссис Что.

– Нет, – бесцветным голосом ответила Мег. – Но это не имеет значения.

Она обернулась к папе и Кальвину:

– Вы же знаете, что это единственный выход. Вы же знаете, что меня бы ни за что не отправили одну, если бы...

– Но откуда мы знаем, вдруг они и правда заодно с ОНО? – осведомился мистер Мёрри.

– Папа!

– Ничего, Мег, – сказала миссис Что. – Я могу понять твоего папу. Он сердит, подозрителен и испуган. И я не могу сделать вид, будто тебе не грозит смертельнейшая опасность. Я должна открыто признать: ты можешь погибнуть. Я это знаю. Но я в это не верю. И Золотая Середина в это тоже не верит.

– А она не способна увидеть, что случится? – спросил Кальвин.

– В таком деле – нет, конечно. – Вопрос, похоже, удивил миссис Что. – Если бы мы заранее знали, что произойдет, мы бы... мы были бы как люди с Камазоца. У нас не было бы собственной жизни, все было бы рассчитано и сделано заранее. Ну как тебе объяснить? А, вот! В вашем языке есть

стихотворная форма, которая называется «сонет»...

– Ну да, есть, – нетерпеливо кивнул Кальвин. – И при чем тут Золотая Середина?

– Будь так любезен, дослушай, пожалуйста.

Голос миссис Что звучал сурово, и Кальвин ненадолго перестал переминаться с ноги на ногу, будто нервный жеребенок.

– Сонет – это довольно строгая стихотворная форма, не так ли?

– Да.

– Насколько я понимаю, в нем четырнадцать строк, написанных пятистопным ямбом. Это очень жесткий размер, да?

– Да, – кивнул Кальвин.

– И каждая строка должна завершаться строго определенной рифмой. А если поэт что-то напишет не так, это будет уже не сонет, верно?

– Ну да.

– Однако же внутри этой строгой формы поэт имеет полную свободу говорить что хочет, верно?

– Да, – Кальвин снова кивнул.

– Ну вот, – сказала миссис Что.

– Что «ну вот»?

– Ой, мальчик, не валяй дурака! – сердито сказала миссис Что. – Ты же прекрасно понимаешь, к чему я веду!

– Вы хотите сказать, что наша жизнь – как сонет? Строгая форма, но полная свобода в ее пределах?

– Ну да, – сказала миссис Что. – Форма задана изначально, но сонет ты пишешь сам. Все, что ты скажешь, зависит исключительно от тебя.

– Извините, пожалуйста, – сказала Мег, – но если уж я должна туда отправиться, давайте я отправлюсь, и все. А то с каждой минутой, что мы медлим, мне все труднее и труднее.

– Она пррравва! – прогремел голос миссис Ведь. – Ппорра!

– Можешь попрощаться, – сказала миссис Что. Это было не разрешение, а приказ.

Мег неуклюже сделала реверанс перед тварями:

– Спасибо вам всем! Большое спасибо! Я знаю, вы спасли мне жизнь!

Она не стала добавлять вслух то, о чем невольно подумала про себя: «Ну, спасли, и ради чего? Чтобы меня забрало ОНО?»

Она обняла тетюшку Тварь, уткнулась в мягкий, душистый мех.

– Спасибо! – шепнула она. – Я вас люблю.

– И я тебя тоже, малышка. – Щупальца тетюшки Твари нежно коснулись лица Мег.

– Кэл... – сказала Мег, протянув руку.

Кальвин подошел к ней, пожал ей руку, а потом бесцеремонно притянул к себе и поцеловал. Он ничего не сказал, отвернулся и отошел прежде, чем успел увидеть, как глаза Мег вспыхнули от изумления и радости.

И напоследок она обернулась к отцу:

– Пап... прости меня, пожалуйста.

Папа взял обе ее руки в свои и наклонился к ней, щуря близорукие глаза:

– Простить, Мегатрон? За что?

Она чуть снова не разревелась от этого милого старого прозвища.

– Я хотела, чтобы ты сделал все за меня. Я хотела, чтобы все было легко и просто... И я пыталась сделать вид, будто это все ты виноват... потому что мне было страшно и я не хотела ничего делать сама...

– Но ведь я же и сам хотел все сделать за тебя, – сказал мистер Мёрри. – Любой отец, любая мать этого хочет. – Он заглянул в ее потемневшие от страха глаза. – Нет, Мег, я тебя не пущу. Я сам пойду.

– Нет! – Голос миссис Что был таким суровым, каким Мег его никогда еще не слышала. – Вы предоставите Мег право встретиться с этой опасностью самой. Вы мудрый человек, мистер Мёрри. Вы отпустите ее.

Мистер Мёрри вздохнул и привлек Мег к себе:

– Мегапарсек, малышка моя! Ты не бойся страха. Мы постараемся быть мужественными за тебя. Это все, что мы можем сделать. Твоя мама...

– Мама всегда толкала меня навстречу миру, – сказала Мег. – Она бы хотела, чтобы я это сделала. Сам же знаешь. Скажи ей... – начала Мег и осеклась. У нее перехватило горло. Она помолчала, вскинула голову и сказала: – Нет. Забудь. Я ей сама скажу.

– Молодец! Конечно скажешь.

Теперь Мег медленно обошла вокруг большого стола и подошла к миссис Что, по-прежнему стоящей между колонн.

– Вы отправитесь со мной?

– Нет. Только миссис Ведь.

– Черная Тень... – Голос у Мег дрогнул от страха. – Когда папа меня тессерировал через нее, она меня чуть не убила.

– Твой папа прекрасный человек и мог бы многому научиться, – ответила миссис Что, – но он крайне неопытен в тессерировании. Пока что он относится к нему так, будто имеет дело с механизмом. Мы не позволим Черной Тени добраться до тебя. Я так думаю.

Это звучало не особенно обнадеживающе...

Минутное озарение и вера, снизошедшие на Мег, начали убывать.

– А предположим, я не смогу отнять Чарльза Уоллеса у ОНО...

– Прекрати! – Миссис Кто вскинула руку. – В прошлый раз, как мы отправили вас на Камазоц, мы снабдили вас дарами. Мы и теперь не отправим тебя с пустыми руками. Однако на этот раз то, что мы дадим тебе с собой, в руки не возьмешь. Я дарю тебе мою любовь, Мег. Никогда не забывай об этом. Моя любовь всегда с тобой.

Миссис Кто, сверкая глазами из-за очков, широко улыбнулась Мег. Та сунула руку в карман и протянула ей очки, которыми воспользовалась на Камазоце.

– Твой папа прав. – Миссис Кто взяла очки и спрятала их куда-то в складки своего одеяния. – Они утратили силу. А то, что я дам тебе на этот раз, ты должна постараться понять не слово за словом, а все разом, в озарении, так же, как постигаешь тессеракт. Слушай, Мег. Хорошенько слушай! «Божья „глупость“ мудрее людей, и Божья „слабость“ сильнее людей! Вы только посмотрите на себя, братья, какими вы были, когда вас призвал Бог. Много ли было среди вас тех, кого бы сочли мудрыми, много ли было влиятельных, много ли родовитых? Но чтобы посрамить мудрых, Бог избрал то, что в мире считается глупым; чтобы посрамить сильное – то, что в мире считается слабым. И избрал безродное и ничтожное, так сказать, ничто, чтобы обратить в ничто то, что для мира что-то значит»^[15].

Она помолчала, а потом сказала:

– Пусть правда победит!

Ее очки как будто вспыхнули. У нее за спиной, сквозь нее, сделалась видна одна из колонн. Очки еще раз блеснули напоследок, и миссис Кто исчезла. Мег нервно оглянулась туда, где прежде стояла миссис Что. Но и миссис Что больше не было.

– Нет! – воскликнул мистер Мёрри и шагнул было к Мег.

Сквозь мерцание послышался голос миссис Ведь:

– Я нне ммоггу вззятть ттеббя за ррукку, ддиття.

И Мег мгновенно унесло во тьму, в ничто, а потом в ледяной всепожирающий холод Черной Тени. «Миссис Ведь меня ей не отдаст!» – снова и снова повторяла себе Мег, пока, казалось, сами кости у нее трескали от холода Черной Тени.

А потом все миновало, и она, запыхавшись, оказалась стоящей на том же холме, на котором они очутились, когда впервые прибыли на Камазоц. Мег было холодно, она слегка заоченела, но в целом это было не страшнее, чем зимой после того, как она целый день каталась на коньках на льду замерзшего пруда. Мег огляделась. Она была совершенно одна.

Сердце у нее заколотилось.

А потом, будто звучащее со всех сторон эхо, послышался голос миссис Вейд:

– Я нне вручила ттеббе ссвоего ддарра. У ттеббя есстть ннечтто, ччегго ОННО нне иммеетт. Этто ттвое еддинственное оруужие. Нно егго тты ддолжжна ннаййти ссамма.

Голос утих, и Мег поняла, что теперь она одна.

Она начала медленно спускаться с холма. Сердце болезненно колотилось о ребра. Внизу виднелся тот же самый ряд одинаковых домиков, который они уже видели раньше, а дальше – угловатые здания городского центра. Мег пошла по тихой улочке. Уже стемнело, на улице не было ни души. Ни детей, играющих в мяч или прыгающих через скакалку. Ни матерей на пороге. Ни отцов, возвращающихся с работы. В каждом доме, в одном и том же окне, горел свет, и пока Мег шла по улице, все окна вдруг разом потухли. Это оттого, что она здесь, или просто пришло время гасить огни?

Она была какая-то окоченевшая – уже не испытывала ни ярости, ни разочарования, ни даже страха. Просто переставляла ноги, одну за другой, с выверенной точностью, не позволяя себе замедлить шаг. Она ни о чем не думала, ничего не планировала, просто шла да шла, медленно, но верно, в сторону центра города и здания с куполом, где пребывало ОНО.

И вот впереди показались первые многоэтажки. В каждом из домов светилась вертикальная полоса окон, но свет этот был тусклый и жутковатый, совсем не такой, как теплые лампочки на лестничных площадках в земных городах. И не видно было ни единого одиноко светящегося окошка, где кто-то заработался допоздна или просто моет полы в конторе. Из каждого дома вышел один человек – видимо, сторож – и двинулся в обход здания. Мег они как будто и не видели. Во всяком случае, внимания на нее не обратили, и она прошла мимо.

«Что же у меня есть такого, чего нет у ОНО? – вдруг подумала она. – Ну что у меня может быть?»

Теперь Мег проходила мимо самых высоких деловых зданий. Там тоже тускло горели вертикальные линии окон. Стены слегка светились, слабо подсвечивая улицы. Впереди показался ЦЕНТР централизованной координации. Интересно, красноглазый там так и сидит? Или его все же отпускают спать? Но Мег нужно было не туда, хотя сейчас, по сравнению с ОНО, красноглазый действительно казался милым, добрым дедушкой, за которого себя выдавал. Но он никак не мог ей помочь в поисках Чарльза Уоллеса. Ей надо идти напрямик к ОНО.

«ОНО не привыкло, чтобы ему сопротивлялись. Папа говорил, что именно так ему удалось выстоять и именно благодаря этому нам с Кальвином удалось продержаться так долго. Тогда меня спас папа. Теперь тут никого нет и спасать меня некому. Придется самой. Придется противостоять ОНО в одиночку. Ну что же у меня есть такого, чего ОНО не имеет? Нет, сопротивляться ОНО точно может. ОНО просто не привыкло, чтобы другие ему сопротивлялись...»

ЦЕНТР централизованной координации перегородил своей прямоугольной машиной весь конец площади. Мег свернула, чтобы его обойти, и слегка – совсем чуть-чуть – замедлила шаг.

До громадного купола, где обитало ОНО, оставалось совсем немного.

«Я иду к Чарльзу Уоллесу. Это главное. Вот о чем надо думать. Лучше бы я ничего не чувствовала, как было сначала. Ну а вдруг ОНО упрятало его куда-нибудь в другое место? Вдруг его там нет?

Нет, все равно сначала надо туда. Иначе я этого никак не узнаю».

Мег брела все медленнее и медленнее. Она миновала громадные бронзовые двери, колоссальную машину ЦЕНТРА централизованной координации, и вот наконец впереди показался странный, сияющий, пульсирующий купол ОНО.

«Папа говорил, что бояться нормально. Он так и сказал – не бойся страха. А миссис Кто сказала... я не понимаю, что она сказала, но, кажется, она хотела, чтобы я не стыдилась того, что я – всего лишь я и что я такая, какая есть. А миссис Что велела запомнить, что она меня любит. Вот о чем надо думать. А не о том, как мне страшно. И что я не такая умная, как ОНО. Миссис Что меня любит. А когда тебя любит такое существо, как миссис Что, это что-нибудь да значит!»

И вот она пришла.

Как бы медленно она ни плелась под конец, ноги все-таки принесли ее сюда.

Прямо напротив высилось круглое здание, со стенами, вспыхивающими фиолетовыми языками пламени, с серебристой крышей, пульсирующей вспышками, которые Мег казались безумными. И снова она почувствовала, как свет, ни теплый ни холодный, тянется к ней, увлекая ее к ОНО.

Раздался чмокающий звук, и Мег очутилась внутри.

Из нее как будто дух вышибли. Девочка принялась хватать воздух ртом, пытаясь дышать в своем собственном ритме, не подчиняясь назойливому ритму ОНО. Она чувствовала внутри своего тела неумолимое биение, подчиняющее себе ее сердце, ее легкие...

Но не ее самое. Не саму Мег. Ее ОНО пока что не подчинило.

Девочка быстро-быстро заморгала, не в такт этому ритму, и вот наконец багровая пелена растаяла и зрение к ней вернулось. Вот он, мозг, вот оно, ОНО – пульсирующее и трепещущее на своем возвышении, рыхлое, обнаженное, тошнотворное. Чарльз Уоллес сидел на корточках рядом с ОНО, глаза у него по-прежнему медленно вращались, рот был по-прежнему приоткрыт – все было так же, как тогда, когда Мег видела его в последний раз, и лоб у мальчика подергивался в такт омерзительному ритму ОНО.

Когда Мег его увидела, ее снова как будто ударили под дых, потому что она заново осознала, что видит Чарльза и в то же время совсем не Чарльза. Где же Чарльз Уоллес, ее любимый, ненаглядный Чарльз Уоллес?

«Что же во мне есть такого, чего ОНО не имеет?»

– В тебе нет ничего такого, чего не было бы у ОНО, – холодно ответил Чарльз Уоллес. – Как славно, что ты вернулась, сестрица. Мы тебя ждали. Мы знали, что миссис Что пошлет сюда тебя. Она ведь наш друг, ты же знаешь.

На один кошмарный миг Мег ему поверила, и в этот момент она ощутила, как ОНО вбирает в себя ее разум.

– Э-э, нет! – крикнула она во все горло. – Нет! Врешь!

И на какое-то время она снова вырвалась из хватки ОНО.

«До тех пор, пока мне удастся как следует разозлиться, ОНО меня не получит.

Может, это и есть то самое, чего ОНО не имеет?»

– Ерунда, – сказал Чарльз Уоллес. – Нет у тебя ничего такого, чего не было бы у ОНО.

– Врешь! – повторила Мег, не испытывая ничего, кроме гнева, к этому мальчишке, который вовсе не был Чарльзом Уоллесом.

Да нет, это был не гнев – это было отвращение; это была ненависть, чистая, незамутненная ненависть. И, поддавшись этой ненависти, Мег тут же начала поддаваться ОНО. Перед глазами поплыли багровые клубы; живот начал подергиваться в такт его ритму. Все тело дрожало от силы этой ненависти – и от мощи ОНО.

Последним обрывком сознания Мег выдернула свой разум и тело из трясины. Нет, ненависть явно не то, чего нет у ОНО. О ненависти ОНО знает все.

– Ты все врешь! И про миссис Что ты тоже врал! – заорала она.

– Миссис Что тебя ненавидит, – сказал Чарльз Уоллес.

И вот тут ОНО совершило роковую ошибку. Потому что Мег, не

задумываясь, ответила:

– Нет, миссис Что меня любит! Она мне сама сказала, что любит меня!

И тут она все поняла.

Она все поняла!

Любовь!

Вот что у нее есть, а у ОНО нету.

С ней была любовь миссис Что, и любовь папы, и любовь мамы, и настоящего Чарльза Уоллеса, и близнецов, и тетушки Твари.

И ее собственная любовь к ним ко всем.

Но как же ее использовать-то? Что надо делать?

Наверно, если возлюбить ОНО, ОНО усохнет и умрет, потому что любви ОНО не вынесет – в этом Мег была уверена. Но она, в своей глупости и слабости, в своем ничтожестве, не способна была возлюбить ОНО. Возможно, это было не так уж трудно, но она просто не могла.

Зато она могла любить Чарльза Уоллеса!

Своего родного Чарльза Уоллеса, настоящего Чарльза Уоллеса, мальчика, за которым она вернулась на Камазоц, к ОНО, малыша, который был намного важнее ее и в то же время был пока еще так беззащитен.

Да, она могла возлюбить Чарльза Уоллеса.

«Чарльз! Чарльз, я тебя люблю! Мой маленький братишка, который всегда обо мне заботится! Вернись ко мне, Чарльз Уоллес, брось это ОНО, возвращайся, пойдем домой! Я люблю тебя, Чарльз! Ах, Чарльз Уоллес, как же я тебя люблю!»

По щекам у нее струились слезы, но Мег этого не замечала.

Теперь Мег даже могла смотреть на него, на эту говорящую куклу, которая вовсе не была ее Чарльзом Уоллесом. Она могла смотреть, она могла любить.

«Я люблю тебя! Чарльз Уоллес, ты моя радость и счастье, свет жизни моей, сокровище души моей! Я люблю тебя! Я люблю тебя! Я люблю тебя!»

Медленно-медленно рот у него закрылся. Медленно-медленно глаза перестали вращаться. И этот мерзкий тик на лбу прекратился. Медленно-медленно Чарльз Уоллес пошел в ее сторону.

– Я люблю тебя! – крикнула Мег. – Я люблю тебя, Чарльз! Я люблю тебя!

И вдруг он сорвался с места и помчался к ней, с разгона налетел на нее и кинулся ей в объятия, рыдая в голос:

– Мег! Мег! Мег!

– Я люблю тебя, Чарльз! – вновь воскликнула она, рыдая почти так же

громко, как он, и ее слезы смешивались с его слезами. – Я люблю тебя! Я люблю тебя! Я люблю тебя!

И тут – вихрь темноты. Ледяной порыв ветра. Злобный, разъяренный вой, который как будто пронизал ее насквозь. И снова тьма. И сквозь тьму пришло спасительное ощущение присутствия миссис Чо, так что Мег поняла: это не ОНО сжимает их в своей хватке.

А потом – ощущение земли под ногами и чьего-то тела в руках, и Мег упала и покатилась по душистой осенней земле, и Чарльз Уоллес все всхлипывал и вскрикивал: «Мег! Ах, Мег!»

И она прижала его к себе крепко-крепко, и его ручонки изо всех сил обвили ее шею.

– Мег, ты меня спасла! Ты меня спасла! – повторял он снова и снова.

– Мег! – окликнули ее. В темноте к ним бежали папа и Кальвин.

Мег, не отпуская Чарльза, попыталась встать и оглядеться.

– Папа! Кэл! Мы где?

Чарльз Уоллес, крепко держа ее за руку, тоже озираясь по сторонам и вдруг рассмеялся – своим настоящим, милым, заразительным смехом.

– Мы в огороде близнецов! И упали прямо на брокколи!

Мег тоже рассмеялась, одновременно пытаясь обнять папу, Кальвина и при этом не выпустить Чарльза Уоллеса.

– Получилось, Мег! – вопил Кальвин. – Ты спасла Чарльза!

– Я тобой так горжусь, доченька! – Мистер Мёрри серьезно поцеловал ее, потом обернулся к дому. – Ну а теперь мне надо к маме.

Мег чувствовала, что папа с трудом сдерживает тревогу и нетерпение.

– Гляди! – Она указала на дом. Оттуда к ним по высокой росистой траве шли близнецы и миссис Мёрри.

– Завтра первым делом надо будет раздобыть новые очки! – сказал мистер Мёрри, щурясь при свете луны, и бегом бросился навстречу жене.

Через лужайку донесся сердитый голос Денниса:

– Эй, Мег, спать уже пора!

И тут вдруг Сэнди завопил:

– Папа!

Мистер Мёрри бежал через лужайку, миссис Мёрри бросилась ему навстречу, и они кинулись друг другу в объятия, и на лужайке немедленно образовалась радостная куча-мала из рук, ног и объятий: и старшие Мёрри, и Мег, и Чарльз Уоллес, и близнецы, – и Кальвин улыбался, глядя на них, пока Мег не потянулась и не втащила в эту кучу и его тоже, и миссис Мёрри обняла его отдельно. Все говорили и смеялись одновременно, как вдруг раздался грохот: Фортинбрас, который не желал больше ни секунды

оставаться в стороне от всеобщего ликования, вышиб своей стремительной черной тушей застекленную дверь кухни. Пес пронесся через лужайку, врезался в толпу и чуть было не посбивал их с ног от восторга.

Мег сразу поняла, что миссис Что, миссис Кто и миссис Ведь, должно быть, где-то рядом, потому что чувствовала внутри себя прилив радости и любви, которые были еще сильнее и глубже, чем радость и любовь, бушевавшие вокруг.

Она перестала смеяться и прислушалась, и Чарльз тоже прислушался:
– Тише!

Жужжащий звук – и перед ними очутились миссис Что, миссис Кто и миссис Ведь. Радость и любовь сделались настолько осязаемы, что Мег показалось – их можно буквально потрогать руками, если только знать, куда тянуться.

Миссис Что сказала, запыхавшись:

– Ой, дорогие мои, вы уж извините, что нам некогда с вами как следует попрощаться. Понимаете, нам надо...

Но они так и не узнали, что же такое было надо миссис Что, миссис Кто и миссис Ведь, потому что налетел порыв ветра и все три дамы исчезли.

---

notes

СНОСКИ

Дюйм – примерно 2,5 сантиметра, то есть ноги Чарльза Уоллеса не доставали до пола сантиметров пятнадцать. *(Примеч. ред.)*

1 фунт – примерно 450 граммов, то есть мальчик был тяжелее примерно на 11 килограммов. (*Примеч. ред.*)

Объединение детских и юношеских бейсбольных команд США.
(Примеч. перев.)

Уильям Шекспир. Макбет. Акт I, сцена 1. Пер. Б. Пастернака.

Ср.: Библия, Книга пророка Исайи, гл. 42, стихи 10–12. Далее ссылки на Библию будут даваться в общепринятом виде – сокращенное название книги, глава и стих: Ис. 42:10–12. Книга пророка Исайи и Евангелие от Иоанна цитируются по русскому синодальному переводу; Послания апостола Павла – по переводу В. Кузнецовой «Радостная весть». (*Примеч. перев.*)

Ил. 1: 5.

Сумах – род кустарников, произрастающих на Земле почти повсюду; у многих видов осенью листья становятся ярко-алыми, прежде чем облететь. Золотарник – род травянистых растений с желтыми цветками, распространенный в Северном полушарии. (*Примеч. ред.*)

Уильям Шекспир. Буря. Акт I, сцена 2. Пер. М. Донского.

Знаменитый небоскреб, одно из самых высоких зданий в Нью-Йорке и во всем мире; первое в истории архитектуры здание, в котором насчитывалось более ста этажей. (*Примеч. перев.*)

Геттисбергская речь президента Авраама Линкольна, одна из известнейших речей в истории США. (*Примеч. перев.*)

Отсылка к цитате из «Гамлета»: «Подгнило что-то в Датском государстве». (*Примеч. перев.*)

Рим. 8: 28.

Рим. 8: 28, 30.

2 Кор. 4: 18.

1 Кор. 1: 25–28.